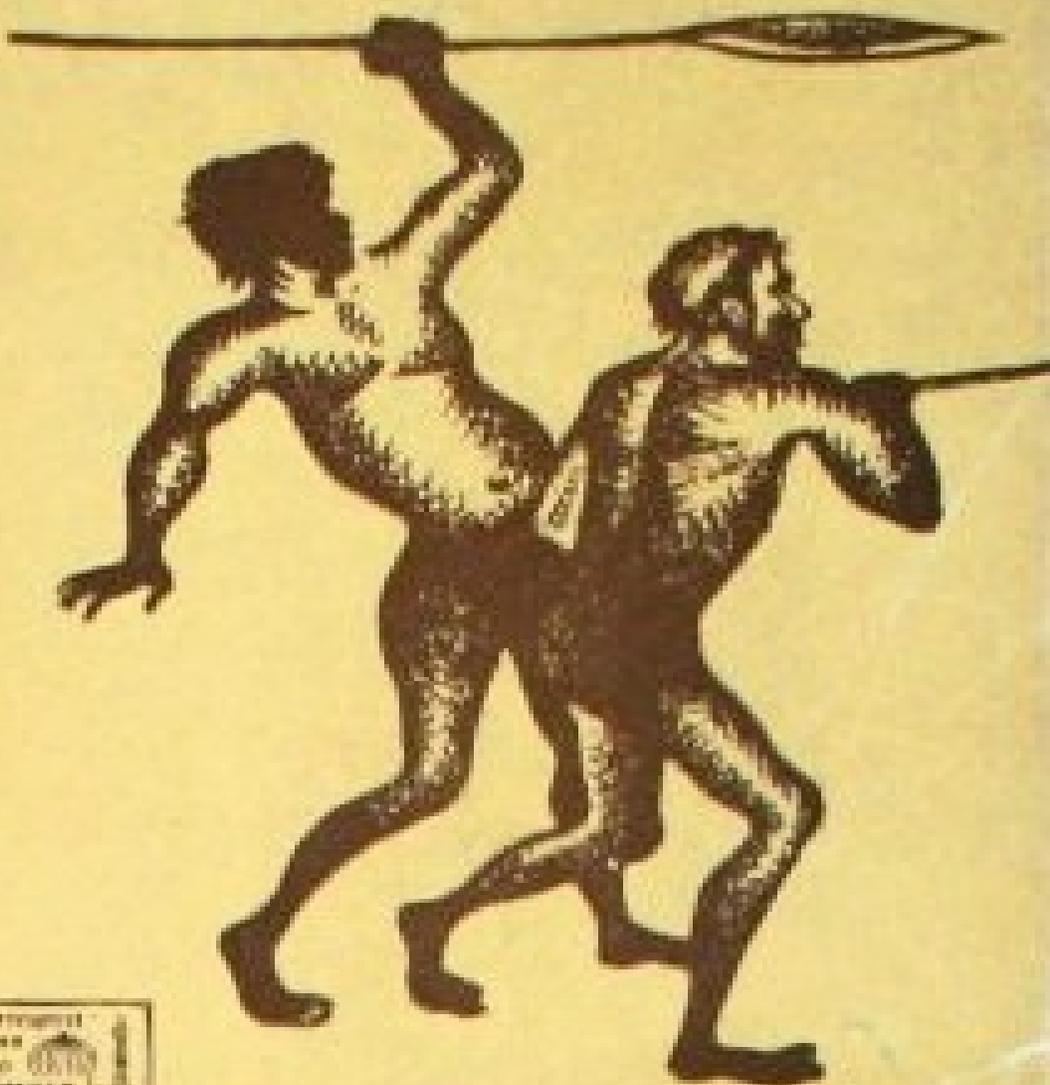
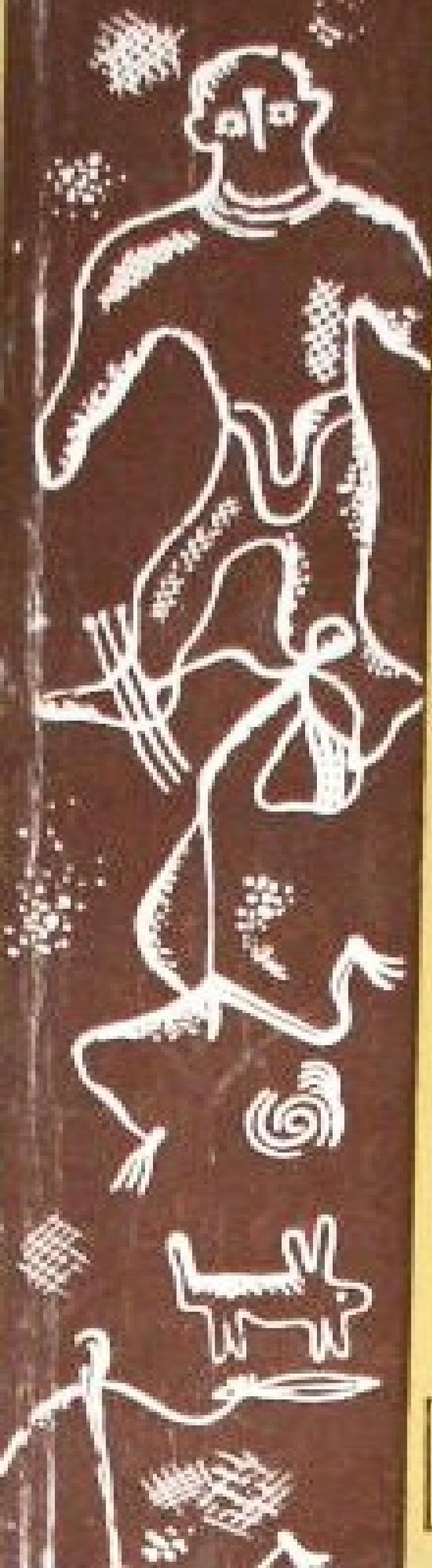

АЛАН МАРШАЛЛ

МЫ
ТАКИЕ ЖЕ
ЛЮДИ

Annotation

«Мы такие же люди» — так известный австралийский писатель Алан Маршалл озаглавил свою книгу о коренных жителях этого континента. Он рассказал в ней, что за люди — аборигены Австралии, кто и почему отказывает им в равных правах с англо-австралийцами.

- [Маршалл Алан](#)
 - [1. Путешествие на остров Четверга](#)
 - [2. Рассказы Куки](#)
 - [3. Нагир](#)
 - [4. Баду](#)
 - [5. Мадуа с острова Баду](#)
 - [6. На берегах залива Карпентария](#)
 - [7. Мапун](#)
 - [8. Бенни Чарджер из Мапуна](#)
 - [9. Уэйпа](#)
 - [10. Шарк из Орукуна](#)
 - [11. Дети Орукуна](#)
 - [12. Торжественная церемония в Орукуне](#)
 - [13. Танцоры Орукуна](#)
 - [14. Дэн де Буш](#)
 - [15. Затонувший корабль и церковь](#)
 - [16. Кауэл-Крик](#)
 - [17. Арнхемленд](#)
 - [18. Грут-Айленд](#)
 - [19. Буйволы и гуси](#)
 - [20. Церковная служба в Милингимби](#)
 - [21. Прием больных](#)
 - [22. Дети](#)
 - [23. «Женская пища»](#)
 - [24. Первое столкновение](#)

- [25. Гарри из Милингимби](#)
 - [26. Гарри у себя дома](#)
 - [27. Фред](#)
 - [28. Прокаженные](#)
 - [29. Фред в беде](#)
 - [30. Второе столкновение](#)
 - [31. Остров Элко](#)
 - [32. Побережье Арнхемленда](#)
 - [33. Оэнпелли](#)
 - [34. «Вампир»](#)
 - [35. Рассказы Мараваны](#)
 - [36. Маравана рассказывает новые легенды](#)
 - [37. Верхом по Арнхемленду.](#)
 - [38. Изображения в пещере](#)
 - [39. Маулан из Йиркалла](#)
 - [40. Что думают об этом белые?](#)
 - [41. Заключение](#)
-

Маршалл Алан

Мы такие же люди (очерки)

*Ведь мы же знали, что их кровь
струится в наших реках.*

*Что черноземом на полях лежит их
черный прах,*

*Но забывали, что все люди - дети
Человека...*

Джудит Райт

1. Путешествие на остров Четверга

Австралиец был высокого роста, с коричневой кожей и шапкой вьющихся волос. Его красная набедренная повязка резко выделялась на темном фоне катера, где он стоял. Подобно заграничной наклейке на чемодане яркая повязка наводила на мысль о пагодах, пальмах и дальнем плавании.

Я стоял на пристани Ред-Айленд-Пойнт (полуостров Кейп-Йорк) на самом севере Австралии. Катер отправлялся на остров Четверга, до которого было двадцать две мили. Он то поднимался, то опускался на волнах, набегавших из Торресова пролива.

Австралиец широко улыбнулся, обнажив ряд ровных белых зубов. Он сделал несколько шагов по палубе и протянул мне руку. Я заметил, что кожа на ладони была совсем светлая. Его пальцы обхватили мое запястье, словно щупальца обитателя морских глубин; когда я прыгнул вниз, он подхватил меня на лету.

Я пошел на корму и сел у поручней, упираясь руками в брезентовый тент, прикрывавший трюм. Брезент тянулся до рубки.

Капитан катера завел мотор. Абориген в красной набедренной повязке взобрался на крышу рубки и уселся там, скрестив руки; его могучая спина блестела под жаркими лучами тропического солнца.

Мотор заработал. Вода за кормой забурлила. С севера по горизонту вырисовывались голубые призрачные острова; над ними нависла громада кучевых облаков - предвестников сезона дождей. Вот уже несколько дней, как эти облака повисли над цепью гористых островов. Время от времени слышались

далекие раскаты грома, а ночью в небе вспыхивали молнии. Через несколько недель облака затянут все небо. Налетит шквал, заставляя деревья дрожать и гнуться, а потом прольется благодатный тропический дождь. Так здесь наступает сезон дождей.

Подобно расшалившемуся ребенку, катер затеял шумную игру с морем. Он подставлял свой тяжелый нос набегающим волнам и принимал удары каждой волны, словно грубоватые шлепки товарища по играм.

Абориген на крыше рубки сидел неподвижно. Он напоминал носовое украшение корабля. Одна его нога свисала вниз, исчезая в открытом люке. Он упирался подбородком в колено другой ноги.

Приподняв брезент, я заглянул в рубку. Огромная темная ступня аборигена покоилась на рулевом колесе, пальцы сжимали одну из спиц. Абориген орудовал большим пальцем ноги с удивительной легкостью, быстро двигая им или задерживая его в определенном положении, словно выполняя чью-то команду. Удерживал ли он колесо от вращения, или отпускал его, - катер неизменно противостоял натиску волн.

Я опустил брезент и стал рассматривать деревья и скалы острова Энтранс, мимо которого лежал наш путь. Волны разбивались о скалы, под горячим солнцем ^трепетали темные тени деревьев. Остров, покрывающийся в сезон дождей зеленью, сейчас излучал палящий зной.

В 1849 году в эти воды вошел английский двадцативосьмипушечный военный корабль "Рэтлснейк". Капитан Оуэн Стэнли решил сойти на берег. Ученый Томас Гекели рассказывает, что, когда они высадились, из зарослей выбежала нагая белая женщина. Женщину звали Барбара Томсон. Четыре года назад она, ее муж и еще четверо мужчин вышли в море, чтобы разыскать остов разбитого судна, рассчитывая спасти груз. Мужчины затеяли ссору, лодка затонула у

острова Энтранс. В живых осталась одна Барбара. Ее спасли островитяне, а один из них, по имени Борото, взял в жены.

Итак, перед нами была родина Борото - аборигена, который взял в жены белую женщину. Теперь остров безлюден. На родине Борото не слышится человеческая речь. Безлюден и остров Принца Уэльского, где некогда тоже жили люди. Опустели и все другие острова, которые лежат к северу.

"Белые люди, - сказал мне позднее темнокожий мальчик, - приходят на наши острова, как болезнь. Они не остаются. Они приходят и уходят. А после них приходит Смерть и поселяется среди нашего народа. Ее лицо - лицо белого человека. Скоро на этих островах никого не останется. Тогда белые люди перестанут сюда приезжать. Они отправятся в другие места, где темнокожие сильны и здоровы. И темнокожие там вымрут, как мы".

Остров Энтранс молчал. Ведь остров без жителей - это остров без голоса. Сто лет назад, когда здесь жил Борото, Энтранс мог говорить устами его племени. Словно погруженный в тяжелое раздумье, остров не видел нашего катера, уверенно рассекавшего волны.

Но вот Энтранс остался позади. Встречая открытое море, наш "Дельфин" встал на дыбы, как лошадь. Я уцепился за поручни. Катер тяжело приподнимался, неохотно преодолевая сопротивление ветра и свистящих волн, затем скользил вниз, на мгновение замирая в голубовато-зеленых впадинах моря.

Рулевой по-прежнему орудовал ногой, направляя катер. Он сидел на крыше рубки все в той же позе и напряженно смотрел перед собой, остерегаясь рифов и мелей. Он казался олицетворением той силы, которая заставляла нас скользить по волнам; он словно управлял и ветром и морем.

Когда нос катера поднимался навстречу волне, фигура рулевого взмывала вверх подобно ястребу. Его коричневый торс и красная набедренная повязка раскачивались на фоне облаков, как если бы он сражался с насыщенным влагой ветром. Затем катер скользил вниз, и рулевой, мелькнув на фоне мангров {Мангровые леса, или мангровы, - растительность низменных, затопляемых тропических побережий. Характерная особенность мангров - наличие разветвленных, погруженных в ил корней. Наиболее распространенное растение мангров - ризофора (*Rhizophora mucronata*). - Здесь и далее прим. ред.}, окаймлявших остров Хорн, раскачивался внизу, на фоне морской синевы.

Мне казалось, что рулевой должен сгибаться и распрямляться в такт движениям катера; если его могучие мускулы перестанут напрягаться, судно перестанет двигаться вперед. Но нет - он неподвижно сидел на своем месте с невозмутимым видом. Когда он взмывал над гребнем волны, на него обрушивался дождь белых брызг. Мы вошли в пролив Боут между островами Хорн и Принца Уэльского, где ветер уже не подстегивал обессиленные волны. Они устало катились, сталкивались друг с другом и откатывались назад. Катер легко рассекал их.

Желтые и оранжевые листья ризофор покачивались на поверхности воды, вытянувшись волнистыми линиями; временами они исчезали в бурлящей пене.

По берегам острова Хорн ризофоры стояли в воде. Насыщенная влагой поросль висела над поверхностью моря на корнях. Между рядами деревьев протоки выносили в море ил. На образовавшихся отмелях виднелись следы крокодилов.

Остров Четверга лежит посередине пролива Боут. Мы пристали к берегу. На пристани толпились островитяне в военной форме - в рубашках и шортах

цвета хаки. Офицер, встречавший меня на пристани, был невысокого мнения об австралийских писателях, которые ненадолго приезжают в тропические районы Австралии, а по возвращении делятся своими впечатлениями с читателями.

- Значит, вы приехали сюда собирать материал? - сказал офицер, когда мы сели в джип. - Что ж, читал я писания ваших коллег про стройные пальмы над золотыми пляжами, синее море и прекрасных девушек-туземок. Если бы вы тут пожили лет двадцать, то не стали бы писать подобной чепухи.

- А вам разве не нравятся тропики? - спросил я.

- Нет, не особенно. Для меня тропики - это прежде всего зловоние, лихорадка и насекомые, набрасывающиеся на вас, как только вы высунете нос из-под сетки.

Перед зданием столовой стояло несколько деревьев в цвету. Это был красный жасмин. Опавшие лепестки покрыли землю густым ковром, воздух был насыщен их ароматом.

Мы расположились в просторной столовой и выпили холодного пива. Через широкие окна был виден отлогий берег моря, поросший кокосовыми пальмами. Волны прилива быстро набегали. Пенящаяся вода заливала буй.

- Нет, - продолжал офицер, - вы мне лучше не говорите о тропиках. Я хорошо их знаю. Вот мы с вами сидим и истекаем потом; сегодня ночью задохнешься, даже если ничего на себя не натянешь, кроме сетки от москитов. Вас сейчас качало на катере под палящим солнцем. Я пересекал этот отрезок моря не менее сотни раз, я-то знаю, что это скучное, утомительное путешествие. По всей вероятности, вернувшись домой, вы объявите себя специалистом по морскому плаванию на остров Четверга. Вы опишете его, а люди прочтут и

скажут: "Ах, какая прелесть!" Все вы, писатели, говорите неправду.

- То, что вы считаете ложью, - для меня правда, - ответил я. - Мы смотрим на вещи разными глазами.

- Что вы видели по пути сюда такого, о чем стоило бы написать? , ;. Я рассказал ему о своих впечатлениях.

- Рассказни! - рассмеялся он. - Чистое воображение!

Нам подали завтрак. Я спросил его, что он думает о коренных австралийцах.

- Писатели с юга Австралии переоценивают аборигенов, - сказал он. Мы-то понимаем, что они дикари. Единственный понятный туземцу язык - это язык плетки. Они отъявленные лентяи. Сколько ни положишь труда на их воспитание, в душе они всегда останутся дикарями.

- Я уверен, что это не так, - возразил я.

- Вы вообще ничего не знаете о туземцах!

- Но я кое-что знаю о природе человека, - доказывал я.

- Вы хотите сказать - белого человека. У черных мало общего с белыми. Вы приезжаете сюда с мечтой о мире, где белый и черный - братья. Ложная сентиментальность! Черный - в сущности животное. Если вы к нему добры, он рассматривает это как слабость; бейте его, и он станет вас уважать.

- Смотрите, - показал он пальцем туда, где за окном под пальмой спал абориген, подложив под голову руки. - Что я вам говорил? Полюбуйтесь дрыхнет, вместо того чтобы работать! Это олицетворение всех островитян. Они работают только из-под палки. Армия испортила туземцев, они вообразили, что сами не хуже белых.

Когда мы поднялись из-за стола, мой собеседник положил руку мне на плечо и сказал:

- Ну что ж, мистер Маршалл, я покидаю вас. В тропиках есть одно правило, которое необходимо

выполнять: в полдень следует отдыхать, иначе вы не сможете работать. Встретимся часа через два.

2. Рассказы Куки

Я сидел на носу "Тани" - кеча {Кеч - небольшое двухмачтовое судно.}, на котором солдаты-аборигены с различных островов Торресова пролива ехали на побывку домой. У солдат, нагруженных вещевыми мешками, туго набитыми подарками для жен и детей, был довольный вид. Некоторые из них не виделись с семьями по два года.

"Тани" зарывался носом в волны, поднимая фонтаны брызг. Большинство белых на борту страдали морской болезнью, аборигены же, расположившиеся на носу, словно наслаждались качкой. Они не обращали внимания на обдававшие их брызги.

Я сидел между Наггетом и Куки {Наггет (nugget) по-английски означает "самородок": Куки (cookie) - "повар".}, двумя матросами-островитянами, и наблюдал за летучими рыбами. Эти изящные рыбки, преследуемые муренами и королевскими рыбами, пытались ускользнуть, выпрыгивая из воды; казалось, они исполняют какой-то фантастический танец под яркими лучами солнца.

Куки - худощавый, гибкий человек - встал и пошел на корму, чтобы проверить удочку, которую он привязал к поручням. По-видимому, он служил мишенью для шуток своих приятелей. К нам присоединилось четверо солдат-островитян. Я заметил, что стоило Куки заговорить, как на их лицах появлялась улыбка.

Когда Куки вернулся, Наггет, наблюдавший, за ним с усмешкой, громко сказал мне:

- Наш Куки - замечательный рыбак. В ответ Куки состроил гримасу.

- Скоро мне попадется рыба, - ответил он, - И крупная.

- Ты женат, Куки? - спросил я. Мне захотелось побольше узнать об этом веселом человеке.

- Да, женат.

- Он удачно женился, - многозначительно вставил Наггет.

Стоявшие позади меня солдаты рассмеялись, а один из них заметил:

- Куки - очень хороший муж.

Куки усмехнулся и промолчал.

- С какого острова ты родом, Куки? - поинтересовался я.

- С Дарнли.

- С Дарнли? - повторил я. - Слышал о таком. Это красивый остров?

- Самый красивый, - подхватил Куки.

- Остров Муррей лучше, - возразил Наггет.

- Мне помнится, жители Муррея были отважные воины, - сказал я.

- Лучше их в Торресовом проливе не было, - подтвердил Наггет.

- Ребята с Дарнли были лучше, - решительно возразил Куки.

Наггет усмехнулся и, вытянув босую ногу, ткнул Куки в спину.

- Ребята с Дарнли ничего не стоят, - сказал он.

- Расскажи мне о Дарнли, Куки, - попросил я. - Кто был первый белый человек, побывавший там?

- Доктор Макфарлен.

- Макфарлен... Кажется, я уже слышал это имя. А где был ты, когда он к вам приехал?

Куки удивленно посмотрел на меня, проверяя, серьезно ли я спрашиваю. Затем он ухмыльнулся и показал пальцем вниз.

- Я был далеко, в сердце земли, - ответил он.

Аборигены так и покатались со смеху. На глазах у них выступили слезы, они повторяли: "Вот это да - в

сердце земли!"

Позднее я выяснил, что distinguished доктор Макфарлен написал книгу о Новой Гвинее и островах Торресова пролива. Он побывал там в семидесятых годах прошлого века.

- Ты знаешь что-нибудь о докторе Макфарлене? - спросил я.

- Да, - ответил Куки. - Отец мне рассказывал.

- Пожалуйста, повтори то, что тебе рассказывал отец.

- Ладно, - согласился Куки.

Я вытащил записную книжку. Куки посмотрел на нее с заметным беспокойством. Остальные рассмеялись.

- Не обращай внимания, - успокоил я Куки. - Это для того, чтобы мне не забыть твой рассказ.

- Жители моего острова, - начал Куки, - никогда не видели белых. Однажды приехали к нам восемь темнокожих, а за ними доктор Макфарлен. Макфарлен послал их вперед. Он сказал им: "Не убивайте темнокожих на острове. Обращайтесь с ними хорошо!" Так они и поступили. А потом приехал на Дарили и он сам.

Тогда Даббард, вождь Дарнли, сказал своим людям: "Послушайте белого, он хочет что-то сказать. Не надо убивать белых. Они пришли с добрым словом. Когда-нибудь мы будем вместе жить в мире".

Тут люди с Дарили побросали луки и стрелы. Они сказали старику Даббарду: "Мы тебе верим. Пускай белые приходят, когда хотят".

- Ну и кто же из белых пришел к вам? - спросил я Куки, когда он умолк.

- Тут же появились вербовщики, - ответил он.

- А мистер Макфарлен был на острове, когда они появились? поинтересовался я после паузы.

- Нет. Он оставил на Дарнли своих людей, темнокожих, чтобы они помогли нам. Один из них

теперь живет на острове. У него голова работает лучше, чем у всех жителей Дарнли.

- А вы все были плохими до того, как он приехал? - спросил я.

- Да, - ответил он просто.

- Должно быть, в те времена тут была уйма плохих людей, - сказал я с улыбкой.

Куки уставился на меня, пытаюсь понять смысл моих слов. Присутствующие молчали. Вдруг Куки расхохотался, а за ним и мы. Аборигены, стоявшие позади меня, подошли ближе и опустились на палубу рядом со мной. Мы сразу прониклись симпатией друг к другу.

- Куда поехал доктор Макфарлен после Дарнли? - спросил я, когда смех умолк.

- Доктор Макфарлен поехал на другие острова и оставил одного из своих на Баду, другого - на Саибаи. Больше я ничего не знаю.

- Спасибо, Куки. Мне понравился твой рассказ. Что еще ты знаешь о своем народе?

Куки сосредоточенно сдвинул брови. Он посмотрел сначала на небо, потом на море, продолжая напряженно думать. Наконец он призвал на помощь окружающих:

- Что же еще я могу рассказать, а?

Наггет внезапно оживился, наклонился к Куки и стал ему что-то скороговоркой объяснять на родном языке. Его возбуждение передалось Куки, и он жестами выразил свое одобрение. К разговору присоединились и остальные четверо мужчин.

Куки повернулся ко мне и объявил:

- Я расскажу тебе, откуда взялись скалы в море возле Брамбл-Ки.

- Должно быть, это интересно, - сказал я.

- Да, очень интересно, - подтвердил Наггет. Брамбл-Ки - островок, расположенный к северу от Дарнли.

Рядом с островком из моря выступают скалы.

- Старые Люди, - начал Куки, - поклонялись солнцу. А некоторые верили, что, когда человек умирает, его дух спускается в подземный мир. Это так рассказывают, - добавил он застенчиво, словно опасаясь, как бы я не подумал, будто он сам разделяет верования Старых Людей.

- Понимаю, - сказал я. - Ты рассказываешь сказку.

Куки был удовлетворен. Кивнув головой, он продолжал:

- И вот однажды на Дарнли приплыли люди с острова Муррей. Они хотели затеять ссору. На Дарнли был вождь, звали его Реббес. Он сказал людям, которые хотели затеять ссору: "Давайте возьмем часть острова и перенесем на другое место - в Брамбл-Ки". И они взяли с холма камни, чтобы сложить Брамбл-Ки.

- Ну, как, нравится вам рассказ? - вдруг осведомился Куки.

- Очень нравится! Что же было дальше?

- Люди его послушались. Того, кто больше всех старался, звали Пайвари. И вот люди взяли камни и понесли их. Но камни были очень тяжелые, и они сложили их слишком близко. Реббес закричал: "Несите камни дальше!". Он стоял на Дарили и распоряжался оттуда. Люди снова подняли камни и отнесли дальше, но Реббес сказал: "Нет, несите еще дальше!" Они снова подняли камни и отнесли еще дальше, но Реббес опять сказал: "Еще дальше!"

Куки подождал, пока я все записал, а потом спросил, сколько раз у меня получилось "Несите дальше".

- Три раза, - ответил я.

- Надо, чтобы было четыре.

- Хорошо, - сказал я, записывая. - Теперь четыре.

- Потом Пайвари закричал с Брамбл-Ки: "Сложить их здесь!" И Реббес ответил: "Хорошо!" Сложив Брамбл-Ки,

они поплыли в лодке назад к Дарнли. Но ветер был слишком сильный. Пришлось им повернуть лодку, и все они, как один, превратились в камни.

- Эй, Наггет, - обратился Куки к своему напарнику. - Ведь правда, эти люди тут же превратились в камни?

- Правда, - ответил Наггет.

- Они не смогли добраться до Дарнли, - продолжал. Куки. - Эти камни и теперь лежат возле Брамбл-Ки - около мили от Дарнли. Когда Реббес и его родичи на Дарнли увидели, что произошло, они вошли в море и тоже превратились в камни. Камни до сих пор лежат там.

- И эти камни похожи на людей? - спросил я.

- Совсем как люди!

- Один человек, - сказал Наггет, - нес на спине ребеночка. Ребеночек тоже превратился в камень.

- Хотелось бы мне посмотреть на эти камни, - сказал я.

- Видишь, на Дарнли знают много историй.

- Наверное, люди твоего племени были замечательными рассказчиками.

- Да, было время, - ответил Куки. - А пришли белые, и все кончилось.

- Что вы думаете о белых? - спросил я.

Присутствующие смущенно молчали.

- Говорите же, - попросил я. - Можете не стесняться!

Я объяснил, почему мне хочется узнать их мнение: я понимаю, что мой народ плохо обошелся с ними, но, хотя я белый, сердце у меня, как у темнокожих, и, по всей вероятности, я соглашусь с тем, что они скажут.

Как мне позднее объяснил один белый, сделав это последнее, весьма туманное, заявление, я сразу совершил несколько оплошностей. Во-первых, я подорвал престиж белого человека в тропиках; во-вторых, я потерял уважение аборигенов, с которыми разговаривал; в-третьих, я дал им повод задуматься над

условиями их жизни; в-четвертых, я навел их на мысль о том, что есть белые, которые считают их равными себе; в-пятых, я обнаружил перед ними свою глупость, они этим воспользуются и ничего не станут делать для меня бесплатно. Итак, я взвалил на себя "тяжелую ответственность", но в то время это было мне еще неведомо.

Аборигены молча слушали меня, продолжая дружелюбно, хотя и настороженно, улыбаться. Когда я сказал, что необходимо создать лучшие условия для того, чтобы они могли учиться, они подняли головы, стараясь не пропустить ни одного слова.

Из разговоров с аборигенами на острове Четверга я узнал, что они жадно рвутся к знаниям. На этом острове солдат-аборигенов обучают основам английского языка и арифметики. Общеизвестно, что у солдат из коренного населения желания учиться гораздо больше, чем у белых.

Вдруг Наггет, который одобрительно поддакивал, положил мне на плечо широкую ладонь и серьезно сказал:

- Белые думают, что если они дадут нам образование, то сравняются с нами. Они не думают, что, наоборот, мы станем такими, как они. "Нет, говорят белые, - обучив их тому, что мы знаем сами, мы сравняемся с черными, будем жить так, как живут черные, будем думать так, как черные". Но мы так не считаем. Мы говорим: "Дайте нам образование, и мы будем такими, как белые. Мы будем жить, как живут белые; мы будем думать так, как белые".

Он прав, решил я, следя глазами за вереницей морских птиц, пересекавших путь корабля. Белые боятся дать образование аборигенам. "Не поднимайте черных до своего уровня, - говорят они. - Стараясь поднять их до себя, мы сами опустимся до их уровня". Белые считают свою культуру чем-то вроде тепличного

цветка, который следует холить и оберегать. В темнокожем, приобщившемся к западной культуре, они видят угрозу всему тому, чего они стремятся достигнуть. "Носителем нашей культуры может быть только белый человек", - кричат они, возомнив, что белая кожа сама по себе добродетель и залог прогресса.

"Стоит вам дать черному образование, и вы его погубите, - сказал мне один лавочник. - Он обнаглеет и захочет слишком многого". По его мнению, следует опасаться "наглости" темнокожих (у белых это зовется "независимостью" и "защитой своих прав"). К тому же дать образование аборигенам - значит поставить под угрозу материальное благополучие белых: "Темнокожие должны знать свое место. Лучший способ обращения с черным - не жалеть плетей".

- Некоторые белые говорят, - сказал я, - что вы не уважаете тех* кто хорошо обращается с вами. Они говорят, что вы хорошо работаете только на тех, кто с вами груб.

Эти слова произвели на присутствующих поразительное впечатление. Казалось, они вдруг перестали дышать. Их тела словно одеревенели от напряжения.

- Неужели так говорят? - недоверчиво спросил Наггет.

- Да, - ответил я.

Отвращение, которое отразилось на его лице, было убедительнее любого самого страстного словесного опровержения...

Мы наблюдали за косяком рыбы, плывшим в прозрачной воде. Над ним проносились чайки, то опускаясь на воду, то взмывая вверх. Ветер доносил до нас их крики.

Наггет сказал:

- Армия пошла нам, черным, на пользу. В армии мы познакомились с хорошими белыми людьми. Они

разговаривали с нами, мы стали друзьями. Среди белых есть хорошие люди. Офицер, который обучает солдат на 'острове Четверга, оказал нам немалую помощь. В армии мы могли брать и читать любые книги, с нами обращались так же, как с белыми. В армии белые люди не думают так, как вы сказали. Так думают только люди, которые ищут наживы...

Куки пошел проверить свою удочку. Наггет указал на зеленую полосу, показавшуюся на горизонте,

- Нагир, - сказал он.

На этом острове мы должны были высадить одного из солдат. Временами волны скрывали Нагир от нашего взора, но остров все приближался. Наконец я разглядел группу аборигенов, приветливо махавших нам с берега.

Я поднялся и пошел на корму. Идти по мокрой палубе было скользко, но мои костыли были подбиты резиной. Наггет шел рядом со мной. Он делал вид, что разглядывает остров, медленно надвигавшийся на нас, но его большие загрубелые ступни как бы случайно переступали одновременно с моими костылями. Так он шел рядом со мной до тех пор, пока я не вышел на сухое, защищенное тентом место.

3. Нагир

Нагир, как называют аборигены остров Маунт-Эрнест, расположен в 30 милях к северо-востоку от острова Четверга. Это гора, поднимающаяся над поверхностью воды. Ее поросшая лесом верхняя часть возвышается на 800 футов {Фут равен 0,3048 м.} над уровнем моря.

Южная оконечность острова круто спускается к воде, и тут огромные волны Тихого океана разбиваются о скалы, которые некогда поднимались над плодородной землей.

Северные склоны Нагира спускаются к морю уступами, окаймленными кустарником, а затем переходят в песчаный берег, на котором выстроились ряды кокосовых пальм. В тени этих пальм лежит деревня.

Люди, ожидавшие прибытия своего соплеменника, были ярко одеты. Они внимательно наблюдали за "Тани", покачивавшимся на якоре за полосой рифов.

Наггет спрыгнул в маленькую шлюпку и взялся за весла. Солдат-островитянин спрыгнул вслед за ним. Он был взволнован, но притворялся безразличным. Своих товарищей ему не удалось ввести в заблуждение - они смеялись и подшучивали над ним, подавая ему туго набитый вещевой мешок и бумажные свертки.

Когда шлюпка отчалила, люди на берегу приблизились к воде. Застенчивая маленькая девочка, которая следила за шлюпкой, ухватившись за юбку матери, вдруг спряталась за ее спиной. Оттуда она поглядывала на незнакомого ей человека, который был ее отцом.

Я перегнулся через поручни, наблюдая за встречей. Стоявшие рядом со мной аборигены тоже глядели на

берег. Все улыбались.

Нос шлюпки уткнулся в песок. Вернувшийся домой островитянин выскочил из нее и обнял жену. Дети уцепились за его ноги и руки. Он наклонился, поднял застенчивую девочку и посмотрел на нее. Дети подхватили свертки и вещевой мешок. Одного малыша оттеснили, и он остался без пакета. С берега донеслись его вопли. Отец успокоил, малыша и дал ему сверточек, который тот крепко прижал к груди.

Все двинулись в путь. Островитянин нес девчушку.

Один из солдат сказал:

- Хорошо вернуться домой!

Наггет несколько раз ездил на берег, перевозя офицеров и солдат, которые собирались провести свой отпуск, путешествуя по островам Торресова пролива. Кроме них, единственными белыми пассажирами "Тани" были две сестры милосердия и священник.

Наступил и мой черед спуститься в шлюпку. Я взглянул на воду, на которую падала тень "Тани". Вода была голубая, как аквамарин, и такая прозрачная, что я мог рассмотреть киль корабля. Море переливалось темно-синими отсветами и манило к себе; казалось, утонуть в нем невозможно.

Важно проплывали косяки пятнистых рыб. Волшебный сад в глубинах моря был усеян пурпурными и лиловатыми цветами кораллов.

Мы пристали к берегу сразу за деревней. На острове Нагир жили тридцать восемь аборигенов - тридцать семь женщин и детей и один мужчина, старейшина преклонного возраста, которого не призывали в армию. Остальные мужчины находились на военной службе и были расквартированы на острове Четверга.

Я прошелся по деревне. Дома были из ржавого железа. Кругом бродили тощие куры. Да, белые оставили здесь глубокий след!

Затем я увидел хижину - настоящее произведение искусства. Она была сплетена из пальмовых листьев и великолепно вписывалась в окружающий пейзаж. На соломенную крышу хижины падала тень пальм, защищая ее от зноя.

Я вошел в хижину и заговорил с ее обитательницами - четырьмя местными девушками, одетыми в опрятные пестрые платья. Беседуя со мной, они смотрели мне в глаза, хотя в их поведении и чувствовалась некоторая напряженность. Эти девушки получили образование на острове Четверга. Одна из них оказалась учительницей, обучавшей детвору Нагира.

Мы пошли погулять. Как выяснилось, девушки любят читать, но так как люгеры {Люгер - небольшое судно.} заходят сюда лишь раз в месяц, они лишены возможности получать свежие газеты и журналы.

Вокруг нас собрались ребяташки: Мальчики носили красные или синие набедренные повязки, девочки были одеты в пестрые ситцевые платица.

Глядя на выстроившиеся в ряд уродливые железные строения, я пришел к выводу, что считать нормальными условна, в которых вынуждено жить большинство аборигенов, просто преступление. Мудрость, справедливость и терпимость невозможны там, где люди живут в лачугах, где невежество зачастую умышленно поощряется.

По умению держаться и поддерживать разговор мои спутницы, отзывчивые и вдумчивые от природы, не отличались от белых девушек. Их врожденное чувство собственного достоинства сразу внушало уважение, которое по мере беседы с ними возрастало. И все же они были робкими, застенчивыми.

Однако пора было возвращаться. Было время отлива. Немногочисленные пассажиры собрались на берегу, разожгли костер и уселись вокруг него в ожидании прилива.

Когда стемнело, над пальмами взошла полная луна. Мы слышали, как кричали кроншнепы и плескалась рыба. Около девяти часов вечера до нас донесся скрип уключин и мягкие удары весел о воду. Шлюпка плавно подошла к берегу.

Когда мы добрались до кеча, я завернулся в одеяло и улегся на палубе. Надо мной высокие блестящие мачты отражали серебряную полосу лунного света. Я приподнялся на локте, вовсе не стараясь уснуть. Темная громада острова высилась в лунном свете над колышущейся водой, словно подвешенная между морем и небом.

Шлюпка, как тень, пересекла лунную дорожку, связывавшую судно с берегом. Куки и его напарник тихо гребли к острову. Они держали курс на песчаную косу.

На косе стояли две местные девушки, их фигуры вырисовывались на фоне моря.

Я вспомнил слова одного из аборигенов: "Куки - хороший муж". Теперь мне стал понятен смысл этой шутки. Я укутался в одеяло и заснул.

На следующее утро мы отплыли к Моа. Так называют местные жители остров Банка, расположенный западнее Нагира. Находившийся на нашем судне священник-абориген намеревался посетить миссию на острове Банка. Это был умный человек, горевший желанием помочь своему народу. Наблюдая, как мимо нас медленно, проплывает берег Моа, священник сказал, что обращение белых с местным населением вызывает в нем бурю негодования. Я был с ним вполне солидарен. Он продолжал:

- После 1940 года, - с тех пор как я покинул Моа, - я встречался со многими белыми людьми, но впервые вижу такого, как вы. Наши взгляды совпадают.

Когда кеч стал на якорь за рифами, мы со священником сошли в шлюпку. Наггет оттолкнулся

веслом, и лодка поплыла к песчаному берегу, который то исчезал, то появлялся над катившимися впереди нас волнами. Священник коснулся моего плеча и указал на деревню, расположенную под высокими пальмами.

- Взгляните-ка, - сказал он, - вот наша деревня. Мы живем так с 1871 года. Наши хижины - из коры и ржавой жести. Здесь должен быть поселок с домами вроде тех, в каких живут белые. Я люблю свой приход. Я готов посвятить жизнь своему народу. Но в каких условиях мы вынуждены существовать!

Когда мы пристали к берегу, священник покинул меня и направился к деревне. Она стояла в некотором отдалении, а погода была жаркая. Я пересек пляж и сел под деревом, наблюдая за кроншнепами, которые копались своими длинными кривыми клювами в песке в поисках червей. Птицы превратили это занятие в настоящее соревнование. Засовывая клюв глубоко в песок, они энергично перебирали лапками и напрягали все тело так, словно клюв был маленьким ломом; иногда они смешно кружились на месте, используя клюв как точку опоры. Один из кроншнепов, затеяв борьбу с каким-то невидимым противником под песком, вдруг повалился на спину. Мне еще не случалось видеть, чтобы птица падала на спину. Я думал, что с птицами такие неприятности не случаются.

Потом кроншнепы насторожились, поднялись в воздух и полетели над самой водой, перекликаясь друг с другом и ритмично взмахивая длинными крыльями.

Я оглянулся и увидел священника, направлявшегося ко мне во главе группы аборигенов. Указав на меня, он объявил им:

- Этот человек верит в нас, он - наш брат.

Мы опустились на песок, ожидая возвращения белых пассажиров, которые ушли в деревню. Когда они вернулись, Наггет стал перевозить их на корабль. Вскоре священник и я оказались единственными

пассажирами, оставшимися на берегу. Он рассказывал островитянам о своих планах по улучшению условий их жизни. Они тепло простились с ним.

Мы сели в шлюпку; Наггет оттолкнулся от берега. Шлюпка закачалась на волнах мелководья. С берега островитяне махали нам руками.

- Как будет на местном языке "до свидания"? - поспешил спросить я у священника. Он ответил мне, и я громко произнес это слово. На лицах людей заиграла улыбка, они еще энергичнее замахали руками. Священник наклонился ко мне, произнес какую-то фразу на родном языке и попросил меня повторить. Я медленно повторил незнакомые, непривычные слова.

- Правильно, - сказал он.

Чувствуя, что для островитян в этой фразе заложен глубокий смысл и что она выражает и мои мысли, я громко произнес подсказанные им слова. Услышав их, люди бросились вперед, протягивая ко мне руки и выкрикивая что-то на своем языке. Они вошли в воду, подошли к борту лодки; каждый из них пожал мне руку. Я не понимал, что они при этом говорили, но в их голосах слышалось одобрение.

Когда мы удалились от берега и островитяне перестали махать нам, я с улыбкой обернулся к священнику. Его кивок головой и ответная улыбка еще больше сблизили нас.

4. Баду

Я проснулся до восхода солнца. Покинув восточное побережье Моо, мы бросили якорь у острова Баду, в узком проливе, отделяющем Баду от западного берега Моа.

И небо, и земля, и море еще были окутаны темным покрывалом, но небо первым прогнало ночь. Едва забрезжил рассвет, как оно перехватило слабый свет еще невидимого солнца. Легкий ветерок, покрывший воду рябью, чуть покачивал наш кеч. Он принес с собою солнечный свет и крики пробуждающихся птиц.

Деревня Баду стояла на берегу, но поодаль от того места, где мы бросили якорь. Наггет предложил отвезти меня туда в шлюпке.

Мы тронулись в путь сразу после завтрака и плыли довольно долго, потому что грести против ветра и прибоя было трудно. Наггет ни разу не отпустил весла, ни разу не передохнул. Пот струйками бежал по его лицу и капал с подбородка.

- Мне очень жаль, что я заставил тебя так потрудиться, - сказал я, чувствуя себя неловко оттого, что изза меня ему пришлось приложить столько усилий.

- Ничего, - сказал он, улыбаясь.

Стаи кроншнепов поднимались в воздух с тех участков берега, мимо которых мы проплывали, но вскоре птицы опять садились на землю.

- Как вы называете этих птиц? - спросил я Наггета.

- Суи, - ответил он и добавил: - Мы находим гнезда и яйца всех здешних птиц, но никогда не находим ни гнезд, ни яиц суи.

Я объяснил ему, что это перелетная птица, и гнезда она вьет в Восточной Сибири. Мои слова так заинтересовали его, что он опустил весла.

- Все это написано в книгах? - спросил он.

- Да, - ответил я.

- Мы никогда не находим гнезд суи, - повторил Наггет.

Я высадился на берег неподалеку от деревни, а он поплыл обратно.

Гигантские деревья манго отбрасывали тень на хижины. Выстроившиеся в ряд кокосовые пальмы образовали высокий барьер между деревней и морем. Я пошел по песчаной дорожке. Местные жители-мужчины и женщины - молча наблюдали за мной. Стоило мне приблизиться, как они исчезали в хижинах. Но они продолжали глазеть на меня через окна своих жилищ и из-за деревьев. Дети, сбившись в стайку, шли впереди меня и время от времени оглядывались.

Иногда кто-нибудь из мужчин подходил ко мне с улыбкой и ждал, чтобы я заговорил с ним. Его товарищи, стоя позади, кивали друг другу и улыбались, одобряя такую смелость. Я здоровался, произносил несколько слов, объясняя, кто я такой, и продолжал свой путь. Мой собеседник тут же возвращался к своим товарищам, которые обступали его, желая узнать, что я ему сказал. Они расспрашивали наперебой, а он отвечал на их вопросы с видом превосходства.

Поведение взрослых рассеяло страх детей. Теперь они шумно и весело бежали впереди меня. На шум из домов торопливо выходили другие взрослые.

Таким образом, моя прогулка по деревне превратилась в процессию, возглавляемую ребятишками и завершаемую взрослыми. Казалось, мы спешим на какую-то торжественную встречу, где будут речи, салют из ружей и под звуки фанфар взвьются флаги.

Но тут появился местный герой. Ему было лет восемнадцать. На плече у него сидел белый попугай. В

самый разгар торжественного шествия он осмелился меня остановить:

- Здравствуй, - сказал он и улыбнулся мне.

Участники процессии сразу же сгрудились в толпу. Дети вернулись назад, шедшие позади мужчины и женщины приблизилась и окружили меня. На их лицах читалось напряженное ожидание.

Я понял, что это и было то самое событие, из-за которого все - мужчины, женщины и дети - покинули свои жилища. Меня представили публике, и я должен выступить.

Я стал подыскивать слова, которые могли бы произвести впечатление на присутствующих. В голове у меня вертелись традиционные формулы обращения: "Леди и джентльмены... Сograждане... Товарищи... Друзья... Римляне и соотечественники..." Вместо этого я сказал:

- Какой у тебя славный попугай!

- Да, - ответил юноша. - Очень хороший, много говорит.

Он помахал рукой перед головой птицы. Попугай выпалил заряд слов на местном языке, вызвав довольный смех у аборигенов. Я сразу проникся уважением к попугаю. Попугаи, понимающие английский язык, никогда не производили на меня впечатления, но попугай, говорящий на непонятном для меня языке, показался мне замечательной птицей.

- Его поймали на этом острове? - спросил я юношу.

- Да, мы поймали его тут.

- Знаешь ли ты названия деревьев, растущих на вашем острове?

Лицо юноши приняло такое выражение, какое бывает у ученика во время устного экзамена. Он глубоко задумался. Мужчины и женщины наблюдали за ним, приоткрыв рот, словно этот экзамен был крайне важным для всех них. Юноша начал перечислять

названия деревьев, выговаривая слова медленно и отчетливо и глядя в одну точку. Он закончил перечисление с довольным видом, уверенный, что справился со своей задачей. Все улыбались. На каждом лице отражались облегчение и гордость. Я понял, что должен похвалить островитян.

- Куда бы я ни приехал, - сказал я, - я спрашиваю у белых, как называются деревья, растущие в их местности. Но они знают только одно-два названия. А этот парень перечислил много названий. Значит, он интересуется своим островом. Он мне немало рассказал о Баду.

Моя речь была встречена одобрительными улыбками.

- Какие фрукты вы употребляете в пищу? Какие из здешних деревьев приносят плоды? - спросил я у юноши.

Он резко повернулся и выкрикнул приказ, обращаясь к девчужке, которая сразу же поспешила к соседнему дому и вернулась с полными пригоршнями красных плодов величиной со сливу. Люди расступились, пропуская девочку. Она протянула плоды парню, а тот положил их мне на ладонь.

- Это гагаби, - сказал он.

Меня предупреждали, чтобы я не ел пищу аборигенов в сыром виде, но жители деревни обступили меня теснее, я понял, что им хочется, чтобы я отведал плодов.

Я так и сделал. Плоды оказались сладкими, приятными, на вкус. Я похвалил их, как они того заслуживали.

После того как я отведал плодов гагаби, всякая натянутость исчезла. Мы дружелюбно смотрели друг на друга. Я спросил, какие животные водятся на острове. Упомянули опоссума, и кто-то сказал, что у одной из женщин есть ручной опоссум.

- А нельзя ли мне на него взглянуть? - спросил я.

Конечно, можно, решили они. Женщина охотно покажет мне своего опоссума. Меня повели к ее дому.

Женщина появилась у входа в свое ветхое жилище, построенное на сваях, и с изумлением поглядела на нас. Ей объяснили, что белый человек хочет посмотреть на опоссума. Опоссума не оказалось, он находился в соседнем доме. Ребятишки помчались туда, движимые одним желанием - показать мне зверька.

Пока я стоял и ждал, аборигены торопливо переговаривались друг с другом. Судя по их лицам, речь шла о чем-то важном. Потом два аборигена побежали в соседний дом и возвратились оттуда со старым, расшатанным стулом. Один из мужчин опустился на колени и поддерживал неустойчивую ножку стула, пока я не уселся.

Тем временем дети вернулись с опоссумом. Его посадили ко мне на колени. Зверек щурился от солнечного света и медленно поворачивал голову, словно пытаюсь разобраться в новой обстановке. Похвалив опоссума, я передал его мальчику, и тот осторожно унес зверька.

Удовлетворив мое любопытство по части опоссумов, аборигены полукругом собрались возле меня. Те, кто был ближе к моему стулу, сели на песок, скрестив ноги. Другие уселись на земле за ними, так что в конце концов мои слушатели расположились рядами, как в театре. Несколько минут они устраивались поудобнее, затем наступила пауза. Все лица повернулись в мою сторону.

Итак, суть дела была не в том, что я отведал гагаби, не в названиях деревьев и не в опоссуме; наступил момент, когда я должен был как-то вознаградить жителей деревни за проявленный ко мне интерес.

Я обвел взглядом лица людей, стараясь угадать, как мне поступить дальше, и тут заметил старика, который

протискивался вперед из последнего ряда. Он решительно шагнул через сидящих и сел прямо напротив меня с таким видом, точно ему предстояло увидеть что-то очень интересное. Он приоткрыл рот; его губы готовы были сложиться в улыбку, задрожать от волнения, сжаться от гнева... Это лицо было инструментом, на котором я мог играть словами.

- Я расскажу вам одну историю, - объявил я собравшимся.

- Хорошо, - сказал старик, кивнув головой. - Ты расскажешь нам историю о себе, да?

Это не входило в мои намерения, но я решил постараться и рассказать о себе, чтобы не разочаровать старика.

Я начал свой рассказ. Наконец-то я понял, каким образом можно увлечь аборигенов и овладеть их вниманием! В последующие месяцы я извлек из своего открытия все возможное. Я и прежде всегда старался чем-нибудь заинтересовать аборигенов и тем самым создать подходящую обстановку для обмена мнениями и завладеть их доверием. Я добился этого своими рассказами.

Темнокожие любят рассказы не меньше белых. Но белый может читать книги, а темнокожему приходится ждать, пока ему не встретится рассказчик.

Язык белого человека богат; белый способен представить себе какую-то сценку или пережить волнующий эпизод, если рассказчик хорошо владеет словом. Каждый нюанс, каждый оттенок значения, необходимые для того, чтобы придать повествованию максимальную силу воздействия, зависят от слов - многих тысяч слов.

Для темнокожих при ограниченном словаре и отсутствии книг важна мимика рассказчика. Когда рассказывает темнокожий, он полагается больше на жесты, мимику и интонацию, чем на слова.

Передача смысла исключительно посредством слов почти всегда приводит к известной вялости устного рассказа. Выступая перед белыми, я всегда испытывал потребность в более свободной жестикуляции. И вот, выступая перед темнокожими, я почувствовал себя освобожденным от всякого сдерживающего начала. Тут я не боялся предстать в смешном свете. Я мог бы кататься по песку, если бы это потребовалось для раскрытия содержания рассказа, и никто бы не удивился.

Итак, по ходу рассказа я кричал, хмурил брови, открывал рот от изумления, гримасничал, придавал лицу мрачное, страдальческое выражение... В результате я безмерно наслаждался собственным выступлением.

Пока я рассказывал свою историю аборигенам Баду, сидевший передо мной старик не спускал с меня глаз. Время от времени он бормотал "да, да", сопровождая эти слова кивком своей красивой головы, увенчанной, белоснежной шапкой вьющихся волос. Его интерес к моему рассказу подтверждался и глубоким вниманием, с каким он меня слушал.

Когда я заговорил о своей жене, я вынул из кармана фотографию и протянул ему. Он выхватил фотографию у меня из рук и одобрительно присвистнул.

- Красивая! - сказал он. - Твоя жена красивая женщина. Она очень похожа на мою. Моя жена тоже красивая.

Он передал фотографию тем, кто сидел сзади, и она стала переходить из рук в руки, причем мужчины присвистывали, а женщины рассматривали ее критически.

Во время рассказа за моей спиной столпились ребяташки. Они стояли, не шевелясь. Вдруг я почувствовал, как на мою руку легла маленькая, легкая,

как лист, ладонь. Обернувшись, я встретился взглядом с девочкой лет пяти, которая испуганно отдернула руку.

Улыбнувшись девчужке, я продолжал рассказ. Несколько минут спустя я снова почувствовал прикосновение ее ручки, но стоило мне оглянуться, и она опять ее отняла. В третий раз я наклонился к ней и шепнул:

- Не отнимай руку!

Она сразу вложила руку мне в ладонь; ее смущенное нежное личико просияло. Она отняла руку, только когда я кончил рассказ и встал.

Старик тоже встал и подошел ко мне с улыбкой.

- Я бы хотел знать твое имя, - сказал я. - Как тебя зовут?

- Леви Мадуа, - гордо ответил он. - Я пришел другого берега Баду, из Аргана. А как зовут тебя?

Я назвал свое имя. Старик повторил его и предложил:

- Давай поговорим, а?

- Хорошо. Но сначала я должен проститься с твоими соплеменниками.

Островитяне смотрели на меня, ожидая, что будет дальше, но, увидев, что мне хочется поговорить с Мадуа, простились с нами и разошлись. Мы с Мадуа пошли по широкой тропинке к группе пальм.

5. Мадуа с острова Баду

Мадуа был уроженцем острова Баду. Он отличался живым умом. На его лице обычно играла легкая улыбка. Когда он оживлялся, голос его звучал совсем молодое;

Мы с Мадуа уселись под пальмой.

- Не расскажешь ли мне какую-нибудь старинную историю? - попросил я. Я бы ее записал.

- Историю... - задумчиво повторил он.

- Расскажи мне, как жил твой народ до прихода белых. Что рассказывала тебе мать в детстве?

Мадуа улыбнулся:

- Я знаю много-много историй. Одну из них я сейчас расскажу.

Я достал блокнот. Старик с интересом наблюдал за мной.

- Начинать? - спросил он.

- Начинай.

Внимательно посмотрев на приготовленную для записи страничку блокнота, Мадуа сказал:

- Открой для меня новую страничку, а?

Я перевернул страницу. Старик глубоко вздохнул, поднял голову и выпрямился. Он считал нашу беседу очень важной и потому принял полную достоинства позу. Рассказывая, он смотрел не на меня, а куда-то вдаль, словно всматриваясь в далекое прошлое. Когда он замолкал, чтобы дать мне время записать сказанное, он с беспокойством смотрел на мою движущуюся по бумаге руку, словно опасаясь, что она не сможет передать смысла рассказа.

- Давным-давно, - начал он, - на востоке был островок. Он назывался Туту - Восточный остров. Там жили люди. У них был вождь, военачальник, которого звали Кайгус. Кайгус хотел пойти войной на Баду. Это

было очень-очень давно. Он сказал: "Я убью вождя Баду", и его люди с ним согласились. Они сели в лодки и поплыли. Их было много-много.

Время года было примерно такое, как сейчас. Они поплыли из Туту и пристали к берегу Баду. Место, где они вышли на берег, называется Мазар.

Они оставили по два человека в каждой лодке - ведь прилив сменяется отливом и лодки может унести в море. Вот они и оставили по два человека в каждой лодке.

Они были готовы к бою. В волосах у них были белые перья, так много перьев, что головы казались белыми.

Они пересекли остров и подошли к Проливу крокодилов. Наступили сумерки, потом стало темно. Они хотят найти деревню, но ничего не видят, кругом темно.

Вождя острова Баду звали Вайир. Его сын был со своей девушкой возле болота. Сын вождя услышал шаги людей. "Тут кто-то есть, - сказал он девушке. - Сюда идет много народу. Это не наши люди". Он отослал девушку домой, она ушла.

Сын вождя подошел чуть ближе и прислушался. Он хотел узнать, откуда эти люди. Люди с Туту говорили на языке Восточного острова, и сын Вайира понимал их речь. И он пошел вместе с ними, а они думали, что это свой. Сын Вайира хотел подслушать их речи и все рассказать отцу.

Потом он оставил их и пошел к отцу. Отец спал, подложив под голову свое оружие - каменный топор и копье. Вайир растолкал его и сказал: "Отец, я встретил людей с Туту. Они пришли с нами воевать, пришли убивать".

Отец проснулся и сказал сыну: "Пойдем, ты мне покажешь, где они". Сын пошел с отцом, и, когда они пришли, отец спросил: "Где же эти люди?" А сын ответил: "Разве ты не видишь, отец? Смотри, вон черная

фигура на траве, вон головной убор из белых перьев, - смотри, как они колышутся в темноте". А отец сказал: "Это не убор из птичьих перьев, это белое облачко проплывает между деревьями". Сын вождя говорит: "Это головной убор. Здесь много людей". Тогда вождь взял копье, замахнулся и сказал сыну: "Я убью их вождя. А ты, сын, ступай домой". И сын ушел, а отец остался.

Кайгус стоял возле дерева. Он хотел спрятаться, но не успел. Вайир с криком метнул свое длинное копье. Кайгус повернулся, и копье пронзило ему спину. Кровь потекла ручьем, и Кайгус упал на землю мертвым. А люди с Туту увидели, как упали белые перья, и закричали: "Кайгус! Ты жив, Кайгус? Отвечай!"

Но Кайгус больше не произнес ни слова. Тогда его люди сказали в один голос: "Кто-то метнул копье. Наш вождь погиб. Наверное, и нам конец. Жители Баду - смелые воины. Теперь нас ждет гибель". Так они шептались, потом заговорили громче, еще громче и тут снова расхрабрились. Они сказали: "Кайгус мертв, но мы живы. Мы - воины с Туту!" И они снова пошли в темноте и подошли к деревне. Но Вайир добрался до деревни раньше их. Он сказал своим людям: "Здесь воины с Туту, они хотят убить нас". Еще Вайир сказал своим: "Спрячьте женщин и детей в мангровых зарослях, это самое надежное место". И еще он сказал мужчинам: "Подождите до рассвета".

Воины с Туту прошли по деревне. Они перебили всех собак, свиней и кур и убили одного старика. Потом они стали ждать. Наступил рассвет. Один из них закричал: "Идите сюда! Вот хорошее место для боя - здесь нет деревьев".

Жители Баду согласились. Они расступились, два их лучших танцора вышли вперед, а Вайир сдерживал своих воинов, пока танцоры прыгали и плясали. Потом они крикнули: "Эй вы, люди с Туту, где вы оставили свои

лодки? Мы прогоним вас туда, где ваши лодки. Баду - наш остров!"

Начался бой. Люди с Баду дрались храбро. Воины с Туту отступили, и люди с Баду убивали их между деревьями, убивали на дороге, убивали всюду. Они перебили много народа. Остальные отступили к берегу, и их убивали на берегу, а потом поражали копьями в воде.

В лодках были люди с Баду. Их жены были с Восточного острова, потому они и жили на Туту. Их оставили сторожить лодки. Теперь люди с Туту вернулись, их осталась всего горсточка. И они убили и обезглавили людей в лодке, а потом привязали их головы к шестам и воткнули шести в ил.

Море выбросило на берег обезглавленные тела. Люди с Баду видели, как тела покачивались на волнах, и бросились в воду. Вода доходила им до груди, до шеи, ухватиться было не за что. И люди с Баду метали копья в людей с Туту и убивали, убивали, пока не перебили их всех. Ни одного не осталось в живых.

Вот и вся история.

Я был так захвачен рассказом, что не заметил, как к нам подошел высокий абориген. Когда Мадуа дошел до мрачного конца и умолк, абориген наклонился ко мне и сказал:

- Пора идти!

- Сию минуту, - отозвался я.

- Понравился тебе мой рассказ, а? - спросил Мадуа, радостно улыбаясь.

- Замечательный рассказ! Ты - лучший рассказчик из всех, кого я когда-либо слышал. Как бы мне хотелось погостить у вас на острове недельку!

- Я все рассказы знаю, - сказал Мадуа, гордо выпрямившись. - Мужчины с Баду - лучшие воины Торресова пролива. Все острова боятся Баду. Тебе

повезло, что ты попал на меня. Один я знаю все истории Старых Людей.

- Как бы я хотел тут остаться!

- Я запишу для тебя все истории о нашем народе, - сказал Мадуа. Расскажу об острове Баду. Я сделаю это для тебя.

Он пристально посмотрел на меня и улыбнулся:

- Надеюсь, ты будешь рад получить от меня письмо?

- Я буду гордиться твоими письмами, хранить их и часто перечитывать.

- Пришлешь мне бумагу и карандаш? Я хорошо умею писать.

- Пришлю и бумагу и карандаш, - обещал я. - И пришлю тебе книги для чтения. Ну что ж, пора идти.

- Пожмем друг другу руку, а? - предложил Мадуа.

Мы обменялись рукопожатием. Я пошел за аборигеном к берегу, где ждала шлюпка. Мадуа стоял и смотрел нам вслед.

6. На берегах залива Карпентария

Остров Четверга - центр распределения грузов и почты не только для островов Торрессова пролива, но и для миссий на материке, на побережье залива Карпентария. На западном побережье полуострова Кейп-Йорк находятся религиозные миссии Мапун, Уэйпа и Орукун.

Мапун расположен около Порт-Масгрейв, в ста милях южнее острова Четверга, Уэйпа - в пятидесяти милях ниже по берегу залива, а Орукун - в пятидесяти милях ниже Уэйпы.

Миссию в Мапуне возглавлял Ф. Кейн. В ведении мистера Кейна также находились люгеры, доставлявшие грузы для всех трех миссий. Он приехал на остров Четверга, чтобы получить продовольствие для миссий на период дождей, и согласился взять меня с собой и показать мне миссии. Наш люгер отплыл на рассвете. На спокойное море падал розовый отблеск алеющего неба. Мы прошли вдоль берегов острова Принца Уэльского, склоны которого были исчерчены длинными тенями деревьев, и вошли в пролив Эндевор.

Западное побережье полуострова Кейп-Йорк представляет собой однообразную равнину. За светлой полосой песчаного берега тянутся заросли. Казуарины {Казуарина, или железное дерево, - дерево из семейства казуариновых с проникающими членистыми ветвями в очень твердой древесине.}, более неприхотливые, чем стройные кампешевые деревья и эвкалипты, растут у самой воды. Их листва отбрасывает тень на белую кромку набегающих волн.

Отгороженная этим заслоном из деревьев безлюдная земля, казалось, источала немую грусть, которую явственно ощущали люди на люгере. Лишь там, где в сплошной стене деревьев пробили брешь реки, можно было, как через приоткрытую дверь, заглянуть в глубь полуострова. Взору открывались безмолвные темные плесы и широкие устья рек, стаи диких уток и гусей над зелеными оврагами, заросли ризофор, под чьими корнями-щупальцами наверняка скрывались крабы и крокодилы.

Когда-то по этим водным путям плавали темнокожие люди в лодках из коры; всплеск пронзенной острой рыбы и трепетное падение подбитой птицы свидетельствовали о присутствии человека на этих ныне заброшенных берегах.

Теперь тут царит тишина, в которой таится безмолвное обвинение белым. Реки носят чужие названия: Коттерел, Доубой, Макдональд, Джексон, Скардои. Они пробиваются к морю через песчаные наносы.

Я обратил внимание на птиц, которые, нахохлившись, неподвижно сидели на песке.

- Что это за птицы? - спросил я одного из членов экипажа - метиса, которого окружающие называли Гарди.

- Не знаю, мистер Маршалл, - ответил, он. - Это знают только Старые Люди.

"Старые Люди"... Эти слова постепенно наполнялись для меня новым содержанием. Это не только наименование аборигенов, которые жили на полуострове Кейп-Йорк до появления миссионеров; я воспринимал эти слова, как почетный титул. Австралийцы из миссий упоминали о Старых Людях с оттенком грусти, а я - почти с чувством благоговения.

Большинство жителей Мапуна - как метисов, так и чистокровных австралийцев - родились уже после

создания миссии. Они были грамотны, но уже не помнили местных названий деревьев и животных. Эти австралийцы носили европейскую одежду и работали на скотоводческих фермах. Они питались консервами и знали цену деньгам. Но среди них еще было несколько стариков и старух из племени мьял, которые помнили родной язык.

Вот это и были Старые Люди. Когда я о чем-нибудь спрашивал Гарди, он чаще всего говорил, что ответить мне могут только Старые Люди.

Гарди был тихий, спокойный человек с мягким голосом. Он с гордостью сообщил мне, что летал на самолете. Оказывается, попав в армию, Гарди был направлен в Айрон-Рейндж на востоке полуострова, где выполнял работу лесоруба. В Айрон-Рейндж он ехал верхом, а обратно летел на самолете.

Вспоминая свои впечатления от последнего полета, заметил, что в самолете меня клонит ко сну.

- А меня нет, - ответил Гарди. - Я слышал, как один летчик сказал другому: "Может, лучше вернуться?". От этих слов мне стало не по себе.

- Что-нибудь случилось с мотором?

- Нет. Просто был дождь и облака. Мы летели тумане, земли не было видно.

У Гарди было стройное тело и тонкие ноги чистокровного аборигена. Другой абориген - член экипажа, был крепко скроен и по внешнему виду напоминал островитянина Торресова пролива. На его круглом лице залегли глубокие складки, проходившие между бровей и от ноздрей к уголкам рта.

Когда Гарди стал за руль, этот абориген подошел ко мне. Я спросил, как его зовут.

- Дэвид Мамуз Питт, - ответил он.

Я повторил его имя и спросил, что значит Мамуз.

- Мамуз - это вождь, предводитель племени. Человек, который все может.

- А твой отец был "Мамуз"?

- Да, мой отец был большим человеком на островах. Давно, когда миссии еще не было, мой отец приехал на Торресовы острова с темнокожим американцем. Целых семь лет он помогал основывать миссии. Моя мать была первой метиской в Мапуне. Она родом из Бернтауна.

- Расскажи-ка мне подробнее о своем отце. Он, наверное, был интересным человеком.

- Да, он часто рассказывал мне всякие истории. Было время - Старые Люди работали на люгере, который зашел в эти края. Хозяину люгера, белому, были нужны перламутровые раковины. Вот Старые Люди вылавливали их для него.

Раз они ушли в море надолго. Белый говорит Старым Людям: "Не пейте воду. Надо беречь воду".

Он взял молоток и наглухо заколотил отверстие в бочке с водой. Он сказал: "Найдете много раковин - дам вам воды".

Ночью двое мужчин выбросили его за борт. Они позвали остальных: "Вставайте, вставайте, мы бросили капитана в море". "Правильно, - сказали те. - Теперь поплыли домой".

Они не знали, что с запада налетит ураган и потопит судно около Джейни-Крик.

Старые Люди нарочно забросили рыболовные сети возле затонувшего люгера, чтобы казалось, будто это капитан ловил рыбу. Когда с острова Четверга пришли белые, им сказали, что капитана утащил крокодил.

Старые Люди сняли с люгера муку, мыло, лекарства - все, что там было. Они съели мыло, выпили всю касторку и другие лекарства.

Это мне рассказал отец. Он тоже ел мыло. Там было много людей - с рек Коэн, Пайн, Батавия. Все они были метисы.

Но тут приехали протектор аборигенов {"Протектор аборигенов" чиновник, ведающий делами аборигенов.

Такая должность существует в каждом штате Австралии.} с острова Четверга и один белый сержант. Протектор погубил много людей. Он и сержант расстреляли всех, кто попался им на берегу. Они стреляли по людям, бежавшим среди деревьев. Рядом с убитыми они оставляли табак, топоры и другие подарки, чтобы показать Старым Людям, что белые - их друзья и, значит, убивать белых нельзя. Они знали - придут друзья убитых, станут подбирать трупы и возьмут подарки.

Но многим все-таки удалось убежать. Мой отец жил на реке, он так ловко прятался, что его никто не мог найти.

- Как жаль, что я не знал твоего отца, - сказал я.

- Да, - сказал Дэвид, - мой отец был хороший человек.

Услышав какой-то звук, Дэвид поспешил на корму. Привязанная к поручням удочка вздрагивала от тяжести крупной рыбы. Мистер Кейн вытащил рыбу на палубу. Она билась и разевала пасть, показывая длинные острые зубы. Рыба весила не меньше двадцати фунтов. Во время всей поездки у нас был неплохой улов.

Мы прибыли в Мапун под вечер. Длинный ряд кокосовых пальм отбрасывал тень на белый пляж и тянулся вглубь, к зданию миссии и хижинам метисов. Ребятишки с криком бежали к морю, чтобы помочь вытащить шлюпку на берег.

Трудно было поверить, что это Австралия.

7. Мапун

Кейн спросил меня, не хочу ли я выступить перед жителями миссии. Я с радостью согласился.

И вот я стоял на церковной кафедре в Мапуне, глядя на обращенные ко мне лица. Здесь были люди с кожей цвета слоновой кости, темно- и светло-коричневых оттенков. У одних были тонкие черты лица, у других примитивные, грубые. У одних темную кожу освещали голубые глаза; у других были светлые волосы.

Это были отверженные дети моей страны. Обычно белые считают метисов низшими существами. Один из наших политических деятелей выступил со следующим заявлением: "Как правило, метисы наследуют от обоих родителей их пороки, а не добродетели". Говорят, что метисам не повезло вдвойне - их родители, якобы наиболее опустившиеся представители обеих рас.

Эти широко распространенные взгляды основаны на расовых предрассудках и незнании фактов. Метисы лишь в редких случаях происходят от опустившихся белых и распущенных женщин-аборигенок. Зачастую они дети белых, уважаемых своими согражданами, и темнокожих, уважаемых своими соплеменниками. Если бы в нашем обществе расовые предрассудки не влияли на отношения между людьми, из метисов выходили бы такие же люди, не хуже и не лучше, чем их белые отцы.

Но поскольку метисы чаще встречаются с презрением или снисхождением, чем с уважением и пониманием, они начинают стыдиться своей, туземной крови и всячески стараются выдать себя за белых.

Сестра милосердия, которая, когда началась война с Японией, должна была эвакуировать детей-метисов из миссии на острове Крокер в Сидней, рассказала мне,

как болезненно реагировали дети, когда цвет их кожи вызывал любопытство окружающих.

Однажды, когда группа белых стала глазеть на детей, одна из девочек с кожей цвета меда спросила:

- Сестра, вы знаете, что говорят эти люди?

- Нет, они стоят слишком далеко от нас, - ответила та.

- Нетрудно догадаться.

- Что же они говорят?

- Они говорят: посмотрите-ка на этих черных детишек!

В поезде к сестре подошла одна из девочек и сказала со слезами, что "белая леди" в вагоне назвала Дженни черной.

Другая девочка, перехватив любопытные взгляды группы белых, сказала с горечью: "Нечего глядеть на нас. Вы думаете, что вы - белые, а ведь на самом деле кожа у вас розовая".

Я не помню всего, что я говорил метисам Мапуна. Помню только, что в какой-то связи сказал, что дети - гордость родителей. Тут я обратил внимание на маленькую девочку, внимательно слушающую меня. У нее была оливковая кожа, льняные волосы, и голубые глаза. На ее лице была написана удивительная чистота. Рядом с ней сидела другая девочка с раскосыми, как у японцев, глазами и прямыми черными волосами. Ее кожа была очень темной, но отливала желтизной.

В другом углу я заметил темнокожего мальчика с тонкими нервными ноздрями и изящно очерченным ртом. Позади него сидела темнокожая женщина с младенцем, у которого кожа напоминала по цвету смолу камедного дерева. Вокруг были другие лица, и все они, казалось, предъявляли мне молчаливое обвинение.

Назначение таких миссий, как в Мапуне, - готовить метисов к жизни в цивилизованном обществе. Но

миссии не достигают своей цели. Метисы все равно не смогут стать полноправными гражданами северных городов Австралии до тех пор, пока белое население этих городов не примет их в качестве таковых.

Метисы вовсе не лишены качеств, необходимых для того, чтобы стать полноправными гражданами. Дело в том, что белые, эксплуатируют метисов и способствуют их невежеству, считая их постоянным источником дешевой рабочей силы. Вот почему сегодня метисы занимают столь приниженное положение.

Воспитание белых в духе расовой терпимости не менее важно для дальнейшей судьбы метисов, чем воспитание самих метисов.

Выйдя из церкви, я пошел по песчаной дорожке мимо длинного ряда хижин, в которых жили метисы. На крошечных верандах, скрестив ноги, сидели женщины.

Они улыбались мне. Одно из моих самых ярких впечатлений от Мапуна улыбки и смех местных жителей. Это приветливые люди, их легко рассмешить.

Жители Мапуна опрятны и чистоплотны и следят за своей внешностью. Некоторые из девушек просто красивы, особенно те, в ком смешалась японская и австралийская кровь. У них тонкие черты лица, прямые черные волосы и великолепная гладкая кожа, по-видимому, не поддающаяся губительным лучам жаркого тропического солнца.

Японцы - ловцы жемчуга, промышлявшие вдоль северного побережья Австралии, покупали ласки местных женщин, снабжая их мужей рисом и табаком. Их детям, несмотря на прекрасные внешние данные, нет места в городах Австралии. Из всех метисов они - объект наибольшего презрения, хотя те, которых я встретил в Мапуне, были приятными, умными людьми.

В Мапуне мало мужчин. В основном мужчины Мапуна работают на окрестных скотоводческих фермах. Одна женщина сказала мне, что не виделась с мужем

уже два года. Это была стройная, опрятная женщина, довольно бойкая. У нее было озорное улыбочливое лицо. Когда она вступала в разговор, остальные женщины начинали весело смеяться.

Мы заговорили о книгах, и я спросил, что она читает.

- Я читаю книжки про любовь. Когда нет любви в жизни, приходится о ней читать, - - ответила она с забавной гримасой, вызвав смех у своих подруг.

Я познакомился с одной местной девушкой - няней сына миссис Кейн, пухлого мальчугана со светлыми волосами и важным выражением лица.

У Энни - так звали девушку - было приятное, умное лицо. Она говорила на отличном английском языке с шотландским выговором: миссионер, у которого она училась, был шотландец. Закрой я глаза, у меня могло бы создаться впечатление, что моя собеседница - образованная девушка из Эдинбурга.

- У вас приятный голос, - сказал я Энни. - Мне нравится слушать вас.

Рассмеявшись, она ответила:

- Странные люди эти белые! Им кажется, что в моем голосе есть что-то необычное. Когда миссис Кейц взяла меня с собой в Брисбен, все просили меня побольше говорить, потому что им приятно слушать мой голос. Почему? Разве я говорю не так, как белые?

- Не так, как большинство белых. Вы говорите, как образованная белая девушка. Жителям Брисбена, конечно, казалось странным, что темнокожая девушка может говорить так же хорошо, если не лучше, чем они.

- Наверное, они ожидали, что я стану коверкать английские слова? спросила Энни.

- Конечно.

- Мне не понравился Брисбен.

- Почему?

- Там слишком холодно.

- Холодно! Мне казалось, что в Брисбене жарко.
- Не так жарко, как у нас.
- Это верно. А люди вам понравились?
- Я чувствовала себя одинокой и чужой.
- Они относились к вам дружелюбно?
- О да! Те, с кем я встречалась, были очень дружелюбны, - ответила Энни и добавила: - Но это не такое душевное дружелюбие.

- Что значит "не такое душевное дружелюбие"?
- Не такое, как здесь.
- Здесь вы - своя, - сказал я. - Здесь все равны.
- В том-то и дело, - сказала она с жаром. - А в Брисбене было по-другому.

- Как хорошо было бы жить на свете, если бы цвет кожи не имел значения! - сказал я.

- О, да, - согласилась девушка.
Она задумалась и после небольшой паузы продолжила:

- Я люблю Мапун. Когда я уезжаю, мне все время вспоминаются эти места. Я люблю кокосовые пальмы и здешних людей. Мне кажется, что этот край полон романтики. Иногда его красота навевает на меня грусть.

Энни - чистокровная представительница австралийских аборигенов, которых в Мапуне немного. Ей двадцать лет.

Кроме мальчугана, которого нянчила Энни, у миссис Кейн было еще двое сыновей: Рэймонд четырех лет и Илан - шести. Они пришли ко мне вместе с маленьким темнокожим мальчиком, требуя, чтобы я выполнил данное им утром обещание.

- Ты забыл про прогулку? - спросил Илан.
- Нет, но сейчас еще слишком жарко.
- А мне уже совсем холодно, - возразил Рэймонд.
- Разве? - спросил я без воодушевления.

- Мы готовы, - сказал Илан. - Когда ты будешь готов, можно идти.

Темнокожий малыш молчал. Он сосал палец и напряженно наблюдал за мной.

- Ладно, - сказал я. - Пошли!

Мои отношения с Иланом и Рэймондом уже достигли стадии полного взаимного уважения. Мы подробно обсудили множество вопросов и выяснили, что сходимся во взглядах. Братья все время сообщали мне различные сведения, настаивая, чтобы я заносил их в свою записную книжку.

Рэймонд был здоровый, крепкий мальчик. На нем не было ничего, кроме коротких штанишек; тело его было покрыто густым загаром. Он был готов на любое, самое отчаянное приключение. Илан охотно признавал его превосходство над собой и постоянно восхищался смелостью младшего брата. Сам он был не такой "отчаянный" и больше любил рассказы о приключениях. Однажды, когда мы беседовали о животных, Илан сказал мне: - У меня был поросенок, он умер. У Рэймонда тоже был поросенок, он тоже умер. Мой поросенок убежал под дождь, потом прибежал. Потом опять убежал и лежал под дождем, а Розы - наша кухарка - принесла его к печке. Думали, он откроет глаза, а он не открыл, потому что совсем умер. Я очень плакал в тот вечер.

- Грустно, когда животные умирают, - сказал я.

- Да, - согласился Илан. - Это неправильно, когда маленькие животные, с которыми играют дети, умирают. Например, щенки. Мужчины не играют с собаками, и им их не жалко. А мальчики возятся с собаками, и им жалко, если щенок умрет.

Прогулка началась. Будучи джентльменом, Рэймонд положил руку на плечо темнокожего мальчика и представил его:

- Это Джон; он пойдет с нами. Он нам нравится.

Смысл его слов был мне ясен: он хотел исключить возможность возражений с моей стороны. Я поспешил; рассеять его опасения, сказав:

- Здравствуй, Джон! Мне ты тоже нравишься.

Джон был молчаливым, но полезным спутником. Рэймонд обращался с ним, как с доверенным лицом, поверяя ему на ухо свои тайны.

Меня заинтересовали следы на песке. Каждое утро я видел следы ящериц, жуков и змей. Двигаясь по мелкому песку под кокосовыми пальмами, все эти существа оставляли следы.

- Я ни разу не видел ни одной ящерицы, но на песке множество их следов, - заметил я.

- Они выползают ночью. Я видел их, - сказал Илан.

- Змеи, наверное, тоже выползают ночью, - откликнулся я.

- Вот след ястреба, - Объявил Рэймонд, присев на корточки рядом с обнаруженным им следом какой-то птицы.

Я посмотрел на следы.

- След курицы, - поправил я мальчика.

Рэймонд снова бросил беглый взгляд на следы:

- Ястреба, - сказал он упрямо.

- Курицы, - повторил я.

- Ястреба!

- Курицы!

Создалось щекотливое положение. Наша прогулка могла сорваться. Я не знал, как выйти из тупика, и боялся, что нашей дружбе придет конец, но тут выступил вперед Джон и, сдвинув брови, начал рассматривать следы. Он ничего не сказал, но, поднявшись, стал рядом с Рэймондом. Это был плохой знак.

Теперь принялся изучать следы Илан, Наконец, он сказал, обращаясь к Рэймонду:

- Все-таки это след курицы, Рэймонд. - Повернувшись ко мне, он добавил: - Зато раньше Рэймонд нашел следы ястреба.

- Много следов, - поспешил сказать Рэймонд.

- Не сомневаюсь, - сказал я.

Напряжение рассеялось. Мы продолжали идти, вместе, рассуждая о следах вообще.

- Когда ты вернешься домой, ты запишешь все, что мы тебе сказали спросил Илан.

- Конечно.

- Тебе не придется расспрашивать кого-нибудь еще. Мы тебе все расскажем про следы.

- Я и не собираюсь спрашивать кого-нибудь еще, - сказал я. - Вы рассказали мне все, что я хотел знать.

- А мы еще много чего знаем, - сказал Илан. - Если ты будешь ходить с нами, мы еще много чего расскажем тебе про следы. Верно, Рэймонд?

- Конечно, - ответил тот.

Восхищенный взгляд, брошенный Джоном на Рэймонда, ясно показывал, что тот согласен с таким утверждением.

Я предложил мальчикам поплескаться в море, но они дали мне понять, что это опасно.

- Тут водятся медузы с длинным синим жалом, - сказал Илан. - Они гоняются за людьми. Ужалит - умрешь.

Илан явно интересовался проблемой смерти. Наше внимание привлекло мертвое насекомое, покрытое муравьями. Лицо мальчика исказилось. Он сказал:

- Это было живое существо. А теперь? Теперь оно мертвое. И никогда уже не будет ползать по деревьям.

- Насекомое умерло, поэтому могут жить муравьи, - сказал я.

- Оно лучше муравьев, - возразил мальчик.

Рэймонд ухватился за свисавшую с дерева веревку, сильно раскачался, чтобы взлететь как можно выше,

затем внезапно отпустил веревку. Он описал дугу в воздухе, упал на мягкий песок и покатился по нему. Джон побежал поднять его, но Рэймонд гордо встал без посторонней помощи.

- Когда ты вырастешь, будешь выступать в цирке, качаться на трапеции, сказал я.

- Рэймонд все может, - сказал Илан и добавил: - Иногда мне хочется быть взрослым!

- Ты просто счастливец, - сказал я. - Ты знаешь, что скоро вырастешь. А взрослые знают, что маленькими им больше не бывать, и это грустно,

- Ведь правда, можно стать большим, если ты маленький? - спросил он.

- Правда. А вот я большой, но уже никогда не смогу стать маленьким. Это грустно.

- Не так уж я хочу быть большим, - сказал мальчик.

- Я хотел бы совершать храбрые поступки.

- И я тоже.

- А обязательно надо быть большим, чтобы совершать храбрые поступки?

- Нет, не обязательно.

- Можно быть большим, даже когда ты маленький, верно?

- Да. Вот ты, например, такой.

- О-о! - воскликнул он, смутившись, и погрузил в песок босую ногу.

- Разве горячий песок не обжигает тебе пятки? (Сам я ощущал, как песок жжет мне ноги сквозь подошвы ботинок.)

- Когда мы были маленькие, - обжигал, - ответил он.

- А теперь кожа огрубела. Смотри! - и он вышел из тени на солнце.

- Мои ноги на таком песке поджарились бы.

- В нем можно сварить яйцо.

- Однажды курица снесла яйцо, и мы его нашли, - сказал Илан. - Яйцо сварилось! Может быть, его надо

было еще поварить, но совсем чуточку.

Мы подошли к пальмовой роще, в тени которой стояли строения миссии. Впереди расстилался луг, а за ним полоса кустарника, словно колебавшегося в знойном воздухе.

Я заметил на шее у Рэймонда подвешенный на шнурке медный свисток, в который был вделан маленький компас. Мальчик частенько поглядывал на компас: свистнет в свисток, вытащит его изо рта и серьезно посмотрит на компас, словно получая сведения величайшей важности.

- С компасом не заблудишься, - объявил он мне.

- Как он работает? - спросил я. - Почему с ним не заблудишься?

- Надо идти туда, куда указывает маленькая стрелка, - объяснил Рэймонд.

- Но ведь она указывает вон туда. - Я кивнул в сторону деревьев, росших в противоположной от домов стороне. - Если ты пойдешь туда, то заблудишься.

- С моим компасом мы не заблудимся. Верно, Илан?

- Верно, - подтвердил Илан. - Мы вышли бы на берег, а по берегу пришли бы домой.

- Вот видишь! - воскликнул Рэймонд.

- Тогда пошли, куда указывает стрелка, - предложил я.

Мы пересекли луг и подошли к большой проволочной западне для ворон. В ней лежала куча костей. В западне была одна ворона. Она металась в испуге, натываясь на стенки.

Разыгрывая из себя гида, Илан объяснил мне:

- Это западня для ворон. Ворона попадает сюда, - он показал пальцем на отверстие в крыше. - Ей уже не выбраться. Тогда берут палку, продевают руку в дыру и убивают ворону.

Он просунул в отверстие палку и ударил птицу. Ворона совсем обезумела.

- Не делай этого! Это жестоко, - сказал я.

- Ворон надо убивать, - твердо заявил он.

- Но ты ее мучаешь. Ее надо убить сразу.

Мальчик бросил палку и озадаченно поглядел на ворону.

- Ворона - ошибка природы, - сказал он. - Все, что надо убивать, ошибка природы.

Я не сразу нашел ответ. Илан повернулся ко мне и сказал:

- Может быть, рассказать тебе еще что-нибудь о воронах?

- Пожалуй, хватит, - ответил я.

- Больше никого не расспрашивай о воронах. Мы рассказали тебе все. Можешь это записать; когда вернешься домой.

Оставив западню позади, мы вошли в заросли акации и казуарина. Я остановился и, взяв на себя роль руководителя экспедиции, скомандовал:

- Ко мне!

Мальчики выстроились передо мной. Мой тон настроил их на серьезный лад.

- Мужчины, наши запасы воды иссякают, - торжественно объявил я. Положение опасное. Мы не менее чем в ста милях от дома, и только наш друг Джон может спасти нас.

Это заявление обеспокоило Рэймонда. Очевидно, он не слишком полагался на Джона как на проводника. Он бросил взгляд на компас, затем оглянулся на строения миссии, которые виднелись за деревьями, и заметно приободрился.

- В ста милях от дома! - взволнованно сказал он.

- Веди нас, Макдуфф! - сказал я Джону.

- Его зовут Джои, - поправил Рэймонд.

- Веди нас, Джон!

Джон пошел вперед плавным широким шагом, отличающим коренных австралийцев. Рэймонд и Илан

запугали за ним, высоко держа голову и взмахивая руками. Джон был неутомим. Он увел бы нас в Центральный Квинсленд, если бы я не попросил его остановиться, чтобы взглянуть на компас.

Рядом, росло, наклонившееся к земле дерево, как раз такое, на которые любят влезать ребяташки. Я дал команду всем троим лезть наверх, чтобы посмотреть, нет ли на горизонте признаков жилища.

По дереву ползали зеленые древесные муравьи. Они забирались на ноги мальчиков, падали с верхних веток на их голые спины. Я прислонился к накренившемуся стволу.

Мне было видно, как муравьи впиваются в тела моих спутников, но те проявляли безразличие к боли и только смахивали муравьев свободной рукой, продолжая карабкаться вверх. Вместо упавших муравьев наползали другие, но ни один из мальчиков не обращал на них внимания. Зато москиты обратили нас в беспорядочное бегство. Мириады насекомых слетали с деревьев, преследуя нас до самых ворот миссии.

Здесь мы расстались. В этот момент Джон внес свой единственный за целый день вклад в нашу беседу.

- Там был след курицы! - сказал он.

8. Бенни Чарджер из Мапуна

Бенни Чарджер был главным скотоводом миссии в Мапуне. У него была более светлая кожа, чем у большинства здешних метисов, а черты лица напоминали черты белого человека. Он носил широкополую шляпу и бриджи.

Мы поехали верхом по берегу: я - впереди, Бенни - на почтительном расстоянии от меня. Он намеренно держался сзади. Остановив лошадь, я подождал, пока он меня не нагнал.

- Поедем рядом, как друзья, - предложил я.

- Хорошо, мистер Маршалл. Куда бы вы хотели поехать?

- Мне бы хотелось побывать там, где были стоянки Старых Людей.

- Извольте, мистер Маршалл.

Я почувствовал разочарование при мысли, что наши отношения могут остаться официальными и мне не удастся подружиться с этим человеком, к которому я чувствовал расположение. Но мало-помалу, видя мой интерес ко всему окружающему, Бенни оживился. Он старался подробно отвечать на все мои вопросы, но оказалось, что он не знает ни названий' птиц, ни названий деревьев. Мои расспросы совершенно его обескуражили. Он ужасно обрадовался, когда смог сообщить мне название одного плода - "дамское яблоко".

- Ну что это за название! - сказал я. - Интересно было бы знать, как его называли ваши Старики.

- Тинипра, - тут же ответил Бенни.

- Значит, это название вы знаете? - сказал я.

- Конечно. Я знаю все местные названия.

- Да ведь это как раз то, что мне нужно!

- А я думал, вас интересуют английские слова.

После этого я услышал столько местных названий, что совсем запутался. Мы придержали лошадей под деревом, усыпанным красными ягодами.

- Это мейна, - сказал Бенни. - Старые Люди едят их.

Не слезая с лошадей, мы отведали этих ягод, сорванных с веток над головой. Они оказались сладкими и пришлись мне по вкусу. Я набил ими карманы.

Когда мы въехали на сырую, прохладную лужайку, поросшую густой зеленой травой, которая заглушала стук копыт, Бенни спешил и начал искать ямс. {Ямс дикий (*Dioscorea sativa*) - вьющееся растение, клубни которого широко использовались в пищу аборигенами Австралии.} Откопав несколько клубней, он протянул их мне. Клубни пахли сырой землей. Ему хотелось найти более крупную разновидность ямса, для которой имелось особое название. Наконец, он нашел это растение. Став на колени, он принялся подкапывать корень. Почва здесь была мягкой, и скоро его рука скрылась в земле по локоть. Он лег на живот и рыл глубже и глубже, пока рука по плечо не ушла в землю.

Наконец он вытащил большой уродливый клубень с мясистыми щупальцами, напоминавший морское чудовище.

- Это кутей, - сказал он, протягивая мне корень. - Старые Люди его едят. Иногда они питаются ямсом и кутеем целые месяцы.

- Откуда вы все это знаете? - спросил я. - Ведь вы родились в миссии и никогда не жили среди Старых Людей?

- Старики очень умные. Когда я был молод, они брали меня с собой в заросли и учили всему, что знали сами. Нынешняя молодежь не водится со Старыми Людьми. Она думает, что большему научится у белых. Но Старики знают такое, чему не научишься у белых. Я

сказал себе: "Они знают больше меня". Теперь я никогда не пропаду с голода в зарослях, не то что молодые.

Дорога, которая вела туда, где раньше находилась стоянка Старых Людей, проходила мимо большого заросшего камышом болота. Мы поехали вверх по пологому склону холма. За гребнем холм круто обрывался. Болото, напоминающее большой амфитеатр, лежало перед нами.

В первый момент я решил, что у меня галлюцинация: болото двигалось! Тысячи длинноногих серебристо-серых журавлей, которых часто называют "спутниками аборигенов", испуганные нашим появлением, медленно двигались в противоположную сторону, настороженно повернув к нам головы. Их было так много, что образовался серебристо-серый покров, местами скрывавший от наших глаз поверхность болота.

Я крикнул; те птицы, что были ближе, расправили огромные крылья. Неуклюже подпрыгивая, они взлетели. За ними поднялся в воздух следующий ряд, потом следующий. Скоро все они поднялись в воздух, сильно взмахивая крыльями. Резкие крики птиц и шум их крыльев долго звучали у нас в ушах.

Подняв лицо к небу, Бенни Чарджер сказал:

- Старики тоже это видели.

- Да. Наверное, они много раз охотились на этом болоте. Как называют Старые Люди эту птицу?

- Друли, - ответил Бенни. - Накануне охоты на друли Старые Люди рано ложились спать, а утром рано вставали.

- Почему они охотились ранним утром? - поинтересовался я. - Разве нельзя подкрасться к болоту и метать в птиц копья в любое время дня?

- Нет. Друли к себе не подпускают. Они рано покидают место ночлега. Проснувшись, они сразу

перелетают на другое место. Летят они низко над землей. Старые Люди знали, где пролегает их путь, потому что друли всегда летят по одному пути. Двое мужчин, которые охотятся вместе, прячутся в зарослях. Когда птицы пролетают над ними, один из мужчин с криком выбегает. Друли расправляют крылья, чтобы взмыть вверх. Тогда второй охотник бросает палку, целясь в раскрытые крылья, подбивает птицу, и она падает.

- Они охотились с бумерангом? - спросил я.

- Нет. В наших краях Старые Люди никогда не охотились с бумерангом. "Они метали копья, а в друли они бросали палки.

На низком холме впереди нас раскинулось огромное фиговое дерево. Под его ветвями мы остановили лошадей. Ветви широко разметались вокруг могучего ствола, свисая вниз, так что часть листьев касалась земли подобно бахrome занавеса.

- Все Старые Люди знали это дерево, - сказал Бенни.

- Они говорили, что дерево выглядело точно так же, еще когда они были детьми. Оно старше Старых Людей, а ведь они все умерли. Они никогда больше не придут сюда, их больше нет...

Путь к месту покинутой стоянки лежал по берегу узкой лагуны. На поросшем редкой травой холмике, господствовавшем над лагуной, я видел стаю птиц. Каждая стояла на одной ноге, спрятав голову в перья на спине между крыльями. Мы ехали между ними, но они, казалось, спали летаргическим сном. Они взлетали только из-под самых копыт лошадей и тут же садились на землю. Я принял их за перевозчиков {Перевозчик (*Tringa hypoleucos*) - птица семейства ржанок отряда куликов.}, но Бенни сказал, что это кроншнепы.

- Скоро все они погибнут. Их убивает зной во время дождей. Повсюду будут их трупы. Они уже заболели.

То была страна птиц. Неуклюжие аисты бродили по мелководью лагуны; вереница карликовых гусей быстро, плыла среди камыша. Из зарослей камыша доносилось криканье уток и крики водяных курочек.

Бенни показал пальцем на птицу, голова которой виднелась над сухой травой в ложбине.

- А это обыкновенный индюк!

Я хотел подъехать к индюку, но он неуклюже побежал, взмахивая крыльями. Наконец ему удалось оторваться от земли. Чуть отлетев, индюк опустил крылья. Я опять попытался приблизиться к нему, но он снова пустился в бегство. Пришлось отказаться от своего намерения.

Бенни сказал с улыбкой:

- Он ни за что не подпустит к себе. Мы посылаем ему зеркальцем зайчиков, тогда он подходит.

Чем дальше мы ехали вдоль лагуны, тем больше становилось деревьев. Наши лошади пробирались по старой заброшенной дороге.

- Скоро приедем, - сказал Бенни.

Мы неожиданно выехали на зеленую лужайку, спускавшуюся к лагуне. В этом месте лагуна заросла белыми и голубыми водяными лилиями. В центре лужайки росло большое фиговое дерево вроде того, что мы уже видели. Запах травы, растоптанной копытами лошадей, ударил нам в ноздри.

- Вокруг этого дерева разбивали лагерь, - сказал Бенни. - Здесь они жили.

Мы замолчали, и над лужайкой нависла тишина. Не слышалось даже щебета птиц. Вдруг подул легкий ветерок, словно ребенок вошел поиграть в пустую комнату. Деревья стали перешептываться, на траве затанцевали темные тени.

- Здесь они собирались на корробори {Корробори - празднество с плясками у аборигенов Австралии.}, -

сказал Бенни. - Здесь они танцевали для Припригги. Так говорили мне Старые Люди.

- А кто это Припригги? - спросил я.

- Припригги - это мужчина. Понимаете, мистер Маршалл, у Старых Людей есть легенды, так же как есть легенды у вас. У нас есть легенда о Млечном Пути. Старики верили, что Млечный Путь - человек такой же, как вы или я. Этого человека звали Припригги. Старые Люди говорили, что он жил в Уорд-Пойнт, в устье реки Пайн. Припригги часто бывал тут. Это было его любимое место. Каждый раз, когда они плясали, Припригги был с ними. Он был певец и танцор.

Однажды Припригги отправился в мангровые заросли поохотиться на летучих лисиц {Летучая лисица (*Pteropus medius*) - млекопитающее из подотряда крыланов. Размах крыльев достигает 1,5 м. Питается фруктами.}. Но их было так много, что они подхватили его и потащили вверх. Утром они бросили его на полпути к небу, и Припригги запел на прощание.

Старые Люди проснулись рано и услышали пение Припригги, а тот спел прощальную песню и умолк. Старые Люди взяли у Припригги эту песню и придумали танец. Это прекрасная песня, это песня Припригги. После того как он спел ее и попрощался с людьми, они никогда больше его не видели. А когда стемнело, они увидели в небе Млечный Путь - раньше его там не было - и исполнили большой танец для Припригги и повторяли слова его песни.

Но я не знаю слов этой песни, мистер Маршалл. Слова знают только Старые Люди.

- А их уже нет, - сказал я.

- Да, их уже нет.

Должно быть, ему захотелось побольше сообщить мне о Старых Людях. Натянув поводья, он сказал:

- Я вам кое-что покажу.

Мы поехали через заросли, пробираясь среди деревьев, увешанных красными плодами, среди панданусов {Панданус (Pandanus) - род однодольных деревьев и кустарников.}, акаций и фиговых деревьев, увитых лианами. Наконец мы выбрались на площадку, сплошь заросшую ямсом и ползучими растениями.

Бенни показал мне большой плоский камень, лежавший под искривленным деревом. Поблизости не было камней, и этот камень казался инородным телом.

- Как сюда попал камень? - спросил я у Бенни.

- Видите ли, мистер Маршалл, белые часто уводили Старых Людей.

- Уводили? Вы хотите сказать, уводили силой?

- Не совсем силой, но вроде бы так. Белые называли это вербовкой. Они приезжали на люгерах. Старые Люди шли на борт, не зная, что их ждет, а белые увозили их искать раковины. И однажды - это было давным-давно - Старые Люди, которых заманили в море, выбросили капитана за борт и повернули люгер к берегу. На люгере были камни для балласта. Старики взяли один камень, чтобы толочь на нем корни водяных лилий. Вот этот камень. А теперь я покажу вам еще кое-что.

Мы поехали дальше. В густых зарослях, куда почти не проникал свет, Бенни остановил лошадь.

- Здесь Старые Люди прятались, когда в них стреляли. По-вашему это называется убежище. Вот убежище Старых Людей.

Это было красивое место, но после слов Бенни оно сразу показалось мне зловещим. Я представил себе дрожащих от страха людей, пробирающихся сквозь чащу, задыхаясь, страдая от кровоточащих ран...

Мне не хотелось оставаться здесь.

- Поедем отсюда, - попросил я. - Здесь страшно.

- Поедем. Мне тоже страшно.

Домой мы ехали медленно. Бенни рассказывал мне истории, некогда услышанные им от Старых Людей.

Он пытался объяснить мне одно из их верований, согласно которому колдун племени может лишить человека сознания и выпустить из него всю кровь; жертва возвращается в стойбище внешне не пострадавшей, но обреченной на скорую смерть.

Позднее, в Арнхемленде, я слышал много таких рассказов, но тогда, слушая Бенни, я подумал, что это скорее миф, нежели верование, и не стал его об этом расспрашивать.

Тем временем мы подъехали к строениям миссии.

- Может быть, в другой раз вы еще что-нибудь расскажете мне о Старых Людях? - спросил я.

- Конечно, - ответил Бенни. - Один из Стариков еще живет здесь, но вы не сможете с ним объясниться: он говорит только на родном языке. Я попрошу его рассказать истории, которые он знает, а потом расскажу их вам.

Но мне не довелось больше слушать рассказы Бенни Чарджерера. На люгере готовились к отплытию.

Позднее с веранды миссии я заметил нескольких женщин, собравшихся на берегу. Я пошел попрощаться с ними. Оказалось, что они специально ждали меня. Каждая из них обязательно хотела что-нибудь дать мне на память.

- Это вам подарок.

- А это вашей жене.

- Приезжайте еще. А это возьмите на память.

- Может быть, ваша жена сфотографируется с моими цветами и пришлет нам карточку?

Тут были ожерелья из красных с черным горошин, веера из листьев пандануса, цветы из перьев попугая, карликовых гусей и журавлей, раковины и браслет из раковин...

Было уже темно, когда мы вышли из здания миссии и пошли к морю. Дэвид Мамуз Питт стоял на песке. Он наклонился и, крикнув, поднял меня на плечи.

За отмелью ждала невидимая в темноте шлюпка. Плеск воды под ногами Дэвида казался неестественно громким в нависшей над морем тишине бескрайней тишине, которая сгущается над темной водой, когда земля исчезает из виду.

Вдруг я услышал зов ржанок, которые летели на юг над морем. Теперь море уже не казалось мне таким, пустынным.

Было так темно, что я не видел шлюпки до тех пор, пока Дэвид не подошел к ней вплотную. Когда он опустился на скамейку и сделал первый взмах веслами, в темноте заплясали отсветы фосфоресцирующей воды.

Весла врезались в воду. Вода бурлила за кормой лодки, излучая свет, мерцавший над черной поверхностью моря...

Наконец мы взобрались на борт люгера. Я лег на койку, которая вскоре начала раскачиваться в такт рокоту мотора.

9. Уэйпа

Было за полдень, когда мы обогнули высокие красные скалы мыса Дьюфкен и вошли в залив Альбатрос, куда впадает река Эмбли.

В том месте, где расположена миссия Уэйпау примерно в четырех милях от Моря, река такая широкая, что кажется, будто миссия стоит на берегу залива.

Берег здесь крутой. Его пререзает дорога, проложенная, для доставки товаров с причала, куда их перевозят с люгера на барже.

Я наблюдал, как аборигены из Уэйпы грузили на баржу мешки муки, бочки с керосином и тяжелые ящики, которые им подавали Дэвид и Парди. Эти аборигены, пожалуй, были самыми некрасивыми из всех, каких мне привелось увидеть, и все-таки их внешность не была отталкивающей.

Мистер Уинн, на чьем попечении находилась миссия, помогал аборигенам. Он обходился с ними с таким добродушием и дружелюбием, что сомнений не было - в миссии царят мир и согласие.

Позднее, прохаживаясь по территории миссии, я загляделся на группу играющих детей, одетых в разноцветные набедренные повязки. Одна из девочек извлекала ритмичные звуки, ударяя палкой по бидонам из-под керосина. Один сильный удар чередовался с двумя слабыми.

Притоптывая в такт и меняясь местами, дети что-то пели на родном языке. Среди них были малыши, которые еще плохо умели ходить. Время от времени они сбивались, вызывая смех старших девочек и мальчиков. Малыши смеялись вместе с ними.

Дети выглядели очень опрятными. Тут не было ни грязных лиц, ни рваных повязок. Они танцевали с явным удовольствием.

Дочь, мистера Уинна, чья неподдельная любовь к аборигенам диктовалась не жалостью, а уважением, руководила школой, где учились эти дети. На каждой школьной тетрадке ее владелец или владелица аккуратно вывели свои имена. Я взял наугад две тетрадки. Надписи гласили: "Марджори Яремукка" и "Рода Юменвейнт". Какое необычное сочетание английских и местных имен!

Перелистывая страницы, я подумал, что почерк этих детей гораздо аккуратнее и разборчивее моего собственного. Мисс Уинн заверила меня, что они усваивают материал так же легко, как их белые однолетки. Проверка тетрадей подтвердила ее слова.

Мне неоднократно приходилось слышать утверждения о том, что коренным австралийцам можно сообщить только элементарные знания. Они якобы неспособны усвоить то, что белый ребенок двенадцати лет понимает без труда. Поэтому способности, проявленные детьми чистокровных аборигенов в Уэйпе, явились для меня откровением. Как далеко могут пойти эти дети, если дать им возможность получить настоящее образование!

После ужина мисс Уинн познакомила меня с четырьмя женщинами-австралийками, помогавшими ей по хозяйству - Анни, Сюзи, Эстер и Флорри.

Анни и Эстер были замужем. Сюзи и Флорри, незамужние семнадцатилетние девушки, выглядели намного старше своих лет. У всех были превосходные зубы, белые и ровные.

Мы долго разговаривали. Когда речь зашла о пении, мисс Уинн заметила:

- Сыновья Анни написали песню. Правда, Анни?

- Правда, - подтвердила Анни, скрывая за кратким ответом свое смущение.

Черты ее лица, покрытого сетью морщинок, были более тонкими, чем у других женщин. Я не удивился, узнав, что ее сыновья сочинили песню.

- Мне хотелось бы послушать эту песню, - сказал я.

- Спойте-ка все вместе эту песню для мистера Маршалла, - попросила мисс Уинн.

Оказывается, сыновья Анни, Джим и Роберт, написали свою песню, когда были в море на люгере.

Женщины затянули песню. Их голоса казались слишком звонкими и молодыми по сравнению с лицами. У меня было такое чувство, словно кто-то ударил по шершавому стволу старого дерева, и оно вдруг зазвенело, как колокольчик.

Женщины пропели песню несколько раз, но мне так и не удалось различить сочетания слов. Мне хотелось записать их. Мисс Уинн уже сделала такую попытку, но ее вариант был неполным.

Анни медленно повторила для меня слова песни. Мои попытки воспроизвести их вызвали у австралиек веселый смех, который они силились подавить. Наконец, после бесконечных исправлений в блокноте я прочитал им свою запись, и они заверили меня, что с точки зрения звучания слов все правильно. Женщины перевели слова песни на английский язык.

Мы два брата.

Мы хотим домой,

Мы пойдем домой.

Надвигаются большие тучи и дождь,

Дождь уже близко.

Дождь проходит,

Небо снова проясняется.

Смотри, брат, опять хорошая погода.

10. Шарк из Орукуна

К югу от Уэйпы прибрежная полоса, тоже покрыта густыми зарослями. После восьмичасового плавания мы достигли устья реки Арчер.

Лежа на палубе, я наблюдал за птицами, кружившими высоко в небе. Там, наверху, играл ветерок, подбрасывая птиц, как игрушечные планеры.

Я стал разглядывать проплывавшие мимо нас мангровые леса. Волна от нашего люгера с плеском растекалась среди спутавшихся корней ризофор. Наконец мангровый лес кончился. Густой кустарник подступил к самой воде. На песчаной косе возле хижины из коры сидели аборигены и махали нам. Позади тянулась роща кокосовых пальм.

Пристань, к которой причаливали люгеры, доставлявшие грузы для миссии Орукун, расположенной в шести милях от моря, предстала перед нами подобно яркой обложке увлекательного приключенческого романа.

Мы повернули к одному из берегов широкой реки, на котором росла группа могучих чайных деревьев {Чайное дерево, или мелалеука, - вечнозеленое дерево из семейства Myrtaceae.}. Их длинные ветви кое-где так низко нависали над берегом, что листья касались воды.

Под сенью этих деревьев рос саговник {Саговник (*Cycas media*) голосеменное древесное растение. Австралийские аборигены используют его орехи в пищу.} высотой в половину человеческого роста и камыш. В глубине тянулись заросли кампешевых деревьев и акаций.

С берега за нами наблюдали местные женщины. На них не было ничего, кроме ярких набедренных повязок.

Одни из них сидели на корточках, наполовину скрытые травой; сквозь завесу зеленых стеблей их повязки казались яркими цветными пятнами. Другие стояли, грациозно выпрямившись; они держали на плечах младенцев, которые цеплялись за их густые волосы. Некоторые из темнокожих малышей обхватили ногами поясицы своих матерей, другие стояли, держась за края ярких набедренных повязок. Дети постарше глазели на нас из-за древовидных папоротников. С берега доносились мелодичные возгласы, а временами взрывы смеха.

Навстречу нам шагал высокий, длинноногий белый человек в светлой рубашке, шортах и пробковом шлеме. За руку он держал голого темнокожего мальчугана. Это был мистер Сидней. Орукун находился на попечении четы Маккензи, но они были в отпуске, и мистер Сидней заменял их.

Мы отправились на берег в шлюпке. Аборигены, на груди которых были племенные знаки в виде толстых рубцов, держали лодку, пока мы не высадились. Это были высокие мужчины. Некоторые из них были шести футов роста.

Мистер Сидней повел нас к платформе, прицепленной к трактору. Миссия находилась в двух милях от берега. Темнокожие мужчины, женщины и дети стали влезать на платформу, чтобы поехать домой. Увидев, что для всех места не хватит, многие пошли пешком.

Я сел на край платформы и свесил ноги. Пока заводили трактор, я обратил внимание на одного аборигена, стоявшего позади прицепа. Казалось, он старается остаться незамеченным, словно ему грозит какая-то опасность; Украдкой покосившись на платформу, он направился к ней, глядя при этом в другую сторону, затем внезапно повернулся и пошел прочь неуверенным шагом человека, который борется

сам с собой, удерживаясь от того, чтобы не пуститься наутек.

Но вот он снова остановился, бросил беглый взгляд направо, налево и назад, затем круто повернулся, отошел к реке и застыл в неподвижной позе, искоса глядя на прицеп. Он напоминал дикое животное в джунглях, изучающее место водопоя, прежде чем напиться.

Я подождал, пока его взгляд не встретился с моим, и кивнул ему, улыбаясь и указывая на свободное местечко рядом со мной. Сначала он посмотрел на меня, подозрительно, потом ответил улыбкой, оглянулся, желая убедиться, что дорога для бегства открыта, и пошел к прицепу, глядя мне прямо в глаза.

Я снова указал на свободное место. Абориген неуверенно положил руки на край прицепа и неловко подпрыгнул. Прыжок оказался неудачным. Он остался стоять возле прицепа, несколько растерянный, не уверенный в себе. Я притянул руку, чтобы помочь ему взобраться. Почувствовав прикосновение моих пальцев, он отдернул руку так быстро, что я сам чуть не свалился. При этом он отскочил назад и припал к земле. Между приоткрытыми губами сверкнули зубы. Абориген наблюдал за мной, тяжело дыша; застыл в позе человека, на которого собираются напасть.

Наконец он подошел и ухватился руками за край прицепа. На этот раз он подскочил с такой ловкостью и силой, что, казалось, очутился надо мной, перевернулся в воздухе и приземлился рядом.

Ему было явно неудобно сидеть, но если бы он начал устраиваться поудобнее, это привлекло бы к нему внимание. Поэтому он продолжал сидеть неподвижно, уставившись в одну точку, готовый отреагировать на мое малейшее движение, несмотря на внешнее безразличие.

Я уже угостил сидящих на платформе сигаретами. Теперь я протянул сигарету и ему, слегка подтолкнув его локтем, чтобы привлечь внимание к своей протянутой руке. Он вздрогнул, потом схватил сигарету, откусил кончик и проглотил не жуя.

- Эй, - воскликнул я, - полегче!

Я затянулся и выпустил дым, чтобы продемонстрировать, что надо делать с сигаретой, затем взял у него огрызок сигареты и зажег ее. Он осторожно сунул огрызок в рот, посидел с минутку, косясь на других, и, удостоверившись, что поступает, как все, начал выпускать клубы дыма.

Его звали Шарк {Шарк (shark) - по-английски означает "акула"}. Он был родом с острова Бентинк.

Остров Бентинк входит в южную группу островов Уэлсли, расположенную примерно в семнадцати милях от материка, в глубине залива Карпентария. Бентинк - наиболее крупный остров южной группы, но самая широкая его часть равна всего одиннадцати милям,

Мистер Кейн побывал там в 1937 году. По его словам, это холмистый остров, где растут лишь низкорослые деревья. До Кейна никто не осматривал внутреннюю часть Бентинка. Не обнаружив никаких источников пресной воды, Кейн решил, что в засушливое время года населяющие остров аборигены обходятся водой, накопившейся в сезон дождей.

Миссионеры с острова Морнингтон сначала посещали Бентинк, где жило примерно двести пятьдесят аборигенов; но в наши дни жители Бентинка предоставлены самим себе и продолжают вести первобытный образ жизни. Они боятся белых и при их приближении прячутся. На берегах острова были найдены черепа, простреленные пулями.

Островитяне питаются почти исключительно дарами моря: едят раков-отшельников и различных моллюсков, до которых аборигены материка никогда бы не

дотронулись. Они вооружены короткими копьями (на острове нет больших деревьев) и плавают не в лодках, а на легких плотках, называемых ими вальпа.

Миссионеры, видевшие островитян с Бентинка, утверждают, что это самые отсталые из всех австралийских аборигенов, с которыми им приходилось сталкиваться. Жена миссионера Дж. Б. Маккарти, который возглавлял миссию на острове Морнингтон, описала жителей Бентинка в статье, опубликованной в 1945 году в журнале, посвященном работе пресвитерианских миссий.

В статье говорилось, что группа островитян с Бентинка была в 1945 году "добровольно" переселена на остров Морнингтон. Автор описывает существующий у жителей Бентинка обычай ежедневно обмазываться с головы до пят кровью черепахи или дюгоня. Миссис Маккарти упоминает также о распространенном среди женщин острова обычае, общем для многих австралийских племен: женщины до крови царапают голову обломками раковин. Это якобы способствует выздоровлению родственников. Она пишет, что островитяне, привезенные на Морнингтон, отказались поселиться в подготовленном для них лагере и устроили другой, наверху холма. Они хотели, чтобы море всегда было у них перед глазами.

Шарк, молча сидевший рядом со мною, был родом с острова Бентинк. Он был невысокого роста, с развитой грудной клеткой. Вьющиеся черные волосы и раскосые глаза ясно показывали, что в его жилах есть примесь малайской крови. На вид ему можно было дать лет тридцать. Мне понравилось его лицо. Оно показалось мне смышленным.

Я узнал о нем больше лишь много месяцев спустя, когда по возвращении в Мельбурн встретился с четой Маккензи.

Несколько лет назад Шарк и Рейнбоу {Рейнбоу (rainbow) - по-английски означает "радуга".}, который был немного старше, завладели чуть ли не всеми достигшими брачного возраста женщинами Бентинка, вызвав гнев остальных мужчин.

Остров невелик, и обоим героям пришлось вместе с несколькими женщинами и детьми уйти в море на двух плотках. Начался шторм, один из плотов потерпел крушение. Многие женщины и дети при этом утонули, но второй плот достиг небольшого острова Аллен.

Здесь Шарк и Рейнбоу обосновались с уцелевшими женщинами и детьми и, по-видимому, прожили около семи лет. На острове родились новые дети.

Но вот однажды из Берктауна в миссию на острове Морнингтон направилось судно, команда которого состояла из аборигенов. В числе пассажиров были две женщины. Обе пассажирки и команда были родом с Морнингтона и возвращались из поездки на материк.

Обычно суда по дороге заходят на остров Аллен пополнить запасы пресной воды. Миссионеры Морнингтона, зная, что там обосновались беглецы, дали экипажу судна указание возвратиться в миссию без захода на остров. Однако команда, нарушив предписание, привела судно на Аллен, где прибывших встретили на берегу Шарк и Рейнбоу. Увидев женщин, они решили пополнить свой "гарем" и уговорили команду и пассажиров пойти в глубь острова, где, по их словам, вода была лучше. Кто-то из двух - Шарк или Рейнбоу - пустил в ход копье и тяжело ранил в голову кого-то из членов команды. Мужчины и обе женщины с корабля бросились к берегу, но Шарку и Рейнбоу удалось захватить женщин в плен. Не в силах поспеть за своими, раненый спрятался в кустарнике.

По возвращении на Морнингтон аборигены рассказали о происшествии миссионеру, и он на катере отправился вместе с ними выручать пленных. Они

добрались до острова Аллен лишь через три дня и отыскали раненого. Он был еще жив. Обеих женщин удалось выручить, а Шарк и Рейнбоу бежали в глубь острова. Позднее раненый скончался; в дело вмешалась полиция.

Полицейские, прибывшие из Берктауна на Аллен, вывезли оттуда всех жителей. Шарка и Рейнбоу судили и отправили в Таунсвилл, а там решили поселить их вместе с женами и детьми в Орукуне.

В Орукуне Рейнбоу умер от гриппа. Шарк стал жить среди местных аборигенов, которые хотя и считали его чужаком, но терпели его.

11. Дети Орукуна

Миссия Орукун окружена кокосовыми пальмами и деревьями, манго. Длинная пальмовая аллея ведет к главному зданию, позади которого в тени высоких деревьев манго расположено общежитие для детей.

На открытой местности за миссией раскинулись посадки маниока и сладкого картофеля {Маниок (*Manihot utilissima*) - одно из важнейших пищевых растений тропиков. Дает клубни весом до 5 кг с высоким содержанием крахмала.

Сладкий картофель, или батат (*Ipomoea batata*), - растение со съедобными клубнями.}. Там росли также бананы, а в саду напротив здания миссии цвели кустарники и деревья, названий которых я не знаю.

На территории миссии жили в среднем триста аборигенов, но их численность менялась, так как они то приходили, то уходили. К востоку от Орукуна в зарослях кочевали племена, которые посещали миссию редко или никогда там не бывали. Они говорили на родном языке и жили, как когда-то их предки. Многие из аборигенов, осевших в миссии, с трудом могли произнести несколько английских слов. А те, которые умели говорить по-английски, между собой разговаривали на языке своего племени.

Я вышел из комнаты с восходом солнца. Множество ребятишек подметало пальмовыми ветвями участок вокруг общежития. Они аккуратно сгребали опавшие листья и плоды манго, сброшенные на землю летучими лисицами. Все были заняты делом. Мальчики на длинных шестах тащили на кухню ведра с водой. Стройные девочки несли на голове ананасы, кувшины с водой, гроздь бананов или связки щепок для очага. Их гордая осанка и грациозная походка вызвали у меня

чувство восхищения, словно я смотрел на прекрасные произведения искусства.

Поначалу тонкие ноги и руки аборигенов кажутся некрасивыми, но если отказаться от предвзятых представлений белого человека о прекрасном, то ногам и рукам аборигенов нельзя отказать в своеобразной красоте. Они гармонируют с окружающими стройными деревьями, с длинными резкими тенями, пересекающими узкие тропинки.

Я продолжал смотреть на детей. На городской улице, среди толпы белых, их тонкие руки и ноги могли бы показаться некрасивыми, но здесь они превосходно сочетались с окружающей природой.

Закончив уборку, дети выстроились перед амбулаторией в ожидании ежедневной порции жира дюгоня. Есть предположение, что жир дюгоня полезен туберкулезным больным и может служить профилактическим средством.

Туберкулез легких - бич австралийцев полуострова Кейп-Йорк. Они легко заболевают, болезнь развивается быстро, и исход ее смертелен.

Для борьбы с туберкулезом в Орукуне Маккензи распорядился, чтобы местные женщины, как и прежде, носили только набедренные повязки повсюду, за исключением церкви. Дело в том, что во многих миссиях миссионеры стали раздавать своим подопечным поношенную одежду, собранную благотворительницами - членами женских клубов южных городов Австралии. В результате среди аборигенов катастрофически участились случаи туберкулеза. Располагая одним-единственным платьем, женщина носит его и в хорошую погоду и в дождь. В сезон дождей намокшая одежда облегает ее, словно панцирь, способствуя развитию туберкулеза.

Теперь в Орукуне число больных туберкулезом уменьшается. Местные женщины отказались от

бесформенной, уродливой одежды, превращавшей их в .карикатуру на белых сестер.

Из всех представлений, навязанных аборигенам непросвещенными миссионерами, представление, будто наготы следует стыдиться, - самое отвратительное и вредное.

Под влиянием миссионеров темнокожие, прежде не осознававшие своей наготы, стали думать, что такая "откровенность" постыдна.

Миссис Маккензи рассказала мне о своем путешествии на катере вверх по реке. За рядами деревьев, растущих по берегу, она услышала человеческую речь. Она попыталась уговорить людей племени; населявшего эти места, выйти из-за деревьев, но те, по-видимому, боялись. Наконец один из мужчин выступил вперед. Осанка и выражение лица свидетельствовали о том, что это был вождь племени. Но при виде его наготы одна из австралиек, живущих в миссии, велела ему прикрыться. Мужчина остановился. Хотя он продолжал приветливо улыбаться, он был уже не уверен в приеме, который ему окажут. Тут женщина подбежала к нему и набросила на него одеяло. Этот покров окончательно лишил вождя чувства собственного достоинства. Из гордого аборигена он превратился в жалкого слугу белых.

От наблюдения за детьми я перешел к наблюдению за взрослыми, которым выдавали из двух больших котлов ежедневную порцию риса. Ожидая своей очереди, они наблюдали за мной, обмениваясь друг с другом краткими репликами, явно по моему адресу. Мой взгляд перебегал с одного лица на другое. Всякий раз, когда наши глаза встречались, люди улыбались, кивали головой или поднимали руки в знак приветствия.

Позади стояла старая-престарая австралийка. Ее лицо могло бы оттолкнуть человека, лишенного чувства сострадания. Время покрыло его шишками, складками и

морщинами, но глаза у нее были ясные. Она держалась за конец длинной палки. Другой конец держал мужчина с седой бородой и седыми волосами. У него было иссохшее тело, но он стоял прямо, высоко подняв голову, словно вглядываясь вдаль. Старик был слеп, и жена водила его, как это принято у аборигенов, с помощью длинной палки, протянутой от одного к другому.

Старик и старуха получили свою порцию риса. Когда они отошли, я вдруг вспомнил, что у меня есть табак. Я громко окликнул слепого, но ни он, ни его жена не услышали. Стоявший рядом со мной абориген, заметив, что я хочу привлечь внимание старика, что-то крикнул ему вслед. Старик и его жена остановились и подождали, пока я не подойду к ним.

- Не хотите ли табаку? - спросил я.

Не поняв моих слов, старик повернулся к жене. Та перевела ему мои слова. Старик заулыбался и протянул в мою сторону исхудалую руку. Пока я клал на протянутую ладонь табак, его жена приговаривала, радостно кивая головой:

- Спасибо, добрый человек! Спасибо, добрый человек!

Стариков аборигенов отличает особая, трудно определяемая черта. Они как бы наблюдают за нами, находясь по другую сторону глубокого, непроходимого ущелья, край, на котором они стоят, выше нашего. Даже когда старики очень приветливы, кажется, что они отделены от нас; по-видимому, им нравится такая отчужденность.

Мистер Сидней присоединился ко мне, и мы пошли по направлению к школе. В это время из калитки вышла старая австралийка. Сидней остановился и сделал какое-то шутливое замечание. По-видимому, они привыкли шутить друг с другом. Женщина явно обрадовалась, когда Сидней обратился к ней, и

смотрела на него с улыбкой, словно предвкушая новые остроты.

Позднее Сидней сказал мне, что старуха жила на острове Морнингтон, когда он был там миссионером. Островитяне сражались при помощи тяжелых нулла-нулла (палиц). Многие мужчины лишались суставов пальцев на руках, раздробленных ударами палиц противника. Сражались не только мужчины, но и женщины.

- Минни, не покажешь ли мистеру Маршаллу, как сражаются на палицах? обратился Сидней к старухе.

Он взял две палки, протянул Минни одну и стал против нее, держа в руках другую. Посмеиваясь, она повернулась к нему лицом и, выставив вперед правую ногу, перенесла тяжесть тела на левую. Она вытянула руки, зажав в них палку параллельно земле и тем самым поставив перед собой барьер. В такой позиции она могла схватить палку любой рукой и орудовать ею.

Минни все время переносила тяжесть своего тела с одной ноги на другую, то поднимая, то опуская палку, готовая в любую минуту нанести удар. Сидней нацелился было ударить ее по голове, но Минни парировала его удар палкой, выбросив руки вверх, и отвела их назад. Он попытался ударить ее справа, но она отклонила удар, пропустив палку, теперь уже зажатую в левой руке, между пальцами правой и повернув туловище влево так, что палка легла вдоль ее правого бока. За попыткой нанести удар слева последовали те же движения, но направленные на защиту левого бока. Все это Минни проделывала так стремительно, что глазам было трудно уследить за ее движениями. Я слышал лишь треск палок, после чего противники возвращались на исходные позиции. При этом Минни не прекращала посмеиваться.

- Для меня Минни слишком сильный противник, - сказал мистер Сидней.

Я взял у него палку, но тоже потерпел полную неудачу, с той лишь разницей, что после трех быстрых попыток атаковать Минни, ощутил легкий щелчок по голове и увидел, как ее палка промелькнула надо мной. На этот раз в ее смехе слышалось полное удовлетворение.

Сидней оставил меня на попечение местной девушки по имени Мэри, поручив ей показать мне школу. Мэри была вежлива и приветлива, она двигалась с грацией, отличающей женщин Орукуна.

Мэри сказала, что преподает в школе. Мы остановились посмотреть на малышей, игравших под деревом манго. Девочка-австралийка, которой было поручено заниматься с малышами, поставила их в круг. Они вели хоровод и пели:

"Ходим мы вокруг костра, вокруг костра, вокруг костра. Ходим мы вокруг костра рано-рано утром".

"Вот так мы бьем рыбу копьем..."

"Вот так мы достаем из земли ямс..."

Я обратил внимание на двух девчушек, которые были очень похожи одна на другую: обе примерно одного возраста и роста. Они все время держали друг друга за руки.

- Кто эти две девочки, которые держатся за, руки? - спросил я у Мэри.

- Они с острова Бентинк, - ответила она.

Так вот они - дети, приехавшие с Шарком и Рейнбоу, девочки с Бентинка, чьи матери некогда обмазывались кровью дюгоня.

По-видимому, малайцы, чьи прау {Прау (малайск.) - общее название индонезийских судов различных традиционных типов.} северо-западные муссоны пригоняли к северному побережью Австралии еще до прихода белых, посетили Бентинк. Отсюда раскосые глаза, тонкие черты лица и прямые черные волосы этих девочек.

Первые белые, приплывшие на парусных судах к острову Бентинк, оставили после себя простреленные пулями черепа. Малайцы же запечатлели на лицах этих детей черты своей расы.

Во время пребывания в Орукуне я часто наблюдал за этими двумя девочками. Они всегда были вместе, всегда держались за руки. Мне хотелось поговорить с ними, послушать их речь, но они меня боялись. Они все-таки взяли у меня леденцы, но ни разу не ответили на мои вопросы, ни разу не заговорили со мной.

- Не хотите ли осмотреть школу? - спросила Мэри, о присутствии которой я совсем забыл.

Школа состояла из нескольких комнат. В каждой занимались дети одного возраста. Их обучали темнокожие девушки. Когда мы входили в класс, дети вставали и здоровались со мной.

Я обратил внимание на одного красивого, хорошо сложенного мальчика с веселым лицом, который внимательно рассматривал мои часы на браслете. Я подумал, что из него выйдет превосходный партнер для прогулок. Когда мы вышли из класса, я спросил Мэри, кто он такой.

- Он тоже с острова Бентинк, - последовал ответ.

Прежде чем покинуть школу, я попросил Мэри показать мне книгу, по которой детей учили читать. Она протянула мне экземпляр хрестоматии, используемой в школах Квинсленда.

Я перелистал эту хрестоматию. В ней были английские стихотворения о снеге и малиновках, картинки, изображающие сцены из английской жизни, английские сказки.

- Где же рассказы о Старых Людях? Где ваши легенды, ваши мифы? спросил я.

Мэри принесла несколько страничек, написанных на машинке. Это была поэтическая легенда австралийцев о журавлях. Я спросил:

- Этим снабжает школы правительство Квинсленда?

- Нет. Я получила это от миссис Маккензи.

Мэри любезно проводила меня до здания миссии и, прежде чем вернуться в школу, нашла для меня нового провожатого. Мы с ним побродили еще немного, но время приближалось к полудню, а он должен был закончить какую-то работу. Я укрылся от палящих лучей солнца под деревом манго.

Должно быть, Шарк заметил меня. Он подошел и остановился на некотором расстоянии, слегка отвернувшись, словно его интересовало что-то другое. Он вел себя точно так же, как тогда, когда я сидел на прицепе. Я поманил его, и он сразу ответил улыбкой, на этот раз без тени подозрительности.

Я пытался говорить с ним, но он не понимал меня, а я - его. Я показал ему свой фотоаппарат, и на лице его снова отразились страх и подозрение. Островитяне с Бентинка боятся фотоаппаратов. Возможно, объектив напоминает им дула ружей, которые некогда на них направляли. Я не решался его сфотографировать, чувствуя, что это было бы для него мучительным испытанием. Но другой абориген, угадав мои намерения, подошел и объяснил Шарку, в чем дело. В конце концов тот поддался уговорам и стал передо мной. Он стоял в неловкой позе, поэтому я взял его за плечо и повернул. Он застыл на месте, ожидая, пока я наведу на фокус. Его плечо нервно подергивалось, он явно задерживал дыхание.

После того как снимок был сделан, я дал Шарку сигарету. Он взял ее, повернулся и быстро пошел прочь. Я чувствовал по его походке, что он с трудом подавлял в себе желание бежать. Шарк направился к строению на высоких сваях и зашел за сваю, скрывшись таким образом от моих глаз. Сваля была не слишком массивная. Должно быть, он стоял за ней навтыжку. Я подался

влево, чтобы поглядеть на него, но мне была видна только его рука. Шарк вертел пальцами сигарету.

Я пошел завтракать. Стол, накрытый белоснежной скатертью, был заставлен яствами тропиков. На блюде, которое поставила передо мной темнокожая женщина, лежал жареный карликовый гусь, маниок, бататы и жареный картофель. Все это было вкусно приготовлено и красиво разложено на блюде местными женщинами.

12. Торжественная церемония в Орукуне

В Орукуне хижины аборигенов лучше, чем в любой другой из виденных мною миссий. Они построены из коры бумажного дерева {Бумажное дерево - название, применяемое к деревьям *Melaleuca Leucadendron*, а также *Callistemon*, Кора их легко расслаивается.} и стоят на сваях. В отличие от жилищ из оцинкованного железа, принятых в большинстве миссий, в живописных хижинах из коры не бывает жарко.

Самый неподходящий строительный материал из всех используемых в тропических условиях - оцинкованное железо. Днем, в жару, такое жилище такое пекло, а вид этих лачуг производит удручающее впечатление.

После полудня должна была состояться торжественная церемония. Обитатель одной из хижин миссии недавно умер, и теперь, по истечении определенного срока, из хижины надо было изгнать дух покойного, и тем самым сделать ее пригодной для нового жильца.

Я направился к поселку аборигенов по аллее кокосовых пальм. Стояла страшная жара. Приближался сезон дождей: влажный воздух заставлял людей обливаться потом.

Когда я подошел к деревне, до меня донеслись заунывные причитания, перемежающиеся выкриками.

В центре открытой площадки стоял стол. На столе возвышались груды бананов, ананасов, ямса, бататов, плодов манго. Здесь были и плетеные корзины с вареной пищей, и какие-то орехи с дикорастущих деревьев.

Оранжевые, желтые и зеленые оттенки плодов контрастировали с коричневой кожей девушек, танцевавших вокруг стола. Их было около тридцати. Синие и красные набедренные повязки горели в ярких лучах солнца. Девушки сопровождали свой танец пением; их пронзительные голоса сливались с ритмичными ударами рук по бедрам и топотом босых ног. Они наклонялись вперед, перебирая ногами и покачиваясь.

На руках у девушек были браслеты из перьев попугая и пестрых горошин. Эти алые и черные зерна украшали также их шеи, талии и запястья. В копны непослушных волос были вплетены цветы. Грудь девушек была покрыта белыми и желтыми узорами. Точечные узоры из белой глины с зигзагами из желтой охры украшали плечи и спину.

Причитания и крики сливались в несмолкаемый гул. Пыль клубилась, как фимиам, покрывая потные тела серым налетом.

Неподалеку от женщин танцевали мужчины. В руках они держали разукрашенные копья и копьеметалки. Их тела были обмазаны коричневой и белой глиной, глаза обведены белыми кругами. На щеках красовались коричневые и белые полосы, поперек лба проходили белые линии.

Узоры встречались самые разнообразные. Некоторые лица были сплошь раскрашены белой глиной, другие - коричневой. На тело были нанесены цветной глиной тотемические {Тотемический - связанный с тотемизмом. Тотем животное, растение или предмет живой природы, в которых первобытные люди видели предков или родственников своих кровнородственных коллективов.} рисунки или просто белые полосы. Ноги, по-видимому, раскрашивали как придется.

На руках мужчины носили браслеты, сплетенные из пальмовых листьев. У некоторых на ногах были браслеты из горошин.

Мужчины перебирали ногами и притоптывали так же, как женщины, но в их голосах, более низких и громких, звучала какая-то ярость.

В танцах принимали участие и дети. Они тоже были разрисованы и носили украшения. Я увидел мальчика с острова Бентинк. Он стоял в группе мужчин и хлопал в ладоши. На груди у него был бросающийся в глаза узор из петель и завитков. На лице отражалось возбуждение.

Хижина, перед которой плясали мужчины, была украшена гирляндами из красного жасмина. Перед входом были протянуты гирлянды из алых цветов гибискуса {Гибискус (*Hibiscus heterophyllus*) - растение, корни и листья которого аборигены Северной Австралии употребляют в пищу.}. На крыше лежали ветки деревьев и листья кокосовых пальм.

В тени пальм и хижин, окружавших эту "площадку для танцев", собрались все аборигены, не принимавшие участия в церемонии.

Женщины, кружившиеся вокруг стола, остановились перевести дух. Они перебрасывались словами и смеялись, как гости в бальном зале во время перерыва между танцами. Атмосфера корробори не рассеялась даже тогда, когда смолкли крики танцующих: громкие причитания, доносившиеся откуда-то сзади, по-прежнему окутывали присутствующих духом древних обрядов.

Позади женщин я увидел трех иссохших старух, которые держались на довольно значительном расстоянии от молодежи. Они медленно перебирали ногами и размахивали руками. То был танец Старых Людей. Отвислые груди старух были разрисованы глиной и охрой, по бедрам и поперек туловища проходили бурые линии. Годы избородили морщинами

их поблекшую кожу, похожую на потрескавшуюся почву в высохшем пруду. Но шрамы на телах этих старых женщин - полосы чистой, блестящей кожи - напоминали обручи из полированного дерева. Эти надрезы, нанесенные еще в юности, казались совсем свежими; то был символ преданности обычаям своего народа.

Танцуя, старые австралийки издавали пронзительные вопли на одной-единственной ноте:

- А-а-а-а...

Никто не обращал на них внимания, а они в свою очередь забыли обо всем, поглощенные пляской. Быть может, их глаза видели совсем не то, что видели мои. Быть может, они видели девственные заросли и танцующих мужчин, таких же молодых и сильных, как когда-то были они сами. Быть может, им казалось, что у них упругие груди, полные молока, что они прижимают к себе младенцев.

Чувствуя затаенную боль в их голосе, видя их полную отрешенность от окружающего, я с горечью подумал: быть может, они слышат лебединую песнь своего народа!

Молодые женщины возле стола опять начали танцевать. Они стали приближаться к ожидавшим их мужчинам, которые подбрасывали копья и выпускали хриплые крики. Тогда три старые австралийки подошли к столу и продолжили свой танец там.

Наконец, женщины присоединились к мужчинам перед хижиной. Все стали полукругом. Начались "сольные" выступления. Основная масса участников выполняла роль хора, отмечая такт ногами, хлопками рук и выкриками. Низкие гортанные голоса мужчин и пронзительные крики женщин сливались в громкий аккомпанемент.

Мужчина в маске выбежал вперед и исполнил бешеный танец. Я сел рядом с каким-то стариком в

надежде, что он объяснит мне смысл танцев, но мы с трудом понимали друг друга. Он описал один танец в следующих выражениях:

- Две старухи... Давным-давно... Он потерял сына. Его укусила змея. После этого он танцевал. И упал мертвым. Две женщины пляшут вокруг него...

Мне показалось, что это описание имеет весьма отдаленное отношение к танцу. Старик утратил мое доверие, Тем не менее он сообщил мне название главного танца, в основе которого была драматическая ситуация: измена жены мужу и убийство им любовника неверной. Танец назывался "Апарича".

Сначала танцоры энергично притоптывали ногами под аккомпанемент ударов деревом по дереву. Мужчины начали издавать резкие звуки, как если бы они хотели воспроизвести рычание льва. Затем раздались низкие, вибрирующие звуки. Женщины в такт выпускали пронзительные вопли. Время от времени сквозь эту мешанину звуков прорывался громкий крик.

Я заметил, что во время танца женщины вели себя по-разному: одни положили руки на бедра, другие придерживали руками грудь, третьи обхватили затылок ладонями. Какова бы ни была принятая поза, они сохраняли ее до конца танца. Один из стариков объяснил мне, что положение рук определяется степенью родства с другими участниками танца.

- Если обе руки лежат на голове, значит, танцует муж женщины. Если она придерживает грудь, значит, танцует дочь или сын. Если танцует старший брат, сестра кладет руки на бедра.

- А если руки кладут на плечи? - спросил я.

- Девушка кладет руки на плечи, когда танцует ее сестра.

- А руки на затылке?

- Значит, танцует ее тетка.

Тут я заметил, что три старые австралийки пляшут уже не возле стола, а в ста ярдах {Ярд равен 0,91 см.} от хижины.

Группа, танцевавшая перед хижинкой, взяла более быстрый, стремительный темп. Крики стали еще неистовее. Высокие ноты пронзали воздух, как летящее копье. Танцующие не спускали глаз с кустарника, росшего по краям площадки.

Внезапно оттуда выбежало четверо разрисованных мужчин с копьями и копьеметалками. Из желтых полос глины, украшавших их тела, торчали перья. Их лица вселяли ужас: белая глина, которой они были обмазаны, придавала им сходство с черепом. Трое из них быстрыми прыжками продвигались вперед, потрясая копьями; их движения и крики согласовывались с ритмом танца, продолжавшегося перед хижинкой.

Четвертый мужчина, по-видимому, "охранявший" трех воинов, бегал из стороны в сторону, словно расчищая им дорогу.

На некотором расстоянии от мужчин бежали четыре молодые женщины, по две с каждой стороны.

Несколько раз группа танцующих перед хижинкой внезапно останавливалась и замолкала. Во время этих пауз женщины и мужчины, приближавшиеся к хижине, застывали на месте.

Последний, эффектный пробег вывел их на открытую площадку перед возбужденной группой танцующих, которые раскачивались, тряслись и притоптывали, забыв обо всем на свете.

Представление продолжалось. Три женщины слились с толпой танцующих, а четвертая, повернувшись спиной к главной группе, в которой находились мужчины, изображавшие ее мужа и любовника, начала исполнять медленный танец.

Ее мягкие движения контрастировали с дикими криками и прыжками остальных. Четверо мужчин

мимикой передавали ревность мужа, колебания любовника и сочувствие товарищей мужа.

Ритм убыстрялся. Казалось, трое мужчин решили убить "любовника". Свиристое выражение лиц и угрожающие крики были настолько неподдельными, что, когда они окружили его, я встал и начал проталкиваться вперед, опасаясь, что танец плохо кончится.

"Муж", подпрыгивая на широко расставленных ногах, высоко подняв копье, внезапно бросился на "любовника" и швырнул его на землю. Каждое движение, даже падение "любовника", было выдержано в ритме танца.

Когда "муж" занес копье над поверженным соперником, он тоже сделал это в ритме танца. Он снова и снова набрасывался на соперника, и на его лице была написана такая ярость, что не верилось, будто он играет. Из рта у него вырывались свирепые крики, которые подхватывала толпа.

"Любовник" поднялся с земли. Соперники начали бороться, обхватив друг друга руками. "Любовник" снова упал. Его голова ритмично покачивалась из стороны в сторону, опускаясь все ниже и ниже.

Женщины в центре площадки продолжали танцевать, не обращая никакого внимания на поединок.

Мужчины подхватили выкрики воинов с копьями, сопровождая их последними, неистовыми прыжками.

А на краю площадки три старухи-австралийки пели и пританцовывали, поднимая облако пыли:

- А-а-а-а...

Пора была открывать хижину. Танцоры с криками столпились вокруг нее, передние прошли в дверь. Гирлянды колыхались на ветру. Алые цветы гибискуса поникли от жары. Наступила передышка.

Затем люди вышли из хижины. Все двинулись к столу, пританцовывая на ходу. Мы с мистером Сиднеем

последовали за ними.

Характер танца изменился. Крики и прыжки теперь выражали радость и веселье. Приближался кульминационный момент. Крики стали громче. Мужчины высоко подпрыгивали, расставляя при этом ноги и сводя их вместе у земли. Женщины подпрыгивали, разводя руки в стороны.

А позади них три старые австралийки все размахивали руками и пританцовывали. Пот струился по их морщинистой коже.

Когда шум стал нестерпимым, а неистовые движения танцующих достигли предела, все вдруг остановилось. Все звуки стихли, все движения прекратились. Люди упали на колени, сложив руки в молитвенной позе.

Наступила глубочайшая тишина. Я замер, невольно задержав дыхание.

- Они молятся, - сказал мне мистер Сидней. Позади коленопреклоненных фигур три старухи снова стали петь и пританцовывать:

- А-а-а-а...

Жизнь опять вступила в свои права.

13. Танцоры Орукуна

Мне обещали, что вечером аборигены покажут некоторые из своих обрядовых танцев.

Судя по тому, что я видел в Орукуне, танцы аборигенов, как правило, навеяны природой. У них есть танец крокодила, танец голубя, танец рыбы...

Все эти танцы исполняет большая группа танцоров, так сказать кордебалет, и солисты. Во время каждого танца делают небольшие перерывы; исполнители отдыхают и разговаривают друг с другом.

У исполнителей главных ролей способность передать содержание средствами танца сочетается с актерским дарованием. Они в равной мере и танцоры и актеры: танцуя, аборигены широко прибегают к мимике. Исполнение главных ролей доступно далеко не всем. Для этого надо много тренироваться. Некоторым исполнителям удаются танцы только одного определенного характера, в чем я получил возможность убедиться.

Отдельные па требуют от танцоров большой ловкости. Тренировка начинается еще в детском возрасте.

Я удивился, что аборигены выбрали для танцев площадку прямо перед хижинами. Мужчина, которого я спросил об этом, объяснил, что они хотели избавить меня от утомительного пути.

По краям площадки под пальмами расположилось много людей. Свет газовых фонарей падал на плечи и лица девушек. Они мелодично переговаривались между собой. На лежавшем перед хижинной бревне сидел юноша, держа за руку девушку. Обрывки разговора, смех, шелест пальмовых листьев как бы сливались в одну мелодию.

Тут я заметил Шарка. Он медленно вышел из темноты и сел неподалеку от меня, обхватив ноги руками. Шарк искоса поглядывал на меня, не поворачивая головы. Я протянул ему сигарету. Он схватил ее, бросив вокруг себя быстрый взгляд, словно опасаясь, что кто-нибудь захочет отнять у него эту сигарету. Мистер Сидней, сидевший рядом со мной, тоже заметил Шарка.

- А, Бентинк тут! - воскликнул он. - А где же твои жены?

Шарк улыбнулся и оглянулся на трех женщин, сидевших позади него. Сидней включил принесенный им с собой фонарик и пошел поговорить с женщинами. Когда свет упал на их лица, я увидел, что они смеются, сверкая белыми зубами. На коленях они держали спящих детей. Одна девчушка лежала на песке, свернувшись клубочком, как щенок. Женщины подняли руки над головой, приветствуя миссионера. В трепещущем свете фонарика их розовые ладони напоминали мотыльков.

- Вот счастливые, правда? - сказал Сидней, вернувшись на свое место. Всегда смеются!

Перед нами стояла группа человек в пятьдесят - женщины по бокам, мужчины в центре. Высокий мужчина, по-видимому исполнявший роль церемониймейстера, что-то крикнул. Начался "танец крокодила". Исполнители пригнулись к земле, притоптывая в такт. Ритм отбивали мужчины, ударяя одной деревянной досочкой о другую. Каждому притопу соответствовал хлопок в ладоши. Танцующие подхватили ритм, издавая звуки, напоминающие резкое покашливание.

Один из "солистов" вышел на середину полукруга, образованного танцующими, и опустился на землю боком, скрестив ноги. Опершись о локоть, он подражал движениям крокодила: ритмично подрагивая всем

телом, скрещивал и разводил ноги, подергивал плечами и, продолжая лежать, медленно поворачивался, опираясь о локоть. Время от времени он быстро переворачивался и переносил тяжесть тела на другой локоть, обращая лицо в противоположную сторону.

Второй "солист" кружился вокруг первого с копьем и копьеметалкой. Он потрясал копьем в такт; иногда он приближался к танцору-"крокодилу", прикасался к нему копьеметалкой, а затем, продолжая танцевать, отдалялся от своего партнера.

Танцор-"крокодил" несколько раз бросался на воина с копьем. Он так правдоподобно изображал крокодила, что у меня по коже пробежали мурашки. Всякий раз, когда воин с копьем убегал от "крокодила", "кордебалет" начинал еще энергичнее притоптывать ногами, издавая громкие крики.

Воин с копьем, пригнувшись к земле, стал осторожно приближаться к "крокодилу". Он стал над ним и, когда звуковой аккомпанемент достиг кульминации, взмахнул копьем. Копье прошло между рукой и грудью "крокодила". "Крокодил" прижал копье>рукой к боку, так что оно стояло прямо, колеблясь в унисон с конвульсивными движениями танцора, имитировавшего агонию.

В следующем танце - "танце голубей" - ведущие партии исполняли мужчины и женщины. Менее драматичный, чем "танец крокодила", "танец голубей" давал исполнителям возможность импровизировать и поэтому представлял больший интерес.

Двое мужчин, держась вместе, вышли в центр площадки. Они выделяли ногами шаркающие движения, которые повторял "кордебалет". "Солисты" показывали, как голуби клюют и пьют, как они ухаживают за голубками. Они складывали губы бантиком и имитировали воркование голубей, скидывали руки вверх, подражая взмахам крыльев,

вытягивали шеи. Затем мужчины уступили место двум женщинам. Склонив голову и сложив руки под грудью, женщины проделали аналогичные движения, изображая голубок.

В этом танце участвовало большое количество танцоров обоего пола. Уровень мастерства исполнителей был далеко не одинаков. Эта разница особенно бросилась в глаза при исполнении следующего номера программы - "танца рыбы". На землю положили два копья. Два танцора подняли их и стали изображать, как пронзают копьем рыбу. Казалось, это несложный танец, и все-таки в нем в большей мере, чем в остальных, выявилось мастерство каждого танцора. Появление двух молоденьких девушек, по-видимому, "солировавших" в этом танце впервые, вызвало большое оживление. Они заметно волновались. Их неловкие движения порой вызывали смехок у зрителей. Хотя девушки явно путались, они все-таки довели танец до конца и были вознаграждены бурей аплодисментов.

Был исполнен еще один танец - "Мальпа" - и представление окончилось. Матери унесли спящих детей. Все разошлись.

На следующий день мы уехали из Орукуна. Утром, когда я вышел на улицу, под деревьями манго меня ждал трактор с прицепом, набитым ребятишками. Я взобрался на прицеп, и мы отправились к реке. Вереницы людей тянулись по дороге в том же направлении. Шагавшие рядом с матерями дети завистливо смотрели на нас. Я окликнул их, знаками давая понять, что на прицепе есть еще места. Когда они подбежали, я помог им взобраться. Шлюпка уже ждала. На берегу собралось много аборигенов. В стороне от других я заметил Шарка. Он стоял неподвижно, уставившись на воду. Могло показаться, что Шарк задумался, но я знал - он прекрасно видит все

происходящее. Я не спускал с Шарка глаз, уверенный, что он посмотрит на меня. В самом деле, Шарк медленно повернул голову.

- Прощай! - крикнул я и помахал ему рукой. Он вздрогнул и украдкой бросил взгляд на стоящих вокруг, желая проверить, наблюдают ли за ним. Удостоверившись, что это не так, он снова посмотрел на меня и приоткрыл зубы в улыбке. Он быстро поднял руку и неловко махнул ею, потом отвернулся и опять уставился на воду.

Прощай, Шарк, темнокожий Дон-Жуан! Ты мне очень понравился.

Я забрался в шлюпку.

- Апо-о-о-о!- закричали аборигены, когда шлюпка отчалила.

"Апо" значит "до свидания". До меня еще долго доносились голоса людей, хотя сами они уже казались цветным пятном под деревьями.

14. Дэн де Буш

Солнце не взошло, а выскочило из-за узкой полоски земли на горизонте. Я сидел, свесив ноги за борт, и любовался длинной серебряной дорожкой, пересекавшей море.

Рядом сидел старый метис с острова Самоа, которого мы взяли на борт, когда на обратном пути заехали в Мапун. Его звали Дэн де Буш (по его словам, частица "де" означала, что в его жилах течет французская кровь).

На нем была ярко-красная набедренная повязка; на груди и голове росли белые, как снег, волосы. Взгляд у него был усталый. Он сказал, что много раз наблюдал точно такой же восход, когда солнце выскакивает из-за горизонта, как пробка из бутылки, только бесшумно.

Свет отражался от волн, гребни которых перерезали линию горизонта. Я сказал Дэну:

- Посмотри вдаль. Интересно, что происходит на горизонте? Видишь, как там поднимаются волны?

- Там рождаются ветры, - сказал Дэн.

- Я тоже так думаю!

Мне было приятно общество этого человека, который так хорошо почувствовал мое настроение. Я сказал:

- Взгляни-ка туда! Кажется, что земля на небе!

Действительно, тонкая полоска земли, отделявшая на горизонте небо от моря, напоминала кинжал, лезвие которого, занесенное над водой, повисло в легком тумане.

Дэн чуть улыбнулся и сказал:

- Здесь недалеко до другого моря. Оно начинается по ту сторону полуострова. Может быть, мы его увидим

- А ты бывал когда-нибудь в северной части полуострова Кейп-Йорк? спросил я его.

- Мой отец когда-то работал на Фрэнка Джардина. Мальчишкой я жил в Сомерсете.

Я побывал в Сомерсете во время своего первого посещения полуострова Кейп-Йорк. В свое время там обосновался Джон Джардин, который в 1863 году был назначен представителем австралийского правительства в этих краях.

Два его сына, Фрэнк и Алек, приехали туда из Рокхемптона в 1865 году. После возвращения отца в Рокхемптон Фрэнк поселился в Сомерсете. Он расширил добычу жемчуга. Именно Фрэнк Джардин в 1869 году открыл, что команду судна "Спервер" убили аборигены с острова Принца Уэльского. В отместку он истребил всех жителей этого острова.

Усадьба в Сомерсете находится примерно в пяти милях от мыса. Теперь она заброшена и стала обиталищем термитов. Чудесный сад пришел в запустение.

Там растут сотни кокосовых пальм. Земля под ними усеяна опавшими орехами. Внутри дома - царство тараканов и сороконожек. Толстая паутина свисает со стен и потолков. В просторных комнатах стоит запах плесени.

- Расскажи мне что-нибудь о Фрэнке Джардине, - попросил я Дэна.

- Когда я был мальчишкой, - начал Дэн, - я видел, как Джардин обучает солдат-туземцев. Он учил их убивать людей. Отправляясь в заросли верхом, Джардин брал с собой двух собак. Он срубал дерево, покрывал бревно одеялом и оставлял в палатке, а сам ложился в кустах. Приходили туземцы, бросали копья в палатку. Тут Джардин из кустов убивал семь-восемь человек.

- А были люди, с которыми он обращался хорошо? - спросил я.

- На Джардина работало много народа - гавайцы, малайцы, филиппинцы. Если они его обманывали, он их убивал,

- Не можешь ли ты описать какой-нибудь такой случай?

- Помнится, однажды Джардин смотрел с веранды в подозрную трубу через пролив на остров Олбани и увидел мужчину, который стоял на скале и держал в руке копье. На груди у мужчины висела большая раковина. Джардин выстрелил, потом свистнул. На свист явились солдаты-туземцы. Он приказал им: "Берите лодку и плывите на остров. Привезете крокодила, которого я убил".

Они поплыли на остров, увидели убитого и сказали: "Это не крокодил, это человек". Мужчина лежал на земле рядом со своим копьем. В раковине была пробита дыра.

Мы помолчали, потом я спросил:

- А твой отец ладил с Джардином?

- Мистер Джардин никогда не направлял на моего отца ружье. Мой отец очень помогал ему. Он был единственный, кто ладил с Джардином.

Через несколько недель я встретил белого, отец которого работал у Джардина. Я упомянул о карательных экспедициях и расстрелах, с помощью которых Джардин "управлял" населением островов Торресова пролива и Кейп-Йорка.

- Расстрелы - это слишком мягко сказано! - воскликнул мой собеседник. Отец рассказывал мне об одном туземце, который с двумя товарищами в отсутствие Джардина совершил налет на Сомерсет и увез какие-то припасы. Джардин бросился в погоню, убил обоих сообщников туземца, а его самого тяжело ранил. Туземец залез в болото и дышал через

камышовую трубочку. Джардин знал, что туземец где-то недалеко, и сел на берегу с ружьем, чтобы подкараулить его. Но тот оставался под водой до темноты, а потом убежал.

Такова первая страница истории приобщения аборигенов к цивилизации на полуострове Кейп-Йорк...

К вечеру мы прибыли на остров Четверга. Я решил переночевать на люгере. Гарди отвез мистера Кейна на берег в шлюпке, потом пошел смотреть фильмы, демонстрировавшиеся для солдат, расквартированных на острове. Дэвид Мамуз Питт отправился спать. Мы с Дэном, обливаясь потом, сидели на палубе и прислушивались к отдаленным раскатам грома.

Внезапно совсем стемнело. Два светлых пятна - белая голова Дэна и белые волосы на его груди - вот все, что можно было разглядеть.

Прежде Дэн был ныряльщиком. Теперь он состарился ("Уже не хватает дыхания!"). Одно время Дэн жил на острове Нагир. Он рассказал мне, как ему приходилось нырять за перламутровыми раковинами, из которых делают пуговицы.

- Когда я был молодой, я опускался чуть ли не на десять саженей {Морская сажень = 182 см.}. Вода совсем прозрачная, опускался все ниже и ниже. Как увижу две раковины, хватаю одну, вторую - вот так! (Он показал мне, как он быстро захватывал раковины.) Беру по одной в каждую руку и начинаю подниматься.

Приподняв голову, Дэн имитировал руками движения пловца.

- Некоторые жадничали. Опустятся на десять саженей, увидят три раковины, схватят одну, схватят вторую - все им мало. Хватают третью и начинают подниматься, но очень медленно: воздуху не хватает. Приходится бросать все раковины. Случалось, на берегу они теряли сознание.

Когда опускаешься на полторы сажени - времени много: надевай на каждый палец по раковине. Раз нырнул - десять ракушек.

- Наверное, ты начал нырять еще мальчиком?

- Каждый мальчик учится нырять за раковинами. Иногда мальчикам делают надрез на переносице и на макушке.

- Зачем?

- Делают надрез осколком стекла, чтобы воздух не задерживался. Мне сделали такие надрезы, видишь?

- Вижу. А кто их тебе сделал?

- Однажды я увидел, как парню делают надрезы. Я спросил у него, зачем они. Он ответил: "С надрезами можно нырять глубже - чувствуешь себя более легким". И он сделал мне надрезы.

- Странный обычай, - сказал я. - По-моему, от этого только ослабеешь. Ты в самом деле считаешь, что надрез делает тело более легким?

- Так оно и есть. Когда кровь вытекает, чувствуешь себя легче.

- Сколько же времени ты оставался под водой?

- Три-четыре минуты. Некоторые могли и дольше.

- Я могу пробыть под водой только минуту, - заметил я.

Дэн усмехнулся.

- Когда ныряют, не едят ни мяса, ни сахара, ни джема. Если их есть, не хватит воздуха. Завтрак - пресная лепешка и вода. Целых восемнадцать лет проработал я ловцом...

До меня донесся скрип весел. Я встал и перегнулся через поручни.

К люгеру подошла шлюпка, из которой на борт перебрались четыре аборигена. Услышав наши голоса со своего люгера, стоявшего неподалеку на якоре, они решили поболтать с нами. Я тепло поздоровался с

гостями, обменявшись рукопожатием с каждым, что привело их в смущение.

- Мы с Дэном говорили о ловле раковин, - сказал я, когда все уселись. Кому-нибудь из вас случилось нырять?

- Мне, - ответил один из гостей. - И вот что я заработал.

Он вытянул ногу. Я зажег спичку. На том месте, где положено быть икре, я увидел впадину.

- Акула, - тихо сказал Дэн, заглянувший через мое плечо.

- Вот это да! - сказал я. - Как это случилось?

- Я нырял за раковинами, - объяснил абориген. - Вижу - акула. Я вынырнул, полез в лодку, а нога оставалась еще в воде. Акула как схватит - и вырвала все мясо.

- Большая акула? - спросил Дэн.

Зубы аборигена сверкнули в улыбке:

- Около трех футов.

- Удивительно, что такая маленькая акула напала на человека, - сказал я. - И не побоялась же!

- Маленькая акула, да большая пасть, - сказал абориген.

Тут все заговорили о своих встречах с акулами. Акул привлекают светлые цвета, так что ловцы раковин стараются не показывать ладони и ступни. Им зачастую приходится неподвижно сидеть на дне, пока вокруг плавают акулы. Вспомнили и каменную рыбу {Каменная рыба, или рыба-камень, - австралийская рыба вида *Centropom*}. Она прячется на скалах, готовая выставить свои ядовитые иглы, если на нее нечаянно наступить.

- Я криком кричал всю ночь напролет, - сказал Дэн, припоминая, какую боль причиняют эти иглы.

Мои собеседники заспорили, какими средствами лучше лечиться от яда каменной рыбы. Парень с

изуродованной ногой верил в сок молочного дерева {Молочное, или коровье, дерево (Brosimum galactodendron) - растение из семейства тутовых. Его млечный сок употребляется в пищу, за что он и получил свое название.}.

- Оно растет по соседству с ризофорами. Сломаешь ветку, и сок вытекает. Он смягчает боль и снимает отек. Но если съесть лепешку, испеченную на костре из веток этого дерева, можно умереть.

Тем временем взошла луна. В ее бледном свете отчетливо выделялись небольшие круглые шрамы на кистях рук моих собеседников.

На мой вопрос, откуда эти шрамы, один из мужчин ответил:

- Угорь укусил. Большой угорь, он живет среди скал. Заговорили об осьминогах. Дэн сказал:

- И все-таки хуже всего группер {Группер - так в Австралии называют крупную рыбу рода *Oligorus*, достигающую 2м 30 см в длину. В некоторых районах земного шара это же название применяется к другим видам рыб.}. Хватает тебя, как наживку. Акула откусывает кусок, а группер заглатывает целиком.

Все согласились, что группер страшнее всего. Он достигает огромных размеров. Живет он в расщелинах скал. Абориген с искалеченной ногой сказал:

- Плохо придется, если остановишься перед такой расщелиной, когда ныряешь за раковинами. Он тебя схватит, и нет человека. Я делаю так...

Он встал и вытянул руки в стороны, как ловец, прислонившийся к коралловому рифу. Он повернул голову в сторону и посмотрел налево, на палубу.

- Расщелина там, куда я смотрю. В ней группер. Раковина лежит на песке перед расщелиной. Смотрите!

Он быстро наклонился вбок и схватил воображаемые раковины, лежащие на песке перед убежищем страшного группера.

- Главное - быстрота, - сказал он. - Если станешь перед расщелиной, он тебя схватит.

Мне это показалось бессмысленным.

- Зачем же брать раковины, лежащие перед расщелиной? Зачем рисковать жизнью из-за нескольких жалких раковин? Их всюду сколько хочешь.

Они посмотрели на меня с некоторым изумлением. Ловцы опускаются под воду за раковинами в любом месте. Они никогда не жалуются на опасности. С их точки зрения, это звучало бы смешно. Ведь ловцу платят именно за то, что он добывает раковины.

Выслушав их аргументы, я спросил:

- Сколько же платят за такую работу?

- Двадцать пять шиллингов в месяц, - последовал ответ.

15. Затонувший корабль и церковь

На следующий день мне представился случай увидеть, как островитяне Торресова пролива плавают под водой.

Баржа, перевозившая солдат на остров Гуд, высадила трех аборигенов и меня близ Уэйвира - крошечного островка, расположенного на полпути между островом Четверга и островом Гуд. Баржа должна была зайти за нами вечером, на обратном пути. За это время аборигены обещали показать мне, как они бьют рыбу копьями.

Наша шлюпка направилась к берегу. Вскоре мы достигли подветренной стороны острова. Здесь море было совсем спокойное, шлюпка плавно покачивалась на воде.

Один из аборигенов надел защитные очки, взял короткое копье и погрузился в воду. Я ожидал, что он помедлит какое-то время, набирая воздух в легкие, но он погрузился мгновенно. На поверхности воды осталась лишь легкая рябь. Перегнувшись через борт, я вглядывался в прозрачную воду. Я видел морское дно. Плоские камни, лежавшие среди водорослей, которые ритмично поднимались и опускались, казалось, тоже колыхались.

Солнечные блики, проникавшие под воду, скользили по темной коже аборигена. Он рассекал воду над камнями, неторопливо шевеля ногами и поворачивая голову из стороны в сторону в поисках добычи.

Вдруг под водой что-то произошло. Вода заволновалась, скрыв от моего взора подводный мир. Абориген вынырнул, держа в руке полосатую рыбу,

пронзенную копьем. Он бросил рыбу на дно шлюпки, где она продолжала биться, выпучив глаза. Я хотел поднять рыбу, но мои спутники остановили меня: по их словам, у нее ядовитые плавники.

Охотник погружался снова и снова. Он всплывал, чтобы набрать в легкие воздуха, спокойно и легко, без резких толчков. Сверкающие капли воды усыпали его густые волосы, казавшиеся сухими, словно перья утки. Иногда он плыл под самой поверхностью моря, так что виднелась его курчавая макушка. Всплывая, абориген ловил воздух открытым ртом. Затем он погружался снова и плавно скользил вглубь, совершенно не возмущая воду. Иногда он исчезал под лодкой, охотясь в расщелинах между огромными плоскими глыбами, составляющими основание острова.

Пока он плавал под водой, другой абориген стоял на носу шлюпки, держа над головой длинное копье. Он пристально всматривался в воду возле шлюпки. Хотя я напряженно смотрел в ту же точку, я видел лишь расплывчатые тени и яркие блики, покрывавшие морскую гладь.

Вдруг абориген подскочил и выбросил вперед копье. Он прыгнул в море, копье пронзило воду. Когда он вынырнул, на острие торчала рыбина - такая крупная, что я с трудом мог ее поднять. Пока мы плавали вокруг острова следом за нашим подводным охотником, абориген с копьем убил еще несколько таких же крупных рыб.

У небольшого мыса мы увидели остов затонувшего судна. Оно лежало на боку, так что палуба наклонилась под прямым углом к песчаному дну. Над водой возвышалась только ее верхняя часть. Доски палубы были покрыты ракушками, вкраплениями кораллов и водорослями.

Наша шлюпка ударилась носом о палубу затонувшего корабля и остановилась. Неторопливые

волны плескались у этой преграды, проникая внутрь судна. Воздух, выходящий изнутри вместе с водой, приносил запах морской капусты, гниющих досок, водорослей и подводных пещер.

Некоторые рыбы заплывали в темные отверстия затопленной части палубы и выплывали оттуда. Целые косяки рыб деловито плыли мимо; иногда они задерживались возле корабля.

Наш подводный охотник подплыл к затонувшему кораблю. Он не казался тут инородным телом, не нарушал гармонию движений и теней этого подводного уголка. Почти достигнув песчаного дна, он перевернулся на спину так, что я увидел его лицо и светлые ладони рук. Потом стали видны ступни его ног, и вот он исчез в одном из отверстий палубы. Остатки поломанной обшивки окаймляли это отверстие. Над ним подобно занавесу нависали водоросли, которые мягко, волнообразно шевелились.

Теперь он плыл в темноте. Его окружала черная вода, в которой, несомненно, обитали чудовища с выпученными глазами, с щупальцами, обвивающимися вокруг каждого мягкого тела, проплывающего мимо...

Наконец в зияющей дыре обшивки блеснул косяк серебристых рыбок. Подобно стайке испуганных птиц рыбки бросились врассыпную. Вслед за ними выплыл островитянин, внимательно оглядываясь вокруг. Он начал быстро подниматься, вытянувшись во весь рост, вскинув руки над головой. Скоро его голова показалась над водой.

С того момента как он нырнул в первый раз, прошло около двух часов. Пора было отдохнуть. Мы высадились на берег и начали прокладывать себе путь между чайными деревьями. Один из аборигенов шел за мной по пятам. Продираясь сквозь заросли, я чувствовал, что его рука касается моей головы и плеч. Он сбрасывал зеленых муравьев, падавших на меня с веток деревьев.

Усевшись на прогалине, мы пили молоко кокосовых орехов и беседовали. Абориген, оберегавший меня в пути от муравьев, рассказал, что он с острова Сайби, расположенного в трех милях от берегов Новой Гвинеи.

- Помню, когда я был мальчишкой, - сказал он, - туземцы с Новой Гвинеи пришли нас убивать. Моя мать спрятала меня в хижине. Вот меня и не убили...

Он стал рассказывать, как он работал на люгерах у белых людей. В разговор вступили остальные аборигены. Они говорили о несправедливостях и эксплуатации без всякого возмущения. Однако они считали, что теперь, когда война кончилась и на острове Четверга скоро возобновится промысел жемчуга, им должны предоставить возможность самим управлять люгерами. Мои собеседники говорили, что хотят получить образование; хотят иметь приличные жилища, такие же условия жизни и возможности, какие существуют для белых. Они хотят выбирать представителей из своей среды и таким образом иметь право голоса, когда решается их дальнейшая судьба.

Аборигены говорили обо всем этом, с трудом подыскивая слова и повторяясь, но они были твердо уверены в одном: они не станут работать на кабальных условиях, существовавших до войны. Служба в армии показала им, что некоторые белые относятся к ним, как к равным. Раз они завоевали уважение своих однополчан, значит, они имеют право и на уважение торговцев.

Один торговец, покупая перламутровые раковины у аборигена, который умел пользоваться таблицами расчетов и потому не давал себя обсчитать, заявил, что таблицы эти изданы в 1886 году, а с тех пор "цифры изменились". Торговец вырвал таблицы из рук аборигена и швырнул их в море.

"Этого больше не должно быть, - повторяли мои собеседники. - Мы будем учиться. Мы станем такими же,

как вы. Тогда мы будем равны".

В тот вечер я пошел в церковь на острове Четверга. Божий дом, думал я, переступая порог; перед богом все люди равны.

В церковь входили аборигены. Мы улыбались и кивали друг другу.

"Когда-нибудь мы будем вместе жить в мире", - сказал вождь - герой истории, рассказанной мне Куки.

"Когда-нибудь мы будем вместе..." Да, Куки, когда-нибудь...

Вместе с другими белыми я прошел вперед. Аборигены сюда не пошли. Тут я заметил указатели.

"Только для правительственных служащих", - золотыми буквами значилось на табличке, прикрепленной к передней скамье с мягкими сиденьями.

"Только для сестер милосердия", - значилось на второй мягкой скамье.

"Только для офицеров", - значилось на следующей мягкой скамье.

"Для прочих лиц", - значилось в следующем, "жестком", ряду.

Места для аборигенов не были обозначены табличками. Аборигены толпились в той части церкви, где не было мягких сидений, подальше от рядов с золотыми надписями.

Почти все места для белых остались незанятыми; места для "черных" были переполнены.

Я сел там, где не было мягких сидений. Прямо передо мной находилось металлическое распятие. В церкви было очень тихо. Мы сидели лицом к изображению того, кто утверждал, что все люди - братья.

Здесь были считанные представители белых - носителей заповедей христианства - и множество

темнокожих людей, которым белые принесли эти заповеди.

Священник нараспев читал проповедь. Было исполнено четыре церковных гимна - два для белых и два для аборигенов, которые пели на родном языке. И те и другие пели только свои гимны. Мы кое-как справились со своей задачей. Когда пришел черед аборигенов, я был потрясен красотой и мощью их пения. Казалось, они обратились к нам со стоголосым упреком. Среди них был солист-тенор, который словно посылал ввысь хватающую за сердце жалобу. Его голос звучал где-то над нами, то ниже, то выше, то нежно и успокоительно, то громко и торжественно.

А внизу подобно беспокойному прибою то громче, то тише звучали голоса остальных аборигенов.

Такое пение заставляет сердце биться чаще. То был голос темнокожих людей всего мира, с болью и мукой вещавший о погибших селениях, о гнилых корабельных трюмах, о тех, кто работает в кандалах, о несчастных женщинах, производящих на свет "полукровок", чьи отцы - белые.

То была не мольба и не протест, то был сдерживаемый плач. Смирение этих людей еще больше потрясло меня. Я весь дрожал.

16. Кауэл-Крик

Наступил сезон дождей. Тучи, затаившиеся на горизонте, теперь приблизились. Массы воздуха, двигавшиеся с юга, преграждали им путь. Линия этого тропического фронта то надвигалась, то отодвигалась в зареве молний, сотрясая притихшую землю раскатами грома.

Внезапно тучи, несшиеся с севера, прорвали линию фронта; их авангард разразился ливнями, которые обрушились на прибрежные острова. Тучи устремились на юг, обрушились на северное побережье материка. С земли поднялась пелена тумана. Из пропитанной влагой почвы встали зеленые побеги, пробиваясь между поблекшими ломкими стебельками прошлогодней травы. Зацвели деревья.

Под хмурым небом море потемнело. Повеяло свирепым дыханием ураганов. Над косяками рыбкомальков с пронзительными криками носились стаи птиц.

Я предполагал попасть в Дарвин до сезона дождей, но дожди уже начались. Я сел на люгер, доставлявший продукты в военный лагерь в Пик-Хилл (на западе северного побережья Кейп-Йорка), а оттуда добрался на джипе до авиабазы Джеки-Джеки, в пятнадцати милях к югу. Там находился Хиггинсфилд - аэродром, построенный во время войны американцами, где я предполагал сесть на самолет, направлявшийся в Таунсвилл.

Миссия Кауэл-Крик была расположена неподалеку от военного аэродрома. Пока я ждал самолета, врач авиабазы, доктор Нортон, получил сообщение, что в миссии заболел ребенок. Он собирался отправиться туда на санитарной машине и пригласил меня поехать с

ним. Доктор намеревался привезти больного ребенка на базу, чтобы в случае необходимости отправить его на катере в больницу на острове Четверга.

Дорога к миссии Кауэл-Крик вилась мимо роц кампешевых деревьев и эвкалиптов. Рассеянные по земле семена набухли под обильными дождями. Почва под деревьями стала полем боя, где лианы, травы и цветы боролись за место под солнцем.

Светлые, напоминающие лилии цветы на длинных стеблях белели в густой тени деревьев. Колеса нашей машины сминали розовые цветы дикого имбиря.

В низине эвкалипты сменились густыми зарослями. Лианы переплетались над нашими головами, мы ехали в зеленом полумраке, пронизанном стрелами солнечных лучей. Дальше местность опять повышалась, а еще дальше показались песчаные холмы и море.

Миссия Кауэл-Крик стоит в некотором отдалении от моря, у места впадения потока, имя которого она носит. Хижины разбросаны под деревьями манго. Группы аборигенов наблюдали за нашей машиной. Миссия была словно окутана смертельной усталостью. Не чувствовалось никаких признаков руководящей силы, которая могла бы вдохнуть энергию в местных аборигенов и метисов.

Этих людей собрали, чтобы они тут умерли, думал я, проходя с доктором по поселку. Грязные хижины из оцинкованного железа, жалкие куры, дети со вздутыми от недоедания животами, старики, сидящие на корточках под деревьями, женщины в бесформенной одежде, девушки, покрытые болячками, дефективный мальчик, грудные младенцы со слезящимися глазами, исхудалые женщины, которые негромко покашливали, прислонившись к деревьям, и, наконец, внушительное здание церкви - так выглядит миссия Кауэл-Крик, находящаяся в ведении правительства Квинсленда.

"Северный Квинсленд, - говорится в проспекте туристического бюро правительства Квинсленда, - это волшебная страна - земля, на которую щедро излилась красота тропиков".

Доктор Нортон вошел в ветхое жилище из оцинкованного железа. Оттуда тотчас же послышался душераздирающий детский плач.

Вокруг хижины содрались дети. Они заглядывали в щели хижины с испуганным видом. Дети молчали. Когда ребенок в хижине закричал громче прежнего, они в страхе переглянулись, а малыши ухватились за юбки старших сестер.

Временами крики становились невыносимыми, и дети в страхе отходили от хижины, оглядываясь назад, словно им что-то угрожало. Но, захваченные тревожным любопытством, они каждый раз возвращались и продолжали заглядывать в щели.

Женщины тоже собрались здесь и не сводили глаз с хижины. Они взволнованно перешептывались.

Старый седой абориген стал рядом со мной.

- Что, мать больной девочки в хижине? - спросил я, прислушиваясь к воплям девочки.

- Ее мать умерла несколько недель назад, - ответил старик.

- Отчего?

- Легкие, - сказал он, похлопав себя по груди.

- Сколько ей было лет?

- Двадцать шесть.

Вскоре доктор вышел из хижины. Ребятишки бросились врассыпную и попрятались за деревьями.

Доктор подошел ко мне. Нам пришлось подождать, пока больную готовили к отъезду.

- Вы поставили какой-нибудь диагноз? - спросил я.

- У нее жар, а в легких страшные хрипы, - ответил он. - Я подозреваю туберкулез. Ее мать умерла от туберкулеза.

Из хижины вышла женщина с больной девочкой на руках. Остальные женщины посторонились, давая ей пройти, затем пошли за ней к санитарной машине так, словно она несла труп.

У маленькой девочки были шелковистые волосы и длинные темные ресницы. Ее причесали и одели в свежестыранное голубое платье. Она перестала плакать и спокойно лежала на руках у женщины, не отрывая глаз от ее лица.

Дети вышли из-за деревьев и пошли за женщиной, держась на некотором расстоянии. Они глазели на больную девочку, словно в ней произошла разительная перемена, словно она перестала быть одной из них и они боялись ее.

Женщины горестно переглядывались; они как бы искали друг у друга утешения и поддержки, но ни одна из них не могла ободрить своих подруг.

Женщина, несшая больную девочку, села в машину. Девочка продолжала смотреть ей в лицо.

Дверца захлопнулась. Они были в машине - одни...

Некоторые женщины заплакали. Дети подошли ближе. Никто не ушел.

Кажется, прошло совсем немного лет с тех пор, как я прочитал книгу австралийского писателя Джека Макларена "Мое заполненное одиночество" (My Crowded Solitude), рассказывающую об аборигенах этого района. Автор много лет прожил один среди аборигенов. Тогда они ни от кого не зависели и были здоровыми, сильными людьми.

В 1928 году доктор Дональд Томсон, выдающийся австралийский этнограф, писал, что аборигены полуострова Кейп-Йорк - "славный, храбрый и сильный народ".

Где этот народ теперь?..

Две его представительницы ехали с нами в санитарной машине.

17. Арnhemленд

Арnhemленд - территория, расположенная восточнее Дарвина, - самая большая резервация Австралии. Это последний оплот аборигенов племени мьял, но и здесь вдоль северного побережья были основаны миссии. Скотоводческие фермы вдоль южной границы, Арnhemленда ознакомили кочевавшие тут племена с образом жизни белых.

В Арnhemленде, вероятно, не более четырех тысяч коренных жителей остатки независимого, отважного народа, стойко защищавшего свою родину от вторжения белых.

Скупщики трепангов и жемчуга, рассматривавшие аборигенов Арnhemленда как источник дешевой рабочей силы и надеявшиеся нажиться за их счет, столкнулись с открытой враждебностью. Белые погибали от копий коренных жителей; не один японский скупщик жемчуга простился с жизнью на побережье Арnhemленда.

Задолго до того, как белые приобрели в Арnhemленде репутацию людей жестоких и распушенных, малайцы стяжали тут добрую славу, о чем старики северных племен хранят память и по сей день.

При упоминании о малайцах неизменно подчеркивается их честность, их порядочность по отношению к местным женщинам. При упоминания о белых торговцах - их нечестность.

Просторы Арnhemленда до сих пор остаются неисследованными, несмотря на то, что доктор Дональд Томсон пересек полуостров на востоке, а миссионеры, полицейские и геологи проникали во многие его пункты.

Это край глубоких ущелий и скалистых плоскогорий, рек, окаймленных мангровами, и обширных затопляемых равнин. Тут есть труднодоступные участки разрушающегося песчаника и места, поросшие стройными эвкалиптами. В долинах здесь встречаются буйные заросли, а в широких устьях рек водятся крокодилы.

Я увидел Арnhemленд в самый разгар сезона дождей, когда реки набухли и каждый клочок плодородной земли покрылся пышной растительностью. После тропических ливней даже самые бесплодные участки поросли редкой травой.

В Дарвине мне представилась возможность осмотреть с воздуха всю территорию Арnhemленда. Летаящая лодка "Каталина" снабжала припасами базу военно-воздушных сил на Грут-Айленде - островке, расположенном в заливе Карпентария, неподалеку от восточного берега Арnhemленда.

Прямой путь из Дарвина в Грут-Айленд проходит над Арnhemлендом с запада на восток, над теми участками центральной его части, которые до сих пор остаются белыми пятнами на карте.

Наша "Каталина" отправлялась на рассвете. Огромная летающая лодка развернулась на воде. Поднятый пропеллерами ветер отгонял воду назад. Поплавки разрезали воду. Запущенные в полную силу моторы взревели, вода забурлила, закипела. Наконец мы взлетели; проложенная лодкой на воде дорожка постепенно разгладилась.

К востоку от Дарвина лежат обширные болотистые участки. В сезон дождей они тянутся на протяжении многих миль. С воздуха эта бескрайняя заболоченная местность казалась зеленой гладью, напоминающей сукно бильярдного стола. Водяные лилии и болотные травы росли так густо, что воды почти не было видно.

Зеленая равнина была усеяна островками деревьев и прошита прозрачными реками и ручьями.

Под нами пролетела стая белых цапель. Сверху они напоминали листки сдутой ветром бумаги.

В тех местах, где в заболоченную равнину вдавались длинные косы земли, поросшей кустарником, или травянистые холмы, характер местности менялся: она напоминала причудливый рисунок, выполненный всеми оттенками зеленого цвета. Темно-зеленая листва деревьев, окаймлявших возвышенности, более светлая и живая зелень болотной растительности, промежуточные оттенки растущих вперемежку трав образовывали спирали, завитки, переплетения, словно на землю была наброшена узорчатая шаль.

Дальше реки выписывали одну петлю за другой. В лучах восходящего солнца на землю ложились стройные тени деревьев.

Примерно в ста тридцати милях от Дарвина простирается обширное плоскогорье. Дожди и ветры избороздили его склоны расщелинами и ущельями.

Заросшие деревьями ущелья, пробуравленные реками и ручьями, весело струящимися в сезон дождей, разбивают плоскогорье на отдельные неприступные участки.

Теперь, когда мы летели над плоскогорьем, земля стала к нам ближе. "Каталина" мчалась над страной аборигенов подобно морской птице, единственная цель которой - достичь моря. Она ни разу не отклонилась от своего курса. Временами мне хотелось, чтобы она замедлила полет: тогда я смог бы как следует разглядеть это оставшееся неприкосновенным убежище народа, открывшего Австралию. Но "Каталина" все летела вперед, к месту своего назначения в заливе Карпентария.

Мы миновали необъятную затопленную водой долину, отделяющую северную часть Арnhemленда от

южной. По этой долине текла река, настолько разбухшая от дождей, что на каждом шагу от нее протягивались нити вновь образовавшихся потоков, которые затем снова сливались с рекой. Теснившие реку отвесные скалы были прорезаны ущельями. Песчаник, из которого скалы были сложены, выветрился, время покрыло их трещинами. Из сплошной скалистой стены образовалось множество нагроможденных друг, на друга глыб красного, желтого и оранжевого цвета. Они проглядывали сквозь окружающую зелень подобно древнему скелету земли.

В эту долину вливались все потоки, рожденные на окружающем ее плоскогорье. Они устремлялись в размытые русла, достигали края возвышающейся над долиной стены и оттуда низвергали свои воды на зеленый ковер, трепеща, как стяги на ветру.

Я насчитал одиннадцать водопадов. Хотя я слышал только шум моторов, я знал, что внизу воздух сотрясается от грохота низвергающейся воды, что вся долина наполнена раскатами, журчанием и мягкими всплесками.

Мы постепенно снижались, земля все приближалась. Теперь мы летели над равниной, поросшей деревьями. Здесь не было пышной зеленой травы. Красновато-коричневая земля была едва прикрыта растительностью.

То там, то здесь между деревьями" поднимались столбы песчаника, напоминавшие руины городов. Столбы опирались о стволы деревьев, на земле лежали обломки скал.

Мы все летели вперед над зарослями низкорослых деревьев, мимо одиноких холмов и потоков, пробивающихся из глубоких ущелий. Затем под нами оказались плоские скалы. По ним кое-где струились ручейки, еще не успевшие проложить себе русло. В

глубоких расщелинах росли деревья, выстроившиеся в ряд, словно аборигены, пробирающиеся через заросли.

Вскоре плоскогорье сменилось прибрежной низиной. Под нами были окаймленные мангровыми потоками и заболоченные участки. Мы пересекли устье реки Уокер и полетели дальше, над водами заливов Блу-Мад и Карпентария.

Еще немного, и мы оказались над Грут-Айлендом, над лагуной, служившей во время войны базой для гидропланов. "Каталина" летела над самой водой, как опускающийся пеликан. Послышался такой треск, как если бы корпус врезался в гравий. Огромный водяной султан разлетелся на тысячу брызг. Постепенно все стихло, и мы заскользили по воде подобно кораблю.

С воздуха хорошо ощущаешь подлинный характер и особенности страны, так как окружающая обстановка не влияет на восприятие. Характер страны не совпадает с характером какого-то определенного пункта. Картина, которую мы видим, находясь на земле, всегда ограничена. Когда же страна расстилается внизу, как ковер, реагируешь не на завитки листьев и стеблей, украшающие отдельные кусочки композиции, а воспринимаешь всю композицию в целом.

Во время полета передо мной предстала душа Арнхемленда. Я знал, что даже если бы я прошел пешком сотню миль, эта земля не открылась бы передо мною так, как за эти несколько часов.

Характер страны накладывает отпечаток на характер ее народа; было ясно, что обосновавшиеся в Арнхемленде аборигены должны быть сильными, мужественными людьми. Слабым здесь не место!

18. Грут-Айленд

Грут-Айленд занимает около 700 квадратных миль. Здесь Ф. Грей англичанин, обосновавшийся в Умба-Кумба, на северо-востоке острова, проводит интересный опыт. Его дом стоит у лагуны, на которую села наша "Каталина".

Грей выехал нам навстречу на катере. Это был приветливый человек средних лет. Мы сошли на берег и позавтракали вместе в помещении, прежде служившем столовой для военнослужащих, потом снова сели на катер и направились к противоположному берегу лагуны, где стоял дом Грея. (Лагуна имела около трех миль в поперечнике).

Я сидел рядом с Греем, который правил катером. Он рассказывал мне о своих планах.

Занимаясь торговыми операциями на северном побережье Австралии, Грей хорошо узнал аборигенов и добился уважения племен, особенно враждебно относившихся к белым.

На аэронавигационных картах восточной части Арnhemленда дважды встречается надпись "лагерь Грея" - там, где берег намечен лишь пунктиром. Первый лагерь находится рядом с заливом Каледон; это территория аборигенов, повинных в убийстве полицейского на острове Вуда, совершенном в 1933 году.

Примерно в это же время на побережье залива Каледон аборигены истребили команду японского люгера. Грей выезжал на место для расследования.

В 1938 году он обосновался в Грут-Айленде и приступил к осуществлению своих замыслов. Он хотел направить развитие австралийцев по новому руслу, с тем чтобы помочь им стать полноправными гражданами

и перейти к новым формам хозяйственного уклада. Грей не собирался уничтожить культуру аборигенов; он хотел заменить приносящие вред обычаи более приемлемыми, сохранив при этом их смысл и значение.

Так, у аборигенов Грут-Айленда существовал обычай привязывать покойников к ветвям деревьев и держать их там до тех пор, пока труп не сгниет. После этого кости предают земле. После упразднения этого обычая мертвых стали хоронить сразу, сохраняя лишь волосы покойника для обрядовых танцев.

Под руководством Грея аборигены заложили большой сад и посадили там касаву {Касава - то же, что маниок (см. с. 498).}, сладкий картофель, бананы и ананасы. Была сооружена большая ирригационная плотина.

Плодами сада пользовались сами аборигены, дополняя ими свой рацион. Были выстроены общежития и дом.

Грей завез несколько голов рогатого скота - основу стада, которое он рассчитывал развести для аборигенов. С этой же целью он завез свиней, кур и коз.

Он не навязывал аборигенам никакого вероучения, не вторгался в сферу их религии, сложившейся на протяжении веков под влиянием условий среды и способствовавшей сохранению их жизнеспособности.

Аборигены продолжали следовать своим этическим нормам, - кстати сказать, более четким и определенным, чем наши.

Естественно, что с переходом аборигенов к земледелию и скотоводству их культура должна подвергнуться значительным изменениям. Грей стремился, чтобы эти изменения были органически связаны с развитием аборигенов, чтобы они не привели к потере всякого интереса к жизни, что характерно для общин, в которых была разрушена социальная основа.

Грей рассказал мне, что в его колонии около 150 коренных австралийцев; в 1945 году (за год до моего посещения Грут-Айленда) здесь было зарегистрировано двенадцать рождений и одна смерть.

Но вот мы приблизились к берегу. Катер стал на якорь; мы должны были добраться до берега вброд.

Несколько аборигенов вошли в воду и направились к катеру. Один из них был рослый, крепкий мужчина с шапкой курчавых волос на голове. Его грудь пересекали толстые рубцы. У него было застывшее, неподвижное выражение лица.

Этот абориген должен был перенести меня на берег. Я взобрался к нему на спину, и он медленно побрел по воде, держа в одной руке мои костыли.

Стояла гнетущая влажная жара. Собирались грозовые тучи.

Когда мы добрались до берега, абориген, который явно не понял назначения моих костылей, резко выпрямился. Я опрокинулся спиной на песок, а он с удивлением посмотрел на меня.

- Подай-ка мне мои палки, - попросил я.

Он посмотрел на костыли так, словно никогда их не видел, затем протянул их мне. Когда я поднялся с песка, он подошел к группе аборигенов и повел с ними долгий разговор, перемежавшийся энергичной жестикуляцией. Хотелось бы мне знать, о чем они говорили!

Все строения в Умба-Кумба были прочными и идеально подходили к условиям тропического климата.

Хотя правительство признало колонию Грея, он был по-прежнему связан недостатком денежных средств. Содержание колонии истощило его собственные ресурсы, а помощи, которой он, несомненно, заслуживал, он не получал. Колонии был нужен учитель для школы, но Грей не мог добиться соответствующего разрешения от властей.

Колония нуждалась и в постоянном медицинском обслуживании. На острове, как и во всех частях Северной Австралии, населенных аборигенами, распространен сифилис. Если бы речь шла о белых, частые случаи заболевания среди жителей Грут-Айленда, Арнхемленда и Кимберлея заставили бы правительство немедленно организовать там больницы. Но, поскольку болеют аборигены, это заболевание тактично именуется "кожным" и нередко рассматривается как свойственное исключительно "черным", как лишнее подтверждение того, что аборигенам не место в цивилизованном обществе.

Мы прошли по обширному саду, почву для которого аборигенам пришлось носить с другого конца острова. Было видно, что за деревьями хорошо ухаживают. Сад наглядно свидетельствовал о том, каких успехов достигли жители Грут-Айленда под руководством Грея.

Сначала эксперимент Грея подвергся недоброжелательной критике со стороны миссий, но он упорно добивался своего. Если Грей достигнет поставленной цели, колония сможет сама себя обеспечивать продовольствием,

Грей сказал австралийке, сидевшей вместе с другими женщинами в тени акации:

- Покажи-ка своего ребенка мистеру Маршаллу!

Обращаясь ко мне, он добавил:

- Младенец родился три дня назад. Вам, наверное, будет интересно на него взглянуть.

Женщина поднялась и подошла к соседнему дереву, в тени которого на песке спал ребенок. Она взяла его на руки и принесла нам. Это был упитанный малыш. Сморщенный кулачок, который он поднес ко рту, был облеплен песком. Когда малыш открыл рот, я увидел, что и на языке у него песок.

Кожа ребенка, казалось, была слишком велика для его маленького тельца: когда малыш двигал ручками или ножками, на них образовывались складки. Вся кожа была покрыта тончайшими линиями, как будто в стране предков, из которой, согласно поверью, явился ребенок, не хватило новой кожи и его наскоро завернули в кожу старика.

На веках у новорожденного была корка. Грей сказал матери:

- Принеси его ко мне попозже, я пушу ему в глаза лекарство.

Пилот "Каталины" торопился продолжить полет. Мы заспешили к берегу. Был полный прилив, и катер оказался еще дальше от берега, чем утром.

Мой "конь" ждал меня. У него по-прежнему был мрачный вид. Я взобрался к нему на спину, поглощенный своими мыслями, но, когда он вошел в воду, вдруг вспомнил, как он сбросил меня на песок утром. Одно дело, если тебя сбрасывают на песок, другое - если тебя швырнут на дно большого катера.

- Опустить меня в лодку потихоньку, братец, - сказал я ему.

Казалось, он не расслышал моих слов. Я попытался еще раз:

- Ноги у меня больные, совсем слабые. Ты меня осторожно спусти в лодку, как больного.

Никакого результата! Абориген и бровью не повел.

- Видел, как малыши сидят на шее у матерей? - наконец взмолился я. - Я - как эти малыши. Мать осторожно опускает малыша на землю.

Тщетные мольбы! Этот парень - болван. А может быть, он глухой? Или ни слова не понимает по-английски? Я погрузился в меланхолию, ясно представив себе, что меня ждет. Вот пилот и команда осторожно поднимают меня: "Дело дрянь... сломан позвоночник... никакой надежды на выздоровление".

Затем меня ждет больница в Дарвине - озабоченные врачи и хорошенькие медицинские сестры со слезами на глазах.

"Сестра, вы могли бы отправить эту телеграмму моей жене, пока я еще жив?"

Я быстро сочинил несколько превосходных, трогательных телеграмм. Потом я представил себе искаженное ужасом лицо жены и дочурку, которая спрашивает: "Мамочка, а папа никогда не вернется домой?"

Тут меня охватило страстное желание уберечь свою спину. Наклонив голову, я грозно закричал прямо в ухо своему "носильщику":

- Если ты меня сбросишь в лодку, я тебе шею сверну!

Но и это не произвело на него никакого впечатления.

Я ужасно рассердился на самого себя. Зачем я приехал на север? Для чего? Разве мне было плохо дома? Здесь жара, москиты, песчаные мухи... Вот я сижу на спине у этого темнокожего, вместо того чтобы беседовать с друзьями в баре...

Мы приближались к катеру с катастрофической быстротой.

Я сделал последнюю отчаянную попытку, В моих словах и голосе было столько убеждения, столько искренности, что они тронули бы и камень.

- Полегче, братец! Полегче! - повторял я.

Абориген опустил меня в лодку так осторожно и мягко, как отец - родное дитя.

19. Буйволы и гуси

Острова Крокодайл, расположенные вблизи северного побережья Арнхемленда, отделены от материка узкой, полоской воды. На одном из островов - Милингимби - организована методистская миссия.

Во время войны на острове находилась база военно-воздушных сил. Многие летчики говорили об этой миссии как о самой интересной на севере Австралии.

Лейтенант Джек Слейд из отряда связи, расположенного в Дарвине, каждую неделю вылетал на старом биплане "Дрэгон" в северные миссии.

В одно прекрасное утро я сел в "Дрэгон" вместе со Слейдом, и мы отправились в Милингимби.

Большому самолету не страшны порывы ветра; он невозмутимо рассекает воздух, опасаясь лишь грозовых туч. Но наш "Дрэгон" был целиком в его власти. Мы не боролись с ветром. Беззаботный и веселый "Дрэгон" снижался и поднимался, балансируя на плечах бегущих облаков.

Зная, что мне хочется получше разглядеть эту землю - убежище аборигенов, Джек Слейд всячески шел мне навстречу. В дальнейшем мы совершили вместе много полетов, и благодаря ему я по-настоящему увидел Арнхемленд.

Мы оставили позади затопленные лесистые участки вокруг Дарвина. Внизу расстилались болота, питающие реку Аллигатор. Густая высокая трава, сгибаясь под собственной тяжестью, лежала на поверхности воды.

- Буйволы! {Имеется в виду индийский водяной буйвол, или арни (Bubalus Bubalus). Он был завезен в Австралию с о-ва Тимор и из Индии и одичал здесь еще в первой половине XIX в.} - крикнул Слейд, стараясь перекрыть рев мотора, - Сейчас снизимся!

Самолет пошел вниз, как птица, садящаяся на воду. Когда до земли осталось всего несколько футов, "Дрэгон" понесся над зеленой, пропитанной влагой, равниной.

Буйволы паслись стадами, парами или поодиночке. Они наблюдали за нашим приближением, запрокинув голову, так что огромные рога ложились им на спину. Когда "Дрэгон" с ревом пролетал над ними, животные разбегались, шлепая копытами по воде и поднимая каскады брызг.

Там, где траву не прибило дождем, мы видели, как ровную зеленую поверхность внезапно прорезали поднятые вверх темные головы животных. Потом буйволы разбегались в стороны, приводя в движение траву и воду. Местность изобиловала небольшими прудами, окаймленными тиной, в которых эти животные любят валяться. Здесь лежали огромные самцы, выставив из воды только голову и шею.

Мы летели все вперед над этим царством буйволов. Огромные животные так далеко зашли в болота, что ни один охотник не смог бы их здесь настигнуть. Водяные птицы сидели у них на спинах. На спине у одного буйвола я заметил трех белых цапель.

Там, где болото высохло, на освещенных солнцем обмелевших местах рыжевато-коричневые телята жались к своим матерям. Когда буйволицы, напуганные ревом мотора, бросались прочь, телята бежали за ними. Годовалые буйволы были светлее, чем взрослые животные; их безрогие головы казались мне грозными.

Большинство животных было покрыто коркой засохшей тины, так что определить их окраску было невозможно.

Но буйволы оказались не единственными обитателями болот. Здесь жили ибисы, дикие утки, аисты, колпицы {Колпица (*Platalea leucorodia*) - птица семейства ибисов отряда голенастых.}. Когда наш

"Дрэгон" с шумом пронесся над ними, целые стаи птиц взлетали в воздух.

По мере того как мы углублялись в это царство воды и травы, гуси встречались все чаще. Они взлетали впереди самолета, энергично махая крыльями, поворачивались в воздухе и исчезали позади нас. На какое-то мгновение мне становились видны их широкие спины, крылья с черной каймой и белые треугольнички на хвосте. До взлета гуси сидели в своих гнездах в густой траве. Две птицы взмыли перед самым носом самолета и пролетели над нами, широко расставив ноги, чтобы сохранить равновесие, вытянув шею вперед.

Птиц было бесчисленное множество. Казалось, мы присутствуем при сотворении пернатых! Все новые стаи, поднимались в воздух из своих зеленых убежищ, и вот мы уже летим над трепещущим черно-белым ковром.

Мы пролетели над рекой, пересекавшей затопленную равнину. С обеих сторон реку окаймляли деревья. Стаи белых цапель взлетали в воздух. Они были, как белое облако на упавшем вниз зеленом небе.

На широких песчаных отмелях в устьях рек собралось несметное число гусей. Подняв голову, они наблюдали за нами.

Мы пронеслись над самыми верхушками кампешевых деревьев, стоящих в воде. Между стволами цвели голубые водяные лилии.

Северная Австралия от полуострова Кейп-Йорк до Брума - это край стройных деревьев. Подобно аборигенам они живут недолго? их подтачивают термиты. Пролетая над лесистыми участками севера, вы увидите лежащие на земле стволы молодых деревьев. Они редко падают при сильном ветре, сопутствующем сезону дождей. Наоборот, они валяются в тихую погоду, когда не шелохнется ни один листок.

Под нами по-прежнему тянулись болота, но вскоре показались невысокие скалистые горы с плоскими вершинами и отвесными склонами. Красноватые и розовые скалы выростали прямо из болота, как причудливые строения. Одни из них напоминали соединенные между собой колонны. Иногда эти колонны накренились, как бы грозя обвалом. Другие стояли особняком.

Эти скалистые острова окружала заросшая лилиями вода. "Островов" становилось все больше, и скоро болото превратилось в сеть широких каналов, отделявших "острова" друг от друга.

Мы летели вдоль этих каналов: зубчатые верхушки утесов с обеих сторон вздымались над самолетом. Наконец, мы взмыли вверх и оказались над открытой равниной. Близ лагуны теснились строения миссии Оэнпелли. Выгрузив продовольствие и почту, мы отправились дальше.

За Оэнпелли начиналось центральное плато. В одном месте водопад круто падал с отвесной скалы. "Дрэгон" пронесся прямо над ее вершиной, сделал вираж и пошел вниз над самым водопадом. Потом мы набрали высоту, вернулись, снова перемахнули через скалу и снова с головокружительной быстротой понеслись сквозь туман мелких брызг, поднимавшихся из бушующего бассейна, в который низвергался водопад. Через открытое окно кабины мое лицо обдало брызгами.

Между Оэнпелли и Милингимби на холмистой поросшей лесом местности поднимается удивительная скала, высотой около 500 футов. Это Нимбува. Ее вершина - огромный валун, который, как кажется, непрочно сидит на своем основании. Все в целом напоминает полуотсеченную голову.

Нимбува - имя культурного героя {Культурный герой - мифологический персонаж, давший людям

огонь, полезные растения, племенные обычаи и т. д.} аборигенов. Уроженцы этих мест считают скалу священной.

В густых зарослях за скалой Нимбува деревья стояли настороженно-тихо. Внизу царила полнейшая тишина. Казалось, обитатели зарослей спрятались и притаились перед самым нашим появлением, а как только мы удалимся, тишина слетит, как покров; послышатся крики и громкий смех, деревья затрепещут, махая ветвями; темнокожие дети выйдут из расщелин скал, из стволов, деревьев. Все живое отбросит страх, и древние воины: пустанутся в огневую пляску. Быть может, где-то вдалеке аборигены, шагающие по затерянной тропинке, услышат эти звуки и вздрогнут, словно увидев наяву то, о чем они только что грезили.

Наверное, ни один живой человек не ступал на эту землю, охраняемую духами и непроходимой чащей деревьев.

Вдруг Джек Слейд вскрикнул. "Дрэгон" описал круг, мы вернулись назад. Под нами, среди деревьев, стоял шалаш аборигенов. Он имел куполообразную форму. Каркас из изогнутых прутьев был покрыт корой, через низкий вход можно было пробраться только ползком. Шалаш был заброшен. Неподалеку от него мы увидели: эму и трех ее птенцов. Заслышав шум самолета, птицы пустились наутек.

Можно было ожидать, что во время бреющего полета над Арнхемлендом увидишь множество аборигенов. Однако, хотя они постоянно бродят по полуострову, их редко можно увидеть. Они проходят по местам, где больше пищи, и поэтому держатся рек или лесистых и богатых дичью районов. Многочисленные группы попадают только в прибрежной полосе. Недалеко от реки Ливерпуль, родины известного племени, мы увидели еще один; покинутый шалаш, и это было все.

20. Церковная служба в Милингимби

Здания миссии Милингимби расположены в великолепной роще тамариндов {Тамаринд (*Tamarindus indica*). или индийский финик, - дерево из семейства бобовых.} на прибрежном холме.

Эти чудесные деревья - воспоминание о периоде, когда северное побережье Австралии посещали торговцы-малайцы. Малайские прау приплывали к Арнхемленду из Макасара (остров Целебес) задолго до того, как капитан Кук впервые приблизился к восточным берегам Австралии. Их пригонял северо-западный муссон, а возвращались они, когда начинал дуть юго-восточный ветер.

По-видимому, Милингимби было постоянным местом стоянки прау малайских купцов. На острове бил родник, и они могли пополнять здесь запасы воды. Родник, известный под названием Макасар-Уэлл, тоже окружают высокие тамаринды. На берегах водоема лежат целые груды раковин, свидетельствуя о пиршествах аборигенов. Вероятно, здесь когда-то было место племенных сборов.

Малайцы с Целебеса ели у источника рис и фрукты, а покончив с трапезой, бросали на землю косточки тамаринда. Эти косточки дали ростки и выросли в могучие деревья.

Когда я приехал в Милингимби, достопочтенный Эллемор, на чьем попечении находится миссия, был в отъезде. Нас встретил достопочтенный Мели Тукай, фиджиец. Он повез нас к поселку.

Остров Милингимби изобилует песчаными мухами и москитами. Приходится все время отгонять москитов.

После ужина миссис Эллемор принесла жестянки, наполненные хвойными опилками. Она подожгла их с помощью горящей бумаги. Хотя дым и предохранял нас, все же пришлось смазать лицо и руки специальным составом, который действует около двух часов.

Во время моего пребывания в Милингимби меня мучили песчаные мухи. От их укусов на коже появляются волдыри. Много раз, ощущая укусы, я пристально рассматривал свои руки, но тщетно. Мои мучители были невидимы.

Эти крошечные насекомые, размером меньше булавочной головки, легко проникают сквозь противомоскитную сетку. В результате укусов песчаных мух нередко возникает раздражение кожи, а иногда и лихорадка.

В Милингимби приходится оберегать от насекомых даже домашнюю птицу. Ночью под насест ставят жестянки с тлеющими опилками.

На следующий день, в воскресенье, я отправился в церковь. Служба велась в открытом строении. Изнурительная жара, которую можно переносить, пока вас обдувает ветерком, в закрытом помещении становится совершенно нестерпимой.

Слева сидели мужчины, в центре - ребяташки, справа - женщины с грудными детьми. Казалось, у каждой женщины был грудной ребенок. Дети лежали на коленях у матерей. Некоторые из них спали, сидя у женщин на плечах или лежа прямо на земляном полу.

Рядом с молодым миссионером, читавшим проповедь, стоял худой старый абориген. Его острая седая бородка ясно говорила о малайском влиянии. Он был одет в чистую рубашку и брюки цвета хаки. У старика было доброе лицо с умными глазами, он держался очень прямо. Этот абориген переводил проповедь фразу за фразой на язык своего народа.

Старик переводил легко и уверенно. Хотя для передачи смысла он употреблял больше слов, чем миссионер, слушатели были явно захвачены его красноречием.

Имя старика было Макарвола, но его обычно называли Гарри. Пожалуй, Гарри из Милингимби - самый популярный абориген севера Австралии. Каждый этнограф, побывавший в этих краях, немало узнал от этого человека, дававшего сведения об обычаях и преданиях своего народа.

Собравшиеся в церкви люди слушали проповедь с напряженным вниманием.

На полу между скамьями расположилось несколько собак. Собаки аборигенов - гладкошерстные, белые с рыжевато-коричневыми пятнами. В них течет кровь динго; они бросаются на незнакомых людей.

Аборигены любят своих собак, и все же собаки влачат тут жалкое существование. Хозяева часто бьют их, как правило, рукой по голове. Собаки, по-видимому, принимают это, как должное. Они покорно стоят с закрытыми глазами, подставив голову, вздрагивая при каждом ударе. Когда наказание окончено, собака бурно проявляет свою радость. Она прыгает вокруг хозяина и норовит лизнуть ему руку.

Две собаки стали рычать друг на друга. Одна из женщин, пробормотав что-то на родном языке, сильно ударила провинившуюся собаку. Та безропотно ждала следующего удара. Их последовало два. Вторая собака легла на спину возле женщины, подняв передние лапы. Женщина положила загрубелую ступню псу на грудь, потом отвела ногу. Собака взяла ногу женщины в пасть, осторожно сжала зубами и стала лизать.

Голый темнокожий ребенок взобрался на собаку. Та повернула голову и лизнула младенца в лицо.

Многие дети присматривали за младшими братьями и сестрами, сидевшими рядом с ними. Они

выговаривали малышам, если те начинали ерзать, и прекращали начинающийся было плач.

Я обратил внимание на мальчика лет двенадцати, присматривавшего за братишкой. Обняв его за плечи, он время от времени наклонялся и что-то шептал ему на ухо. Его слова, по-видимому, рассмешили малыша: Он прикрыл рот ладонью, чтобы не рассмеяться.

Церковные гимны исполнялись на языке аборигенов. Пели дружно, а дети громче всех.

21. Прием больных

Каждое утро сестра Пик, монахиня из миссии, раздавала детям молоко. Они собирались вокруг нее, держа в руках жестяные кружки, болтая как стайка попугаев. Матери спускали на землю малышей, которых несли на руках, и ждали, пока те получат свою порцию молока.

Я пошел вместе с сестрой Пик в амбулаторию, где собрались аборигены, нуждавшиеся в медицинской помощи. Это было небольшое, но хорошо оборудованное помещение со скамейкой вдоль наружной стены. На скамье сидели несколько женщин и детей.

Около двери на земле сидела женщина и кормила грудью ребенка. Рядом с ней стоял старик. Он опирался на одну ногу; вторая нога была согнута в колене, и ступня лежала чуть выше колена первой ноги. Вероятно, стоять в этой журавлиной позе удобно: мужчины охотно ее принимают.

У аборигенов много излюбленных поз, рассчитанных на то, чтобы дать отдых усталым мышцам. Иногда они стоят, держа за спиной копье-металку, продетую с обоих боков под локти. Они легко принимают такую позу благодаря прямой осанке. Я часто видел, как они идут через заросли, опираясь спиной о копье-металку.

Самая распространенная поза отдыха - это присесть на корточки, подтянув колени к подбородку.

Аборигены чрезвычайно стойко переносят боль. Даже дети и грудные младенцы проявляют удивительный стоицизм. У младенца, которого кормила грудью женщина, сидевшая на земле у входа, был под мышкой нарыв величиной с яблоко. Кожа на опухоли так туго натянулась, что казалась светлой. Бедному

ребенку приходилось отставлять ручку от бока. И все-таки он почти никогда не плакал!

Пока сестра оказывала больному ребенку помощь, мать кормила его грудью. Он жадно сосал, отрываясь только тогда, когда руки сестры причиняли ему боль. Тут он тихонько хныкал.

Мне понравился этот малыш, он стал для меня символом мужества. Каждое утро я ждал, чтобы мать его принесла, в надежде, что нарыв прорвался. И вот наступило утро, когда ручка ребенка спокойно свисала вдоль бока. Мать радостно улыбалась.

Пациенты, ждавшие своей очереди на скамье, страдали от разных недугов. Их лечили от фурункулов и сыпи, ушных и глазных болезней, от кашля и растяжения связок. Дети с болячками на ногах принимали горячие ножные ванны, ожидая, пока сестра Пик сделает им перевязку.

Сестре помогала девочка лет десяти с очень привлекательным личиком. Она сама вызвалась носить бинты, тазы с горячей водой и баночки с мазью. Сестра рассказала мне, что несколько недель назад девочку привели в амбулаторию со страшным нарывом, Сначала девочка, ужасно боялась, но потом благодарность пересилила, и каждое утро она добровольно являлась в амбулаторию; помогать. Девочка была прирожденной сестрой милосердия. Искусно и умело она смазывала и перевязывала болячки другим детям, которые относились к ней с полным доверием.

Как правило, аборигены обожают лекарства. Они глотают их с гримасой и тут же расплываются в довольной улыбке, словно лекарство уже помогло им.

Оказав помощь пациентам в амбулатории, сестра Пик ежедневно отправлялась в обход жилищ аборигенов, чтобы обслужить лежащих больных и оказать медицинскую помощь тем из них, которые жили вне миссии и боялись прийти в амбулаторию.

В Милингимби два поселка аборигенов. Они расположены по обе стороны зданий миссии. Один служит пристанищем для тех австралийцев, которые все еще живут жизнью предков. Время от времени они появляются на несколько дней в миссии и снова уходят. Бурера с мыса Стюарт (к западу от Милингимби) независимый, смелый народ - часто проходят по территории миссии после охоты, нагруженные дичью. Случается, враждебные группы затевают ссоры, а иногда и драки, в которых гибнут мужчины, сраженные копьями.

Второй поселок населяют более "цивилизованные" аборигены. Их предводитель - Гарри. Они носят набедренные повязки и регулярно моются.

Сначала в Милингимби был только один лагерь. Потом Гарри увел отколовшуюся группу аборигенов и основал второй лагерь. Я спросил его, чем это было вызвано. Оказывается, в первом лагере дети Гарри не могли выучиться правильно говорить на родном языке; по его словам, некоторые аборигены из этого лагеря говорят на очень плохом языке. Он добавил, что они часто ругаются, и это дурно сказывается на детях.

Обе группы относились друг к другу с некоторой враждебностью еще и потому, что многие члены группы Гарри, включая его самого, не были исконными жителями острова. Гарри родился у залива Арнхем, к востоку от Милингимби; некоторые аборигены пришли сюда из местностей, жителей которых бурера считали своими врагами.

Я шел позади сестры Пик по тропинке, проложенной в высокой траве, которая доходила мне почти до плеч. Лагерь "диких" аборигенов состоял из шалашей и хижин из оцинкованного железа, стоявших на лужайке, окруженной зарослями пандануса.

Рослые мужчины, на которых не было ничего, кроме балара - куска коры или материи, подвязанной к поясу,

сидели на корточках в тени деревьев. Некоторые изготовляли копья. Женщины, одетые так же, как и мужчины, выглядывали из своих шалашей и хижин. Одна женщина плела сумку.

У мужчин была развитая грудная клетка, мощное телосложение и тонкие ноги; на груди и плечах - рубцы, указывающие, к какому племени они принадлежат. Со шнурков на шее свисали плетеные мешочки, набитые корой. Это "маджинджи". Готовясь к бою, воин кусает маджинджи, чтобы прибавить себе храбрости.

Мужчины и женщины дружелюбно улыбались мне, когда я угощал их табаком. Как и все "дикие" -аборигены, которых мне привелось видеть, они держались с чувством собственного достоинства. Гордая, независимая осанка, неторопливость, с которой они принимали мои подарки, - все это было неосознанным отражением их веры в свое превосходство.

Я восхищался ими за это. Мне, представителю белой расы, хотелось бы так же легко и естественно завоевывать уважение темнокожих, с которыми я встречался.

Сестра Пик осматривала ребенка, родившегося два дня назад. Поперек лба у ребенка проходила белая полоса, на груди глиной были нанесены племенные знаки. У него был больной вид, и сестра Пик сказала женщине, чтобы та принесла его в амбулаторию. Женщина объяснила сестре Пик на своем языке, что ребенка должны вылечить знаки, нарисованные у него на теле. Однако сестра настаивала на своем, и мать обещала принести ребенка на прием.

Пока сестра Пик занималась старухой, распластавшейся на земле с закрытыми глазами, с лицом, выражавшим безнадежность и смирение, я подошел к костру, перед которым сидели на корточках старая женщина со сморщенным лицом и маленькая

девочка. Позднее я узнал, что мать девочки умерла, и теперь ее матерью; считается эта старуха.

Горка золы и угля разделяла, тлеющие концы двух поленьев костра. Старуха бросала на эту горку мелких крабов и переворачивала их палкой. Время от времени девочка, запустив пальцы между угольками, вытаскивала и съедала краба, не меняя позы. Она ела очень быстро. Иногда она поднимала на меня глаза и улыбалась. На зубах у нее была зола.

Подошел старик, неся дудку длиной около шести футов, около шести дюймов {Дюйм равен 2,5 см.} в диаметре. Он показал на дудку пальцем, видимо, желая привлечь мое внимание.

- Диджери-ду! - сказал он.

Диджери-ду - один из немногих музыкальных инструментов австралийцев. Я знаками попросил старика поиграть на нем. Он приложил тонкий конец дудки к губам и извлек из нее две глубокие, мелодичные ноты, попеременно повторяя их. У меня по коже пробежали мурашки, словно во мне внезапно пробудился какой-то далекий первобытный инстинкт.

Девочка, поедавшая крабов, подошла и стала рядом со мной. Наверное она гордилась тем, что не боялась меня. Когда мы с сестрой Пик отправились обратно в миссию, девочка пошла с нами. Проходя мимо других детей, она громко обращалась к нам, чтобы показать, какая она смелая.

22. Дети

Аборигены чрезвычайно привязаны к своим детям. Только белые стегают детей ремнем, и только в цивилизованном обществе необходимы приюты для беспризорных детей.

У аборигенов я никогда не видел детей, оставшихся без присмотра, хотя видел много сирот. По обычаям аборигенов ребенок может иметь несколько "матерей", и в случае смерти родной матери заботы о нем принимает на себя другая "мать".

Поскольку у аборигенов не существует никаких правил поведения для детей, то, по нашим представлениям, они страшно избалованы. Мать может накричать на своего ребенка, но чаще всего это продиктовано страхом за его жизнь. Австралийские женщины редко наказывают своих детей.

Дети валяются на земле, тузят друг друга и отчаянно визжат, потом встают и, смеясь, расходятся. Они старательно ухаживают за младшими братьями и сестрами и безропотно таскают на спине упитанных, невозмутимых малышей. Я ни разу не видел, чтобы какая-нибудь девочка рассердилась на мать, если та отрывала ее от игры, чтобы поручить ей малыша.

Однажды ранним утром, открыв дверь здания миссии, я остановился на верхней площадке лестницы. У подножия лестницы на земле сидели четыре девочки, скрестив ноги. Ставшей было лет четырнадцать. Четыре личика улыбнулись мне, и на каждом я прочитал возбуждение и гордость. Казалось, девочкам поручено сообщить какую-то важную новость.

Тут я заметил, что на коленях у старшей девочки лежал младенец с кожей цвета меда - новорожденный, для которого сегодняшнее прекрасное утро было

первым в его жизни. Девочки принесли своего маленького брата миссис Эллемор, чтобы она могла им полюбоваться.

Я позвал миссис Эллемор. Ее восторг вызвал на лицах девочек радостные улыбки. Они бережно унесли младенца. Должно быть, матери не терпелось узнать, какое впечатление он произвел. Девочки прибавили шагу.

На любой школьной площадке, где играют белые дети, слышатся крики и смех. Сочетание этих звуков - вовсе не безмятежно веселый аккорд, потому что многие из его составных элементов - взаимные пререкания или ссоры.

Там, где играют дети аборигенов, слышится песня. Я часто закрывал глаза и прислушивался к этим гармоничным звукам, пытаюсь уловить хоть одну нестройную ноту. Но я всегда слышал лишь радостный щебет, напоминающий пение птиц...

Неомраченному веселью детей аборигенов во многом способствует то обстоятельство, что ни один из них не владеет чем-либо, чего нет у других. Им неведома зависть - ведь у них все общее. Неведомы им и ссоры из-за какой-то игрушки, столь распространенные среди белых детей: ведь их игрушки - тростник, камушки и ракушки, которых кругом сколько хочешь.

Отсутствие собственнических инстинктов, которым сопутствует жадность, характерно и для взрослых. В одной миссии я подарил аборигену рубашку в благодарность за его заботы обо мне. Рубашку эту я потом видел на пятерых других мужчинах.

Разительный контраст в поведении белых и темнокожих детей отнюдь не объясняется наследственностью. Это - результат различного подхода к жизни, который, в свою очередь, обуславливается различным воспитанием и

образованием. Отсутствие эгоизма у аборигенов и их предупредительность по отношению к другим, которые я наблюдал сотни раз, неразрывно связаны с переживаниями детства.

Только радикальный переворот в сфере человеческих отношений, только полный отказ от тех представлений, которые делают человека конкурентом его ближних, может привести к тому, что на площадках, где играют наши дети, воцарится тот же дух, что и среди детей австралийских аборигенов.

Окруженный детворой, я шел по широкой полосе берега; за мной брели две маленькие девочки с грудными младенцами на руках. Время от времени, когда они хотели на что-либо обратить мое внимание, наш разговор прерывался.

"Фис, фис!" - кричали они, и я шел к какой-нибудь лужице, увязая по щиколотку в мокром песке. В лужице плавали головастые рыбешки "фис".

Мы возвращались домой после нашей ежедневной прогулки, направляясь к тамариндам, под тенью которых собирались отдохнуть и побеседовать. Вокруг бегали кроншнепы, запуская в песок клювы в поисках пищи.

Дети были огорчены тем, что мои ботинки испачкались. Когда мы вышли на сухое место, трое мальчиков стали на колени и стерли с них грязь.

Одного из мальчиков звали Бандаравой. Ему было лет одиннадцать. Непосредственная живая улыбка очень красила его неказистое лицо. Он охотно смеялся моим шуткам и очень мне полюбился.

На мальчике была грязная, слишком короткая повязка, из-под которой торчали невероятно тонкие ноги, напоминавшие обуглившиеся палки.

Дети здесь ходят голышом лет до семи. Потом мальчики начинают носить набедренную повязку, а девочки - узкую продольную полосу материи; концы

которой перекидывают через обвязанный вокруг талий шнурок.

Когда мы расположились под деревьями, мальчики решили состязаться в метании копья. Они бросились к зарослям тростника и отобрали себе по несколько упругих прямых стеблей, которые должны были заменить копья. Разделившись на две группы, они начали метать "копья" в противника.

Их жесты и мимика во время игры воспроизводили жесты и мимику мужчин во время исполнения обрядов или при стычках между племенами. Пригнувшись, мальчики бежали в траве, выскакивали из-за деревьев и издавали притворно свирепые крики. Они осторожно обходили друг друга, переступая с ноги на ногу.

При этом они издавали музыкальные крики на высокой ноте, напоминающие крики птиц. Мальчики держали свои "копья" над головой большим и указательным пальцами, закидывая руку далеко назад. Когда "копье" попадало в цель, обе стороны разражались смехом. Мальчики отличались большой меткостью. Как в любой игре, здесь были признанные чемпионы.

Я часто наблюдал за такими "битвами". Их участники выходили из себя лишь в очень редких случаях. Белого мальчика, потерявшего самообладание на площадке для игр, как правило, поддерживают один-два приятеля; когда темнокожим мальчиком овладевает гнев, он сразу же оказывается в одиночестве. Никто на него не обращает внимания, а игра продолжается. В таких случаях задира неизменно бросает свое копье и уходит, не замечаемый остальными. Обычно он возвращается через несколько минут; и сам он, и его товарищи тут же забывают о случившемся. Главное во время игры не одиночка, а коллектив.

Раздражительность, проявляющаяся во время игр или в повседневной жизни, дурно действует на окружающих детей. Однажды при мне темнокожий мальчик в припадке раздражения бросился на землю и стал кричать. Никто не обратил на него ни малейшего внимания. Взрослые проходили мимо, даже не взглянув в его сторону, дети обходили его. Буяну пришлось быстро утихомириться.

Бандаравой и еще шестеро мальчиков, которым надоело играть, собрались вокруг меня в надежде, что я расскажу им что-нибудь интересное. Мальчиков звали Мийнеджара, Нгальбара, Ямбал, Нанинджавой, Йоади и Дармеринг.

Мои старания повторить имена (хотя мальчики и произносили их очень отчетливо) рассмешили их. Я притворился, что мне ужасно трудно выговорить имя Бандаравоя; я таращил глаза и мотал головой, как если бы это имя застряло у меня в горле.

Бандаравой чуть не вдвое согнулся от беззвучного смеха. Он продолжал веселиться еще долго после того, как его товарищи перестали смеяться.

- Он чудака, - сказал Йоади, показывая на Бандаравоя.

Мальчики уже несколько раз называли Бандаравоя чудаком, как бы извиняясь за него.

- Ты летчик, а? - спросил Дармеринг (во время войны в двух милях от миссии располагалась авиачасть).

- Нет, - ответил я. - Я приехал из Мельбурна. Я просто путешествую.

- Знаешь ты такие самолеты - "Митчел", "Дуглас", "Мустанг", "Спитфайр"? - спросил Дармеринг.

- Знаю.

- А "Буффало"?

- Конечно, - ответил я. - У буффало большие рога, и он мычит {Игра слов. По-английски "buffalo" значит "буйвол".}, - и я вскинул голову, как разъяренный бык.

Бандаравой опять скорчился от смеха. Другие мальчики, казалось, были озадачены.

- "Буффало" - это самолет, - сказали они.

- Нет, - возразил я, - это огромный бык.

- А я говорю о самолетах "Буффало", - объяснил Дармеринг.

Пока мы болтали, Нанинджавой, стоявший возле меня, то и дело протягивал руку и легонько постукивал меня по лбу, руке или шее. Я не обращал на это внимания: он убивал песчаных мух, которых, я, не мог разглядеть. Зоркие глаза мальчика их различали. Случайно двинув головой, я стукнулся о дерево, к которому прислонялся. Я закатил глаза, высунул язык и замотал головой совсем, как знаменитый комик Мак Сенетт в своих немых фильмах, когда полицейские оглушали его дубинками.

Для Бандаравоя это было последней каплей. Он ухватился за Нанинджавоя и повис на нем, заливаясь пронзительным смехом. Придя в себя, он подошел ко мне и, заглядывая мне в лицо, попросил:

- Еще разочек, Гуравилла!

- Гуравилла? - переспросил я. - Что это такое?

- Это твое имя. Ты Гуравилла, - сказали мальчики.

- Так, значит, у вас есть для меня прозвище! Что же это значит? Наверное, "глупый человек"?

Такое толкование огорчило мальчиков.

- Нет, нет! - заверили они меня.

- В таком случае, что же оно означает? - спросил я, уверенный, что основанием для прозвища послужила моя внешность.

- Человек - сочинитель песен, - объяснили мальчики.

Как я узнал позднее, прозвище Гуравилла дал мне один старик из Милингимби. В языке аборигенов нет слова "писатель". Человек, больше всего похожий по своей профессии на писателя, - сочинитель песен. Одного старика с мыса Стюарт, который прославился

своими песнями, звали Гуравилла. Мне дали это имя в его честь.

- Гуравилла - замечательное имя, - сказал Йоади.

Я с ним согласился. Мы продолжали разговаривать о Том и о сем. Мальчики стали объяснять мне, как метать копье. Я попросил их достать копье и показать мне, как его бросают. Один из мальчиков убежал и возвратился с длинным копьем и копьеметалкой. Показав мне, как держать копье и копьеметалку и закончив общий инструктаж, они отошли в сторону. Я метнул копье. Оно полетело, заметно вихляясь, и, на мой взгляд, упало совсем близко. Едва оно коснулось земли, как мальчики принялись хвалить меня:

- Хороший бросок!

- Хороший бросок, Гуравилла, - твердил Бандаравой.

- Бросок что надо!

Но мне не терпелось посмотреть, как бросают копье они сами. Им, как видно, не хотелось выставлять свое умение напоказ, и они долго отказывались. Я настаивал. Мальчики поднялись, сжав губы, с решительным выражением лица. Они метали копье с разбега, напрягая все силы.

Я был уверен, что они легко побьют меня. Но нет... Ни одно копье не упало дальше моего. Хуже всего был результат Бандаравоя. Как настоящие спортсмены мальчики продолжали без всякой зависти хвалить мой бросок.

Возвращаясь в миссию, я не без гордости подумал, что, родись я аборигеном, из меня бы вышел выдающийся метатель копья. Поднявшись к себе в комнату, я выглянул в окно. Мальчики играли на берегу все с тем же копьем. Бандаравой разбежался, сделал плавный бросок. Тяжелое копье поднялось в воздух, как стрела, полетело далеко-далеко и вонзилось в песок. Бандаравой подбежал, вытащил копье и отнес обратно. Мальчики бросали копье по очереди. Даже при самом

неудачном броске их копье пролетало расстояние по меньшей мере в шесть раз большее, чем мое.

23. «Женская пища»

Одна из главных обязанностей женщин-австралиек - собирать растительную пищу: корни, орехи и плоды, составляющие важный элемент рациона аборигенов. В этом женщины достигли совершенства. Отношение мужа к жене в известной мере зависит от ее умения добывать для него, растительную пищу в достаточном количестве.

Поиски этой пищи - каждодневное занятие женщин. Тут требуются зоркость, умение и не знающие устали ноги. Собранная женщинами пища называется "растительная еда", но нередко мужчины с известной долей пренебрежения называют ее "женской пищей".

Женщинам Милингимби приходилось проходить изрядное расстояние, чтобы добраться до мест, изобилующих съедобными корнями и растениями. Однажды миссис Эллемор договорилась, чтобы женщин подвез грузовик, и таким образом я мог поехать вместе с ними. В кузове грузовика, скрестив ноги, сидели женщины и дети. Всего было восемь женщин, пятеро младенцев и семь девочек.

Зная, что мои карманы набиты леденцами, старшие девочки сели поближе ко мне. Со временем они тоже станут собирать пищу для своих мужей. Как только девочки немного подрастают; матери, отправляясь на поиски "женской пищи", начинают брать их с собой.

Рядом с каждой женщиной лежала заостренная палка-копалка. Сумки, сплетенные из листьев пандануса, висели за плечами на веревке, обвязанной вокруг головы.

Женщины были возбуждены Поездкой на грузовике. Они переговаривались, указывая на местные ориентиры, до которых сегодня добрались так быстро.

Когда мы обгоняли идущих пешком аборигенов, женщины весело окликали их.

- Мы остановились у заболоченного лесистого участка. Высокая трава, голубые лилии, растения с широкими листьями и стелющиеся побеги сливались в зеленый ковер, прикрывавший стоячие воды в низинах и углублениях почвы.

Мы вышли из грузовика. Малыши, оседлав матерей, крепко держались за их густые волосы. Как только младенец начинает садиться, его приучают сидеть на плечах у матери, обхватив ногами ее шею. Вначале мать придерживает малыша за ножку или поддерживает рукой его спинку, чтобы он чувствовал себя уверенней, но вскоре ребенок начинает обходиться без ее помощи.

Женщины быстро переходили с места на место, потом останавливались и, прежде чем вытащить корень, разрыхляли почву своими копалками. Они складывали корни в висевшие за спиной сумки. Те из них, у которых на плечах сидели дети, вешали сумки так, чтобы веревка, проходившая вокруг лба, обхватывала и малыша. По возвращении в лагерь клубни и корни моют и пекут на углях.

Я шел позади, стараясь угадать, какие корни выкопают женщины. стебли ямса распознать было легко, так как они вились по стволам деревьев. Тем не менее, когда я обратил внимание одной из женщин на хороший, как мне показалось стебель, она глянув на него, продолжала копать в другом месте; "Это негодный ямс", - сказала она, давая мне понять, - что клубень несъедобен.

Бродя по зарослям, дети жевали, стебли травы. Когда под их зубами сочный стебель превращался в волокнистую полоску, они бросали его и срывали другой. Дети быстро шли вперед; останавливаясь возле вьющихся растений, на которых висели черные плоды, напоминающие мелкий виноград. У этих ягод сладкий

вкус. Стоило детям наткнуться на такое растение, и они не отходили от него, пока не обрывали всех ягод.

Дети аборигенов в значительной степени сами обеспечивают себя необходимой им растительной пищей, бродя по зарослям. Они гуляют не ради удовольствия, а в поисках пищи. Каждый поворот головы, взгляд, радостный возглас вызваны не красотами природы, а находкой съедобных плодов. Они обращают внимание только на то, что можно съесть.

Я шел позади одной женщины, на плечах у которой сидел ребенок. Мать все время нагибалась, выкапывая клубни ямса. Ребенок цепко держался за волосы матери. Он отлично приноровился к ее движениям и держал голову прямо даже тогда, когда мать наклонялась до самой земли. Иногда женщина находила место, где было много ямса и съедобных кореньев. Тут ей приходилось подолгу стоять нагнувшись, и она пересаживала ребенка на землю, чтобы было удобнее копать.

Мне казалось, что в таких случаях мать должна тщательно выбрать место для ребенка, откинуть ветки, и камни, на которых ему будет больно лежать. Но женщина опускала ребенка на землю механическим движением, чтобы избавиться на время от обузы. Иногда попадалось неудачное место, и малышу было неудобно. Он удивленно глядел на прутья и камни, среди которых очутился, но не жаловался. Ведь на земле вокруг него были рассыпаны такие сокровища! От столь богатого выбора в первый момент он терялся. Глаза у него разбегались.

Иногда малыш сразу хватал и засовывал в рот камушек, иногда веточку или листок. Но выбранные им предметы подвергались тщательной проверке. Малыш быстро выталкивал язычком изо рта то, что ему не нравилось, и тут же находил что-нибудь другое. Если ему попадался лакомый кусочек - ягода, жук, муравей

или гусеница, - он приходил в страшное возбуждение и хлопал руками по ноге согнувшейся рядом матери, желая привлечь ее внимание. Но мать была слишком занята, и ему приходилось наслаждаться своими открытиями в одиночку.

Удовольствие, с каким малыш поглощал; гусениц, муравьев и жуков, натолкнуло меня на мысль поставить опыт. Я бросил малышу крыло мотылька. Он покосился на это крыло, потом посмотрел мне; прямо в глаза. Меня удивил его испытующий взгляд, поскольку до этого мы обменивались дружескими улыбками и возгласами одобрения. Мне показалось, что малыш подозревает меня в неблагоприятном поступке. Я протянул руку, чтобы убрать крыло мотылька, но ребенок живо схватил его продолжая внимательно наблюдать за мной. Не сводил с меня глаз, он съел крылышко. Через несколько мгновений, словно получив некое внутреннее одобрение, малыш улыбнулся мне. Я почувствовал облегчение и сказал матери, сидевшей на корточках рядом со мной:

- Какой у тебя славный малыш!

Она повернула голову и молча улыбнулась ребенку, потом дотронулась до него рукой.

- Не повредит ли малышу крыло мотылька? - спросил я.

Но мать не поняла моих слов. Мы оба любовались малышом, а он, пожевав комочек красной глины, открыл рот и выплюнул его.

24. Первое столкновение

Аборигенов часто называют попрошайками. Эта репутация установилась за ними потому, что они постоянно выпрашивают табак, и еще потому, что мы нередко видим аборигенов-нищих в городах и на железнодорожных станциях.

Абориген по натуре не попрошайка. Таким его делают обстоятельства, а также его уверенность в том, что обычай его народа - всем делиться друг с другом - принят и у беглых. Поставленный в аналогичные условия, белый тоже станет кланчить табак и еду у тех, кто может его снабдить ими. Попрошайничество не типично для белых, поскольку у белых, как правило, в избытке есть все то, что выпрашивают аборигены. Лишите белых этих вещей, и они станут их выпрашивать.

Однажды я приземлился на военном аэродроме в глухой местности. На складе кончился табак. Когда я вышел из самолета, меня окружила группа летчиков, страдавших от отсутствия курева.

- Не найдется ли у вас закурить?

- Ради бога, дайте сигарету!

Закурив, они с облегчением вздохнули. Неподалеку от самолета стояло несколько аборигенов. Когда я проходил мимо, они попросили:

- Дайте табачку, мистер!

Я дал им закурить. Кто-то из команды самолета сказал:

- Вот попрошайки!

Я заметил, что, если у аборигена в досталь курева, он нередко отказывается от предлагаемой сигареты.

Когда аборигену нечего курить или когда у него курево на исходе, он обратится к вам. Но, поскольку он

знает по опыту, что белые не любят, если к ним обращаются, как к равным, он будет клянчить; ему выгоднее принять униженный тон. Когда нуждается в куреве белый, он знает, что его просьба не будет воспринята как попрошайничество.

Каждое утро под моим окном я видел местных женщин, подбиравших окурки, брошенные мною накануне вечером, пока я сидел за письменным столом. Случалось, когда я отправлялся на прогулку, они шли за мной, чтобы подобрать мои окурки, поэтому я не докуривал сигареты до конца. Женщины бдительно следили за мной глазами, куда бы я ни пошел. Брошенный окурочек никогда не залеживался. Дети собирали окурки для своих матерей.

Однажды утром я стоял неподалеку от амбулатории и курил. Несколько женщин внимательно следили за мной. Когда сигарета была наполовину выкурена, я бросил дымящийся окурочек в их сторону. Вдруг одна девочка кинулась за окурочком, несмотря на протестующие крики женщин, которые зарились на него.

Подхватив окурочек, девочка помчалась, точно завладевший мячом футболист. Она увернулась от женщин, пытавшихся ее схватить, и, лавируя, бросилась бежать к стоявшей неподалеку хижине. У костра возле этой хижины сидело несколько австралиек. Девочка на бегу подняла руку и что-то крикнула одной из них. Прежде чем эта женщина успела подняться, другая вскочила и бросилась к девочке.

Девочка ловко увернулась, но женщина быстро нагоняла ее. словно заяц, преследуемый борзой, девочка, казалось, инстинктивно предвосхищала каждое движение своей преследовательницы. Но, как искусно она наклонялась, та в конце концов ее поймала. Девочка продолжала сжимать окурочек в кулаке. Она отчаянно отбивалась и кричала, стараясь

вырваться. Женщина бросила ее на землю и принялась разжимать ей кулак. Когда ей это удалось, девочка прекратила визг и вскочила на ноги без всяких признаков обиды или гнева. Возвращаясь к амбулатории, она посмотрела на меня и усмехнулась.

Случается, что аборигены из зарослей направляют за куревом посыльного. Однажды, проходя вместе с Гарри по поселку, я заметил старика в набедренной повязке из коры, которого раньше не встречал. Рядом со стариком лежали копья с каменными наконечниками. Его открытая, приветливая улыбка казалась удивительно молодой для такого старого человека. На поясе у него висела помятая жестянка для табака. Я дал ему немного дешевого табаку, из которого делают ужасные самокрутки - их иногда называют "сигаретами темнокожих". Не многие белые могут курить этот табак. Когда у меня кончился запас хорошего табака, я попробовал курить "сигареты темнокожих", но после нескольких затяжек чувствовал нечто вроде опьянения.

Когда старик открыл свою жестянку, я заметил в ней кусок дерева с замысловатой резьбой.

- Посланный жезл, - объяснил мне Гарри.

- Может быть, он разрешит мне посмотреть на этот жезл? - спросил я у Гарри.

Гарри поговорил со стариком на родном языке. Тот вынул жезл и положил его мне на ладонь. Это был плоский кусок дерева с зарубками.

- Спроси его, что означают зарубки, - попросил я Гарри.

Они поговорили с минуту, и Гарри сообщил мне, что жезл дал старику абориген с островов Крокодайл, посылая его в миссию за табаком. Чтобы выполнить поручение, старику пришлось плыть на лодке.

- Оставит ли он мне этот жезл, если я дам ему табаку?

- Ясное дело, - ухмыляясь, сказал Гарри.

Я насыпал табаку в жестянку, а жезл взял себе. Старик, по-видимому, был очень доволен сделкой. Вскоре об этом стало известно другим. В тот же вечер трое аборигенов явились ко мне с тремя свежесрезанными посланническими жезлами. Жезлы были разные, но, как выяснилось, все они означали одно и то же: просьбу снабдить табаком.

Как мне объяснили миссионеры, зарубки на посланническом жезле ничего не означают. Эти жезлы лишь напоминают тому, кому их вручают, что он должен передать какое-то известие или о чем-то попросить. Но мне все-таки казалось, что зарубки на жезле, принесенном стариком, имеют особый смысл.

Нужда аборигенов в табаке острее всех других насущных потребностей.

Однажды я сидел в своей комнате и смотрел через окно на берег, где искали себе пищу кроншнепы. Внезапно они поднялись в воздух и улетели. По тропинке, протоптанной от дома к морю, шли гуськом четыре аборигена. Они были разрисованы розовато-коричневой глиной. На лице у каждого была выведена белая поперечная полоса. Она тянулась от уха до уха, проходя под глазами и через переносицу. Остальная часть лица была, выкрашена в ужасный розовато-коричневый цвет, придававший этим аборигенам устрашающий вид. Их волосы были облеплены глиной. У одного из мужчин глаза были обведены белым; белые полосы тянулись по щекам, сходясь под подбородком.

Каждый нес в левой руке тяжелое копье с каменным наконечником, а в правой - копьеметалку. На руках у них были плетеные браслеты, на бедрах повязки. На шее у каждого висела маджинджи. Мужчины смотрели прямо перед собой и шли легкой настороженной походкой.

Эти аборигены из "дикого" лагеря направлялись к хижинам лагеря Гарри.

- Только этого не хватало, - пробормотала сестра Пик.

Я схватил свою записную книжку и поспешил вниз. Сестра Пик что-то говорила мне вслед, советуя быть осторожнее.

Я догнал аборигенов. Тот, что шагал последним, оглянулся и недовольно посмотрел на меня. Так хозяин смотрит на собаку, если она увяжется за ним, когда он спешит на работу. Я понял, что порчу впечатление, которое они рассчитывают произвести своим появлением. Все же я продолжал идти за ними, пока мы не вышли на поляну перед лагерем Гарри.

Весь лагерь пришел в движение. Женщины стояли группами, держа на плечах младенцев. Дети постарше жались к матерям. Мужчины выбегали из хижин, держа в руках копья, и становились в ряд перед своими жилищами.

Визит был явно неожиданным: обороняющиеся не были раскрашены.

Четверо раскрашенных воинов приближались по заросшей густой травой поляне. Я следовал за ними на некотором расстоянии. Тут я заметил старика, шагавшего рядом со мной. Другой старик шел позади меня. Оба они казались обеспокоенными и переговаривались взволнованными голосами. Все происходящее казалось мне нереальным, напоминая кадры из кинофильма о жизни туземцев.

Я подошел ближе к четверем раскрашенным аборигенам, которые теперь остановились. Старик, шедший рядом со мной, схватил меня за плечо. Я понял, что он беспокоится за мою жизнь.

- Полетят копья, - жалобно сказал он. - Бывают ошибки - попадают не в того, в кого метят. Отойдем! Может быть ошибка, если стоять близко.

Я отошел было назад, но любопытство взяло верх над осторожностью, и я снова приблизился, стараясь

разглядеть выражение лиц и движения четырех разрисованных воинов.

- Бывают ошибки, - с огорчением твердил старик, Молитвенно вздымая руки, словно снимая с себя ответственность за любую "ошибку". - Копье летит, попадает не в того, в кого метят...

Я опять отошел назад.

- Я боюсь что-нибудь упустить, - объяснил я старику.

- Бывают ошибки, - безнадежно повторил он.

Стоило мне сделать шаг вперед, как он начинал твердить: "Бывают ошибки".

Четверо мужчин из лагеря Гарри выстроились в пятидесяти ярдах от раскрашенных "агрессоров". Высокий стройный абориген с гордым видом прохаживался перед ними мерным шагом. Он все время что-то говорил и сдержанно, с достоинством помахивал своими копьями, словно эта ссора была недостойна его участия.

Четверо разрисованных воинов зорко следили за ним. Они то выкрикивали что-то, принимая вызывающие позы, то припадали к земле, сведя колени и расставив ступни. Хотя воины двигали плечами, раскачивались и подергивались, их головы словно застыли от напряжения; они не отрывали глаз от "оратора" и вооруженных копьями мужчин позади него.

Я подошел ближе.

- Бывают ошибки, - мрачно сказал старик.

На полпути между обеими группами, но несколько в стороне, стояла старая женщина. Она во весь голос выкрикивала какие-то слова и размахивала худыми руками сначала в направлении одной группы, потом другой. Каждое слово она подкрепляла жестом. Как я узнал позже, это была старшая из четырех жен аборигена из лагеря Гарри; на самую молодую претендовал самый свирепый воин.

Крики старухи сливались с более сдержанными речами "оратора", репликами женщин и гортанными звуками, которые издавали четыре воина.

Самый размалеванный из четырех - возжелавший чужую жену - выступил немного вперед; его спутники, отдыхая, воткнули наконечники копий в землю. Он пригнулся к земле, соединив колени, и закусил маджинджи стиснутыми зубами.

Должно быть, слова противника привели его в ярость, потому что он ловким движением переложил копье из левой руки в правую наставил его в копьеметалку. Выбросив вперед левую ногу, он балансировал на носках, покачиваясь, как готовая к атаке змея.

Казалось, бросок копья неминуем. Наступила напряженная тишина. Все застыли в ожидании. Но воин опустил копье и снова принял позу наблюдателя: старуха продолжала кричать, а "оратор" - произносить свою величавую речь.

Зачарованный выражением лица воина, требовавшего себе жену, я подошел ближе.

- Бывают ошибки, - причитал старик.

Лицо воина исказилось, изо рта вырвалось свирепое рычание. Внезапно он пригнулся и вскинул" копье над головой, держась за оба конца. Он слегка согнул копье, как фехтовальщик, пробуящий рапиру, потом резким движением поднес его ко рту, вцепился в него зубами и стал грызть. Он впал в неистовство. В уголках губ выступила пена, он вращал глазами. Сдавленные звуки вырывались у него из горла.

Толпа аборигенов стояла неподвижно, словно в ожидании чего-то ужасного. Я весь дрожал.

Воин взмахнул копьем. Казалось, оно вот-вот взвьется в воздух. Не отдавая себе отчета в своих действиях, я начал дрожащими пальцами вертеть самокрутку.

- Дай и мне закурить, - жалобно попросил старик.

Я машинально сунул ему в руку свою самокрутку. Мое внимание было приковано к неистовствующему воину.

- Дай и мне закурить!

Я сунул другую самокрутку в чью-то протянутую руку.

- И мне!

Я раздавал щепотки табака и курительную бумагу, не отрывая глаз от война, готового метнуть копье. Одни аборигены сворачивали самокрутки, другие подступали ко мне с нетерпением во взгляде.

Воин отвел назад копье, вытянув для равновесия левую руку. Он еще раз судорожно передернул плечами и повернул свое искаженное лицо в мою сторону.

Тут он увидел, что я раздаю табак. На его лице отразилось удивление. Несколько секунд он стоял, пораженный этим зрелищем, потом вытащил копье из копьеметалки и бросился ко мне, протягивая руку и улыбаясь сквозь слой глины, покрывавший его лицо.

Я наблюдал за его приближением с отсутствующим видом человека, едва очнувшегося от сна, и молча протянул ему курительную бумагу и немного табаку. Но воин лишь беспомощно смотрел на табак, и я сам свернул ему самокрутку.

Старуха оборвала свою тираду и застыла в драматической позе, глядя на меня через плечо. Смекнув, в чем дело, она выпрямилась и направилась ко мне, разыгрывая полное равнодушие.

"Оратор" остановился, наблюдая за мной с открытым ртом. Его копья опустились и уперлись наконечниками в землю.

Наконец, ко мне подошли трое спутников грозного воина. Я свернул самокрутки для двоих. Третий держался позади: он чуть отвернулся, словно стесняясь подойти.

- Сигарету замечательному воину! - сказал я, подзывая его жестом.

Он повернулся на одной ноге, опустив голову, словно говоря: "Ну ладно уж, будет тебе!"

Все-таки и он подошел взять курево.

Первый воин положил сигарету за ухо и вернулся на исходную позицию. Старуха с удовольствием посмотрела на свою сигарету, сунула ее в волосы и тоже вернулась на свое место. "Оратор", слишком высоко ценивший свое достоинство, чтобы бежать за куревом, ждал, пока одна из жен принесет ему свой трофей.

Воин принялся грызть маджинджи, чтобы снова прийти в ярость, но прежнего пыла в нем уже не было. "Оратор" повернулся к нему спиной, рассматривая принесенную женой сигарету.

Воин был этим недоволен. Он вынул из-за уха сигарету и посмотрел на нее. Вид сигареты подбодрил его. Он подпрыгнул с пронзительным криком. Но на него никто не обращал внимания. Он решил уйти восвояси.

Я понял, что расстроил драку.

- Сегодня ошибки не будет, - сказал я старику.

- Не будет, - ответил он. - Рядом со мной тебе не страшно, а?

- Ты хорошо меня оберегал, - сказал я и дал ему еще одну сигарету.

Я пошел в миссию с четырьмя раскрашенными "головорезами". Мы обменялись несколькими словами; они говорили на своем языке, а я - на своем. Тем не менее они улыбались. По-видимому, они не сердились на меня.

Когда я расстался с ними возле миссии, они вдруг вспомнили, что возвращаются с поля боя, и зашагали гуськом, гордо выпрямившись. Я не сомневался, что их

возвращение произведет большое впечатление в лагере.

25. Гарри из Милингимби

На следующий день я попросил Гарри объяснить мне причину вторжения в его лагерь четырех воинов.

Объяснение было довольно сложным. Чтобы понять, в чем дело, требовалось основательное знакомство с системой родства аборигенов. В результате общения Гарри с этнографами его описание системы родства и обычаев аборигенов было сложным для понимания. Любого белого человека, вооруженного карандашом и бумагой, он считал специалистом-этнографом.

Из его пространного введения я уяснил следующее.

Аборигены восточной части Арnhemленда разделяются на две половины Иритжа и Дуа. Мужчины из одной половины женятся на женщинах другой. Дети принадлежат к группе отца.

Все члены двух половин состоят в родстве. Слова "отец" и "мать" у них не имеют того значения, какое вкладываем в них мы. Ребенок может иметь много отцов и много матерей. Брат отца тоже считается его отцом, а сестра матери матерью. Вот почему возможны случаи, когда "отец" или "мать" ребенка моложе его самого.

Если родная мать умирает, одна из других "матерей" принимает на себя заботы о воспитании ребенка.

Здесь нет брака в нашем понимании {У австралийцев существовали различные способы заключения брака. Чаще всего вопрос о браке решали родители и родственники жениха и невесты, а не они сами. Будущих супругов обычно обручали еще в детстве. Иногда юноша и девушка, полюбившие друг друга, вопреки брачным правилам бежали от надзора родителей и самовольно вступали в брак. Существовал

также брак посредством похищения или умыкания, когда женщину уводили без ее согласия.}. Абориген приобретает тещу не в результате брака. Какая-нибудь женщина находится с ним в этой категории родства еще задолго до того, как он решил обзавестись женой. Дочь этой женщины автоматически должна стать его женой. Когда девочка достигает необходимого возраста, ее отдают предназначенному ей мужу без всяких церемоний. Кроме жены, приобретенной таким образом, мужчина обязан принять всех жен своих братьев в случае смерти последних. В Арnhemленде не бывает вдов.

Есть еще один "законный" способ приобрести жену. Это похищение.

Я знал, что, после того как аборигены Милингимби дали мне прозвище "Гуравилла", меня автоматически отнесли к определенной группе племени. Поэтому я спросил одного из австралийцев, которую из женщин я имею право взять в жены.

Мне указали девушку - по-моему, самую непривлекательную во всей миссии. Глянув на нее, я понял, что похищение - незаменимый метод. Только так можно приобрести жену, которая тебе нравится. Будь я аборигеном, я бы стал ярым приверженцем этого метода.

Из-за смерти братьев, а также благодаря приобретению тещи еще до брака у некоторых мужчин жен оказывается больше, чем нужно. Во всяком случае, они не в состоянии заботиться о таком количестве женщин.

В Милингимби у одного мужчины оказалось восемь жен и ни одного ребенка. Его "гарем" был предметом постоянного соблазна для каждого аборигена из зарослей, которому не хватало жен.

Мужчина не всегда уверен, что женщина, которую он решил похитить, хочет уйти от своего мужа. Тем не

менее женщина, недовольная мужем, может довести до сведения другого мужчины, что она согласна бежать с ним.

След ноги аборигена - его роспись. Любой из аборигенов Милингимби, взглянув на отпечаток ноги, оставленный мужчиной или женщиной, сразу скажет вам, чей это след. Таким образом, следы ног имеют большое значение. Они сообщают о местонахождении друзей или о поспешном уходе, рассказывают о возвращении охотников. При ходьбе аборигены, как правило, смотрят на землю. Они редко оставляют без внимания те сведения, которые дают следы.

Увидев след мужчины, к которому женщина неравнодушна и с которым согласна бежать, она наступает на его след. Таким образом мужчина узнает о ее готовности. Со своей стороны, женщина оставляет свой след, чтобы мужчина на него наступил и тем самым дал ей знать о своих намерениях.

Согласно объяснению одного аборигена, девушка как бы говорит мужчине: я оставлю свой след и уйду; ты должен наступить на него, тогда я вернусь.

Один из четырех воинов, посетивших лагерь Гарри, искал жену. Ему приглянулась самая молодая из четырех жен пожилого мужчины. Вместе с тремя своими братьями он начал кампанию угроз и оскорблений, включая воинственные вторжения в лагерь Гарри, свидетелем одного из которых я стал.

Функции "оратора", который держал себя с таким достоинством и произвел на меня большое впечатление, Гарри объяснил следующим образом:

- Он их отец. Они его слушаются. Он разукрашивает себя перьями, берет копье. Он говорит этим молодым парням: "Зачем вы идете к другому мужчине, чтобы украсть у него жену? Вы не должны этого делать. Ничего хорошего из этого не получится. Придется тебе обойтись женой, которую тебе обещала ее мать, когда

девочка была еще маленькая. Стыдись! Нехорошо задевать жену другого мужчины".

Гарри рассматривал поведение молодых аборигенов как проявление современной тенденции неуважения к старым традициям и обычаям. Он сказал мне с некоторым сожалением:

- Раньше все были один народ. А теперь нет. Раньше мы знали, что можно делать нечего нельзя. Теперь нет. Теперь им ничего не стоит убить человека. Плохие люди нарушают наши обычаи.

Неожиданно он добавил, следуя грустному ходу своих мыслей:

- Когда я умру, моя жена, ее мать и все мои дети пойдут к моему брату. Если я умру, мой брат возьмет мою жену. Это его долг.

Гарри родился на побережье залива Арнхем, к востоку от Милингимби. Он принадлежал к половине Иритжа. Его тотемом был мангровый червь, обитающий в тине под мангровыми зарослями. Я попросил Гарри рассказать мне что-нибудь о своем детстве.

- Его родичи никогда подолгу не задерживались на одном месте, сказал он мне.

- Если мы находили еду, мы останавливались.

Они жили в шалашах из коры. Спали на подстилках из коры, положенных прямо на землю. Иногда бывало очень холодно. Ночью в сухое время года он заворачивался в кусок коры и ложился поближе к костру, который разводили посередине шалаша.

Не всегда удавалось поесть досыта.

- Помню, иногда я был очень-очень голодный. Часто целый день и целую ночь мы ничего не ели.

Вставали они рано. Все время уходило на поиски пищи. Маленьким мальчиком он ходил с матерью собирать ямс, корни водяных лилий и растений, а когда подрос, стал ходить с отцом на охоту.

Охотились на валляби {Валляби - австралийский горный кенгуру.}, бандикутов {Бандикут - сумчатая крыса из семейства Peramelidae.}, опоссумов, игуан {Игуана - ящерица семейства игуановых. Ее мясо используется аборигенами в пищу, а жир - как кровоостанавливающее средство.}, змей, ящериц, крокодилов, гусей, уток; ловили угрей. Больше всего Гарри любил мясо бандикутов, обжаренное в золе костра. Рассказывая об этом, он улыбался и облизывал губы.

Ели когда придется, когда находили что-либо съедобное или убивали дичь. Делать запасы пищи не умели, поэтому все съедали сразу.

Отец Гарри сделал ему маленькое деревянное копье. Подкравшись к краю болота, Гарри бросал его в стаи гусей, летавших низко над водой.

В сухое время года еды было больше. Можно было переходить с места на место и поджигать траву, чтобы выкурить из нее змей и ящериц. В сезон дождей передвигались мало.

- Во время дождей приходилось туго. Совсем плохо было. Начнется сухая погода - все хорошо. Найдешь яйца крокодила - очень хорошая еда. Найдешь крокодила в яме, убьешь его копьем.

Копьями пользовались также при охоте на эму.

Большим лакомством был мед диких пчел.

- Потрясешь дерево. Слышишь жу-жу-жу. Мы всегда очень радовались меду.

Гарри помнил малайцев из Макасара, помнил, как белый человек приказал двум малайским прау отчалить от берега близ острова Элко.

По словам Гарри, белого человека звали Серей. Очевидно, он имел в виду Альфреда Сирси - таможенного чиновника из Дарвина, который написал две книги о своем пребывании на севере Австралии.

Сирси приходилось сталкиваться с малайцами, торговавшими вдоль побережья Арнхемленда.

Бурно жестикулируя, Гарри описал первую встречу своих родичей с малайцами:

- Я был тогда совсем маленький. Я родился до того, как первые люди из Макасара пришли в наши места. Они сошли на берег. Наши люди не понимали языка макасарцев. Один из макасарцев сказал Старым Людям на своем языке: "Идите сюда!"

Гарри показал, как этот человек поманил их рукой и как он курил трубку.

- Народ моего отца был вооружен копьями. Они подошли ближе, рассмотрели дымящуюся трубу. Им понравился запах. Наши люди хотели съесть трубку, но макасарец, сказал: "Не надо". Потом дал им рисовую лепешку. Сам он тоже взял лепешку.

Гарри облизнулся и стал энергично жевать, подражая малайцу.

- Они поели. Двое, трое поели. Другие тоже. Им понравилось. Потом им захотелось табаку. Макасарец дал им табаку. Они понюхали и выбросили его. Один старик с острова Элко взял у макасарца длинную трубку и закурил. Он стал пьяный.

Гарри зашатался и закатил глаза.

- Два его брата увидели это и разозлились на макасарца. Но в тот раз все обошлось. Драки не было. Братья ушли, оставили старика, опьяневшего от табачного дыма. Наступил день. Братья вернулись, привели много воинов. Стали искать макасарца, стали искать старика, а те уехали в лодке. Тогда они решили, что макасарец убил старика, и ушли. А макасарцы отпустили старика на берег. На корабле его накормили, дали ему табака.

Однажды макасарцы сошли на берег и заговорили с братьями старика. Братья еще не знали что старик вернулся.

Макасарцы хотели ловить в этом месте трепангов, но братья старика решили драться. Они стали бросать в макасарцев копья. Они не знали, что со стариком обращались хорошо. Было убито много макасарцев. Три мальчика взяли пустую лодку макасарцев. Лодка шла быстро, и мальчики не могли вернуться. Ветер унес их, они высадились на далеком острове. Когда корабль макасарцев отплыл, макасарцы нашли трех мальчиков на острове, взяли их с собой в Макасар. Когда макасарцы приехали во второй раз, они привезли двух мальчиков назад. Третий остался в Макасаре, женился на местной женщине. Макасарцы объяснили, что приехали за трепангами.

Старик сказал своим братьям, что макасарцы - хорошие люди.

Потом мы научились понимать их язык... Все это случилось на острове Элко, когда я был маленький.

- А как выглядели корабли, приходившие из Макасара? - спросил я.

- У них квадратные паруса.

- Должно быть, макасарцы - хорошие моряки?

- Очень хорошие, - подтвердил Гарри. - Иногда они брали в матросы наших мужчин. Мой брат - он уже умер - был в стране макасарцев. Они хорошие люди, не то что японцы.

- Это правда, что японцы жестоко обращались с вашим народом?

- Когда японцы пришли в первый раз, они ничего не требовали, только женщин. Три люгера приплыли туда, где был я. Я ловил трепангов. Мы подошли близко к японскому люгеру.

Гарри заговорил хриплым шепотом, подражая интонациям японцев: "Приведи нам женщин. Мы дадим тебе муки, табака. Приведи нам женщин"...

Гарри сказал мне, что позднее аборигены с побережья залива Каледон убили этих японцев.

26. Гарри у себя дома

Вечером я сидел в здании миссии, записывая по памяти рассказ Гарри.

К потемневшим балкам потолка поднимался дым от тлевших хвойных опилок. Вокруг висячей лампы вился целый рой насекомых.

У меня не было настроения работать, и я решил навестить Гарри. Когда я проходил под лампой, на меня обрушился град насекомых. Я прорвался сквозь этот град и остановился подальше от лампы, чтобы стряхнуть их с лица, головы и одежды.

Стоя на верхней площадке лестницы, я глядел на море, над которым взошла полная луна. На песке у моря играли ребяташки. Они прыгали и танцевали. В лунном свете они напоминали сказочные существа из царства теней.

Луна притягивает темнокожих детей так же, как белых детей - солнце. Во время полнолуния они бродят по ночам стайками или затевают веселые игры. Эти игры при лунном свете похожи на танцы и сопровождаются мелодичными выкриками.

Взрослые тоже не находят себе места во время полнолуния. Они бродят по ночам, молчаливые, словно тени; может быть, они погружаются в мысли, которые не приходят при свете дня. Иногда они далеко за полночь сидят у костров или в своих шалашах и о чем-то разговаривают.

Спустившись вниз, я направился по тропинке к тамариндам, где мерцали огни лагеря Гарри. Пока я шел, раскаты грома, давно доносившиеся из-за горизонта, стали громче. Зигзаги молний прорезали лунный свет. Потом гряда зловещих туч, несшихся на запад, закрыла луну. Я шел в полной темноте.

Гарри и его семейство сидели на корточках перед костром. Белые чуждаются ночной тьмы, но для темнокожих это родная стихия,

- Пришел поболтать с вами! - сказал я.

Гарри встал и начал искать, на что бы меня усадить, но я присел на корточки рядом с аборигенами, чтобы они чувствовали себя более непринужденно.

Я передал по кругу табак. Те, у кого были малайские трубки, набили их и зажгли при помощи угольков из костра, которые они брали прямо пальцами. Малайская трубка представляет собой полый деревянный цилиндр. В него вставлена металлическая трубочка для табака.

- Ты что-нибудь расскажешь, а? - спросил Гарри.

Мне пришлось отказаться от своего первоначального намерения поболтать с аборигенами. В Милингимби. я каждый день рассказывал по меньшей мере одну занимательную историю какой-нибудь группе слушателей. Мой опыт на острове Баду подсказал мне, что это помогает завоевать доверие аборигенов, и я никогда не отказывал, если они просили меня о чем-нибудь рассказать. Гарри, обычно сопровождавший меня, играл роле переводчика, поскольку многие аборигены не понимали по-английски. Я нарочно старался сделать так, чтобы он на чем-нибудь споткнулся при переводе: употреблял слова, означающие абстрактные понятия, или описывал сложные ситуации (хотя и простыми словами).

Жадность, с какой аборигены слушали рассказы, доказывала, что интерпретация Гарри была во всяком случае интересной. Я пытался следить за его переводом, приглядываясь к его жестам и мимике, которые всегда правильно воспроизводили мои собственные.

Совершенно неверно думать, что язык коренных австралийцев крайне беден. Их язык может передавать

разнообразные мысли, у них довольно большой запас слов. Абориген легко запоминает те английские слова, для которых на его языке имеются эквиваленты; ему трудно выучить те, которые он не может перевести на свой язык. Однако у Гарри запас английских слов был достаточно большим, чтобы без особого труда понимать все, о чем я говорил.

Едва я приступил к рассказу, как пошел дождь.

- Будет сильный дождь, - сказал Гарри и умолк, не зная, как я отреагирую на это косвенное приглашение забраться в шалаш.

- Я залезу в шалаш вместе с вами, - сказал я.

- Хорошо, - ответил Гарри. - Там сухо.

Я стал на колени и пополз на четвереньках через низкий вход.

- Вы уж извините, - сказал мне вслед Гарри. - Здесь пахнет дюгоном. Мы ели дюгоня. Извините, дурной запах.

Все залезли в шалаш - женщины с грудными младенцами, дети, мужчины. В темноте, которую прорезал лишь свет луны, время от времени пробивавшейся из-за туч, да отблески молний, трудно было различить фигуры людей. Только блеск глаз выдавал местоположение каждого.

Мои слова звучали в полной тишине; когда же начинал переводить Гарри, слушатели реагировали, издавая различные звуки.

Размахивая в темноте руками, Гарри вкладывал много энергии в пересказ каждого отрывка. Он точно воспроизводил мою интонацию и эмоциональные ударения.

В одном месте, описывая человека, который в темноте пересекал болото, я сказал:

- Слышу, идет - шлеп-шлеп-шлеп по воде. Слышу, подходит ближе шлеп-шлеп-шлеп.

Мне было интересно, как Гарри передаст "шлеп-шлеп-шлеп".

Дойдя до этого места, он шесть раз повторил какое-то туземное слово с точно такой же интонацией.

Пока я рассказывал, ни один ребенок не заплакал. Время от времени я слышал, как какой-нибудь младенец причмокивает, прильнув к материнской груди.

Когда я, наконец, собрался уходить, дождь прошел. Деревья снова были освещены лунным светом.

- Посмотри-ка на луну, Гарри, - сказал я, когда мы вышли из шалаша. Наверное, у твоего народа есть много рассказов о луне.

- Да, есть, - сказал он и добавил: - Есть один хороший рассказ.

- Расскажи мне!

- Я не все помню, - сказал Гарри. - Я слышал этот рассказ от стариков, когда я был молодой, давным-давно...

- Попробуй! - попросил я.

- Это история про луну и про рыбу. Раньше они не были луной и рыбой; они были два человека. Одного звали Луло - голубая рыба, а другого Нулланди.

Они говорили на языке людей, оба были женатые, и у обоих были дети.

Однажды Луло, голубая рыба, сказал: "Придет день, и я умру. Я знаю, что не буду жить вечно. Я покину жену и детей. Я буду мертв. После смерти нет жизни".

"А я не собираюсь умирать, - сказал Нулланди. - Я не умру никогда. У меня будет короткая смерть, а потом я снова оживу".

"Я не увижу больше ни жены, ни детей, - сказал Луло. - Я умру навсегда".

"А я умру вон там, - ответил ему Нулланди и показал на восток. - Я превращусь в луну и умру ненадолго, а

потом снова оживу. Ты говоришь, что умрешь навсегда, - значит; ты умрешь навсегда".

"Все люди, как и я, будут умирать навсегда", - сказал Луло.

"Нет, - сказал Нулланди. - Со всеми случится то же, что и со мной, когда я превращусь в луну. Они умрут ненадолго, а потом снова оживут".

И они превратились в луну и рыбу. И луна умирает ненадолго и снова оживает. А Луло, голубая рыба, умер навсегда, и его кости лежат на берегу.

27. Фред

Каждый день во время отлива женщины Милингимби ищут на обнажившихся скалах и отмелях съедобных моллюсков. Однажды, вскоре после моего приезда, я пошел понаблюдать за ними. Когда я проходил по берегу, ко мне решительным шагом подошел средних лет абориген с живыми глазами и, улыбаясь, сказал:

- Меня зовут Фред. А тебя?

Я сказал ему свое имя, и он его повторил.

- Хочу посмотреть, как женщины собирают моллюсков, - сказал я ему.

Фред пренебрежительно фыркнул. Он был явно невысокого мнения о женщинах.

- Давай поговорим, а? Это гораздо приятнее. Женщины все равно понесут моллюсков мимо нас. Тогда и посмотрим.

Он огляделся вокруг, соображая, куда бы меня посадить, и принес банку из-под керосина. Я сел, а он присел рядом на корточках.

Фред был одет в старые спортивные трусы. В руках он держал ч копьеметалку, хотя копья у него не было. Грудь и плечи пересекали выпуклые шрамы от надрезов.

В поисках темы для разговора я спросил его, что это за шрамы. Он неохотно ответил:

- Мы делаем рубцы, так красивее...

- Как наносят такие рубцы? - спросил я.

Фред ответил скороговоркой, словно это скучная тема для беседы:

- Острым камнем. Потом в надрез втирают золу. Получается красивый шрам.

Фред нетерпеливо махнул рукой, как бы покончив с этим вступлением, и перешел к основному:

- Ты знаешь Америку, а?

Он услышал об Америке от американских летчиков, размещавшихся во время войны неподалеку от миссии Милингимби.

- Я никогда не был в Америке. Америка за океаном.

- Там много курева - "Лаки Страйк", "Кэмел"...

- Много сигарет давали тебе американцы? - спросил я.

- Много. Американцы - все как один настоящие джентльмены. Верно, что Америка очень большая?

- Да. Там живет много людей. У них большие дома, такие высокие, как четыре дерева, поставленные одно на другое.

Мои последние слова едва не изменили отношения Фреда ко мне. Он посмотрел на меня с некоторым сомнением, но когда я его заверил, что говорю правду и у меня в комнате есть снимки таких зданий, то вернул себе его дружеское расположение.

Я попросил его рассказать что-нибудь о своей жизни. Фред сказал:

- Родился я у залива Бокаут. Мой отец и мой дед, все наши старики пришли издалека давно-давно... Моя мать была из одного племени, отец - из другого. Я оставил мать, пошел за отцом. Говорил на языке отца. Теперь говорю иногда на языке матери, иногда на языке отца.

Тут я опять сказал, что хотел бы присоединиться к женщинам, которые ищут моллюсков.

- Женщины! - фыркнул Фред. - От иных женщин - одни неприятности. Болтают да болтают ночи напролет. Мы поедем моллюсков, когда они их наберут.

Фред поднялся. Я пошел с ним к дверям его хижины. Он подбросил дров в костер. По-видимому, мысль о съедобных моллюсках настроила его более миролюбиво

по отношению к женщинам. Дожидаясь их возвращения, он сказал:

- У меня жена хорошая, приносит много еды. Я себе сижу, она тащит еду, варит еду. Я ем. Так каждый день. Работать не приходится.

- У тебя только одна жена? - спросил я.

- Две, - мрачно ответил он, оглядываясь по сторонам, словно желая удостовериться, что его никто не слышит. - Мой брат умер, - продолжал он таким тоном, словно брат, умерев, совершил против него преступление. - Я получил его жену. Вот болтунья! Она сейчас в саду.

Позднее я узнал, что первая жена Фреда ужасно ревновала его к своей сопернице. Обе оказались острыми на язык, и в конце концов Фред ожесточился против женщин. Первая жена в избытке снабжала его "женской пищей", а это было для Фреда мерилком в оценке женщин. Вторая жена не отличалась особыми способностями в этой области. Она работала в саду миссии.

Раньше Фред отличался буйным нравом. Когда нарушался порядок в лагере, зачинщиком почти всегда был Фред. Он хорошо говорил на двух диалектах, и его язвительное красноречие частенько приводило врагов в бешенство...

Ныне Фред - ярый защитник обычаев племени, строго порицающий "вольное" поведение молодежи. (Впрочем, такая эволюция не редкость и среди белых.)

Костер разгорелся. По груди Фреда струился пот. Тут я решился задать вопрос, который уже давно собирался выяснить.

- По-твоему, от белых плохо пахнет, Фред?

- Попахивает, - последовал лаконичный ответ.

Поскольку я регулярно принимал душ, то спросил с некоторым чувством самодовольства:

- А от меня пахнет?

- Еще как, - ответил Фред, скривившись.

Первая жена Фреда вернулась с берега. Ее жестянка была полна моллюсков. Она поставила жестянку на огонь, не добавляя воды, и присела на корточки рядом с нами, ожидая, пока ракушки раскроются от пара. К нам подсели дети. Мы молча смотрели на жестянку. Мимо нас прошло четверо аборигенов из зарослей. Они были покрыты пылью и явно утомлены длинной дорогой. На копье, которое нес абориген, шедший впереди, раскачивалась игуана, с копьеметалки свисали две крупные рыбы. Второй мужчина нес на плечах валляби. Двое других несли еще одну игуану и несколько рыб, нанизанных на копье, которое они держали за концы.

Фред посмотрел на них с восхищением и не без зависти.

- Много еды. Хорошие охотники! - сказал он.

Он перевел свой взгляд на жестянку с моллюсками. "Женская еда" явно потеряла для него всякую привлекательность.

Женщина сняла жестянку с огня и вытряхнула содержимое на лист оцинкованного железа. От горки моллюсков поднимался пар.

Фред принялся за моллюсков. Он просовывал большой палец между полуоткрытыми створками раковин и клал содержимое себе на ладонь, затем отбрасывал ракушки ловким движением руки, отработанным долгой практикой.

Когда его ладонь наполнялась, он быстро отправлял содержимое в рот и тянулся за следующей раковиной, не нарушая ритма своих движений.

Фред ел, приговаривая: "Вкусная еда". Его разочарование прошло. Жена и дети Фреда уплетали моллюсков столь же усердно. Я с трудом открыл несколько раковин и попробовал содержимое. Оно было приятным на вкус. Когда горка моллюсков исчезла,

Фред откинулся назад и, дымя сигаретой, которой я его угостил, объявил, что расскажет мне историю.

Он рассказал мне несколько мифов о культурных героях. Я уже записал много таких мифов. Поэтому, выбрав удобный момент, я попросил его для разнообразия рассказать о чем-нибудь, что случилось на самом деле. Моя просьба привела его в замешательство. Немного поразмыслив, он объявил, что таких историй он не знает.

- Да мне и не нужно историю, - объяснил я. - Расскажи мне просто о знакомом тебе человеке, о чем-нибудь, что с ним приключилось. Знаешь ты какого-нибудь мужчину, который убежал с чужой женой и был убит? Или вот: когда ты был молод и жил в зарослях, не было ли среди вас женщины, которую часто похищали мужчины? Расскажи мне что-нибудь такое, что произошло на самом деле. Чтобы каждое слово было правдой! Если вспомнишь что-нибудь подходящее, я дам тебе две сигареты.

Фред погрузился в мучительное раздумье. Вдруг он вскочил и подошел к своей жене, которая теперь сидела у входа в хижину. Он заговорил с ней с серьезным видом, но, наверное, она не сумела ему помочь. Фред почесал затылок, лицо его выразило огорчение. Он пошел к хижине Гарри и, размахивая руками, стал о чем-то упрашивать старика. Гарри затянулся своей малайской трубкой и задумчиво уставился в землю. Наконец он вытащил изо рта трубку и произнес несколько слов. На лице Фреда заиграла довольная улыбка. Он вернулся и сел передо мной с видом фокусника, который сейчас вытащит из пустой шляпы кролика.

- Знаю хорошую, настоящую историю! - сказал он, скрестив ноги и наклонившись вперед.

- Отлично! Гарри тоже ее знает?

- Гарри знал всех этих людей. Я тоже знал этих людей...

Фред то говорил, то умолкал, как бы совершая мысленное путешествие в прошлое. Он рассказал мне о красавице Букумакари, которую похитил мужчина по имени Муравил, о том, как Муравил убил мужа Букумакари, и о мести ее соплеменников.

28. Прокаженные

На следующее утро я опять встретил Фреда. В одной руке он нес сверток из коры, в другой - копье и копьеметалку. За ним шли его жены и дети.

- Здравствуй, - сказал я. - Куда собрался?

- Вы меня извините, сегодня я не могу с вами разговаривать, - сказал Фред. - Ухожу на два-три дня. У меня дело.

"Дело" Фреда было завернуто в кору. Из свертка торчали раскрашенные кости его покойного родственника. Череп был разукрашен красными полосами. Я не испытывал желания задерживать Фреда: от останков исходил тяжелый запах.

Фред с семьей направились к болотистому участку позади миссии, двигаясь с прирожденной легкостью, отличающей аборигенов.

Я присоединился к сестре Пик, совершавшей свой обычный обход "дикого" лагеря.

Старый абориген, по имени Сэм, повел нас по узкой тропинке. На лице Сэма всегда играла веселая улыбка, открывавшая два уцелевших зуба. Он сам себя назначил моим проводником и повсюду водил меня.

Сэм был худой высокий старик. Когда-то он повредил себе ногу у щиколотки. При ходьбе больная нога слегка волочилась. Мне всегда удавалось отличить след Сэма от следов других аборигенов, чем я очень гордился.

Думаю, что Сэм был изрядный мошенник, но он мне нравился.

Когда мы вышли на лужайку перед хижинами, собаки, ворча, окружили нас. Женщины кричали на них, награждая их шлепками. После трепки собаки угомонились и подобрели.

Сестра Пик задержалась перед одной из хижин. Из низкого входного отверстия тянуло сладковатым запахом тления. Опустившись на четвереньки, я просунул в отверстие голову и плечи.

После яркого солнца мне показалось, что в хижине совершенно темно. Потом мои глаза привыкли к полумраку. Прямо передо мной находилось нечто, по-видимому, когда-то бывшее человеческим лицом.

Глаза, пристально смотревшие на меня, обладали удивительно живым взглядом. В своей страшной оправе они напоминали два ярких уголька в обуглившемся куске мяса. Казалось, черты лица расплавились от нестерпимого жара. Женщина пыталась прикрыть свое страшное лицо беспалой рукой. Позади нее сидела на корточках другая женщина, упираясь подбородком в распухшие колени и обхватив их иссохшими руками.

В углу виднелась фигура мужчины. Ворчала собака. Двое детей, сидевших у задней стены хижины, наблюдали за мной, наклонившись вперед. Маленький ребенок с чистой, гладкой кожей полз по земляному полу к первой женщине. Она протянула изуродованные руки и подняла его.

Я отпрянул. Все поплыло у меня перед глазами...

- Что это за люди? - спросил я наконец, все еще чувствуя себя разбитым.

- Прокаженные, - ответила сестра Пик.

До войны прокаженных Арнхемленда ссылали на остров Чэннел близ Дарвина. Трудно себе представить, каким жестоким наказанием является для аборигена насильственное изгнание из его тотемического центра, где он чувствует; себя в безопасности.

Если человеку вообще дано ощущать себя частицей окружающей природы, то австралийские аборигены в высокой степени наделены этой способностью. Для них природа - часть их самих, они из нее не выделились.

Дух породившей его матери привязывает аборигена к тем местам, где он появился на свет.

Абориген верит, что пришел из страны предков, где возникли его культурные герои и куда они возвратились. Он верит, что тоже возвратится в страну предков, когда погребальные обряды освободят его душу. Но для того, чтобы получить доступ в страну предков, он должен умереть в своем тотемическом центре или в крайнем случае туда должны быть перенесены его останки. Стоит ему умереть вне этого священного уголка земли, частицей которой он является, и его ждет вечное одиночество в чужой стране среди злых духов.

Как должны страдать прокаженные, уверенные в том, что их ждет именно такая участь, если их заставит покинуть родные края!

Нет ничего удивительного в том, что, по словам сестры Пик, больные проказой прячутся в зарослях. Они знают, что миссионер обязан связаться с полицией в Дарвине и обеспечить их выселение.

На следующий день рано поутру я вернулся вместе с Сэмом в лагерь с запасом табака. Я был уверен, что прокаженные уйдут только днем.

Но они уже ушли, их убежище опустело. Несколько аборигенов сидели неподалеку, обстругивая осколками стекла древки копий. Они сказали, что не знают, куда ушли напуганные больные.

Сэм терпеливо ждал меня. Я собрался уходить, как вдруг заметил, что в зарослях кто-то движется. Под низким саговником я увидел спину кенгуру, который передвигался неторопливыми прыжками.

- Кенгуру! - закричал я, обращаясь к Сэму.

- Да, кенгуру, - согласился он без воодушевления.

Деревья и кусты мешали мне разглядеть животное. Кажется, у него был белый хвост. Голова кенгуру, насколько я мог разглядеть, несколько напоминала

голову человека. Согнутая спина животного чуть поблескивала. Кенгуру медленно поскакал прочь.

- Ну и странный кенгуру! - воскликнул я. - Пойду-ка погляжу.

- Он ушел, - сказал Сэм.

- Ушел, - подхватили аборигены.

- А может быть, он еще там, - сказал я. - Пойду-ка посмотрю.

Так я и сделал. На сей раз Сэм шел позади меня,. Аборигены последовали за нами как бы из чувства долга. На том месте, где был кенгуру, мы обнаружили только траву и деревья.

- Ищите следы, - скомандовал я. - Должны же быть следы.

Аборигены послушно стали искать следы на земле между деревьями. Они отбрасывали босыми ногами ветки и листья, время от времени останавливаясь и осматриваясь вокруг. Откидывая листья, Сэм, по-видимому, ушиб палец на ноге о камень. Он разразился градом слов на своем языке. Остальные уставились на него с удивлением. Не иначе как он выразился самым неподобающим образом!

И Сэм и другие мужчины искали следы довольно неохотно.

- Нет следов, - твердили они.

- Следы должны быть, - настаивал я. - Называете себя следопытами, а не можете найти следов кенгуру!

- Нет следов...

- Ничего не понимаю! - воскликнул я с раздражением. - Несколько минут назад здесь был кенгуру - и исчез, не оставив следов!

Мы повернули назад. Я никак не мог понять, отчего аборигены с такой неохотой отвечали на мои вопросы. Я не сомневался, что действительно видел кенгуру.

Я расстался с Сэмом у здания миссии. Позднее я увидел из окна своей комнаты, что он и еще пятеро

мужчин, сопровождавших меня в поисках кенгуру, что-то рисуют на клочках бумаги и картона, найденных возле опустевшего военного аэродрома.

По приезде в Милингимби я объявил аборигенам, что угощаю сигаретой за любой сделанный для меня рисунок, и раздал им свои старые карандаши. У меня накопилась целая стопка рисунков, но осталось очень мало сигарет.

Аборигены относились к рисованию, как к игре. Люди, никогда прежде не рисовавшие, являлись ко мне с рисунками изображавшими рыб, опоссумов и кенгуру.

Они все чаще посещали бывшую авиабазу в поисках бумаги. "Художники" всегда были окутаны табачным дымом.

Из окна я видел, что Сэм рисует с редким проворством. Любому художнику, выполняющему моментальные рисунки, было далеко до Сэма. Взглянув на свой скудный запас сигарет, я решил сойти вниз, чтобы оградить себя от полного разорения и заодно расспросить про белохвостого кенгуру.

Подойдя к "художникам", я уселся рядом с Сэмом и заговорил без всяких обиняков:

- Ну-ка, скажите мне правду об этом кенгуру. Я думал, вы мне друзья. Я рассказываю вам истории, даю сигареты, а вы, оказывается, не говорите мне правды,

"Нет следов", - сказали вы, а потом взяли и прикрыли следы листьями. Я все видел! Не думайте, что вам удалось меня провести. И это называется друзья! Мужчины не обманывают друзей. Вот сидит Сэм. Я даю ему по сигарете за каждый сделанный им рисунок. Что же он рисует? Змей! У меня таких змей уже добрая сотня. А рисует он змей потому, что рисовать их легко. Я прошу его нарисовать мне тотемные эмблемы, которые вы изображаете на груди мальчиков во время обряда их посвящения в мужчин, а он рисует одних змей. Но я никогда не жалею. Я продолжаю давать

ему сигареты. Я каждый день что-нибудь рассказываю Сэму, а он не хочет сказать правду об этих следах. Теперь скажите мне правду. Что это было там, в зарослях?

Пока я говорил, замешательство, сначала выразившееся на лицах аборигенов, сменилось озабоченностью, а затем испугом. Когда я кончил, они заговорили между собой на своем языке, размахивая руками. Я почувствовал по их тону, что они спорят. Наконец они пришли к согласию.

Сэм выступил от лица всех присутствующих:

- Ты нам друг, настоящий друг. Извини, что мы солгали насчет кенгуру. Это был человек с язвами на теле. Он очень испугался. Не хотел тебя видеть боялся, что его увезут далеко от Дарвина.

- Это прокаженный?

- Да, прокаженный.

- Но мне показалось, что я видел белый хвост?

- У него болит нога. Она не сгибается. На ноге белая глина.

- Как же он ходит? - спросил я.

- Да он не ходит, он прыгает, как кенгуру.

- Как же он живет? - спросил я озабоченно. - Где берет еду? Ведь охотиться он не может!

Сэм замолк, не зная, открыть ли мне последнюю тайну. Наконец он признался:

- Мы носим ему еду. Это наш брат.

- Спасибо вам, что вы мне все рассказали. По-моему, вы все замечательные ребята.

Они усмехнулись. Сэм сказал:

- А теперь расскажи нам что-нибудь, а? Расскажи про мистера Уорнера.

Аборигены обожали слушать рассказы "про мистера Уорнера", в особенности мужчины постарше.

Доктор Ллойд Уорнер был профессором этнографии Чикагского университета. Приехав в Австралию, он в

течение нескольких лет (1926-1929) изучал австралийцев северо-восточного Арnhemленда. Несколько месяцев он, провел в Милингимби. Он был, великодушным человеком и снискал уважение аборигенов. Гарри служил Уорнеру проводником во время нескольких экспедиций. Сэму тоже довелось встречаться с этим ученым.

По возвращении в Америку Уорнер написал исследование о жизни населения этой части Арnhemленда (A Black Civilization). Я читал эту книгу. В ней есть записи рассказов, поведанных Уорнеру жителями Милингимби. Вожди аборигенов открыли ему немало тайн. Он описал в книге многих аборигенов, которых хорошо знали мои собеседники.

Особое внимание Уорнер уделил рагалку (колдуну) по имени Лаинджюра, который впоследствии погиб от удара копьем. По мнению аборигенов, Лаинджюра колдовством добился смерти многих своих соплеменников. Эти случаи описаны Уорнером, которому все подробно рассказал сам Лаинджюра. Я помнил записи о злодеяниях Лаинджюры наизусть, а поскольку Уорнер приводил имена его жертв, мужчины постарше, знавшие этих людей, горели желанием послушать меня.

Рассказы Лаинджюры о том, как он убивал свои жертвы, - чистейшая фантастика. Но так как аборигены считают, что люди умирают только в результате злого умысла, мои слушатели принимали их на веру.

Считается, что все колдуны убивают свои жертвы одним и тем же традиционным способом {Это не совсем точно. Согласно верованиям австралийцев, существует несколько магических приемов, с помощью которых можно убить человека.}. Колдун ждет подходящего случая, чтобы ударом или наговором привести человека в бессознательное состояние. Затем сбоку под ребрами он делает надрез и, зажав в руке заостренную щепку,

просовывает руку в надрез. Он добирается до сердца потерявшего сознание человека и пронзает сердце этим деревянным шипом. Затем колдун собирает кровь жертвы в сосуд из коры и прячет его в кустарнике. Натерев рану соком луковиц орхидеи, он прикладывает к ней зеленых муравьев. Муравьи кусают тело, вызывая раздражение, и рана постепенно затягивается. От нее не остается и следа. Колдун размахивает над потерявшим сознание человеком копьёметалкой и предсказывает, что тот через три дня умрет.

Человек, не пострадавший от операции, о которой он ничего не знает, поднимается как ни в чем не бывало. Но спустя три дня он умирает или насильственной смертью, или от тяжелой болезни, или без какой-либо видимой причины. Австралийцы верят, что колдун может убивать - и убивает - людей таким способом. Бенни Чарджер из Мапуна рассказал мне одну историю, из которой вытекает, что жители полуострова Кейп-Йорк тоже верят в это.

Я рассказывал аборигенам из Милингимби про черную магию Лаинджур, основываясь на книге доктора Уорнера. Поскольку они хорошо знали этого колдуна и твердо верили в его силу, они слушали меня, затаив дыхание. Почти все люди любят фантастические рассказы!

Однажды вечером, когда я шел один, меня поманил прятаящийся за деревом старик. Он всегда слушал мои рассказы о колдуне. Я подошел к нему.

- Возьми, - шепнул он и сунул мне в руку заостренную щепку. На ней были вырезаны какие-то линии.

- Это она и есть? - спросил я.

- Да.

Он тут же ушел, словно опасаясь, что кто-то нас увидит.

Сэм оказался самым благодарным слушателем рассказов "про Уорнера". Сейчас он попросил меня рассказать еще что-нибудь из этой серии. Я вспомнил, что списке злодеяний Лаинджуря было еще одно, о котором я не рассказывал.

- Я расскажу вам, как однажды Лаинджуря околдовал Маравану, которого потом пронзил копьем Илькари. А Илькари бежал с женой Мараваны...

Насколько мне было известно, мои слушатели знали, и Маравану и Илькари - или слышали о них.

Аборигены обступили меня плотнее. Кто-то крикнул от удовольствия. Сэм засмеялся от радости и дружески положил мне на плечо руку. Все они понимали по-английски настолько, чтобы следить за моим рассказом. Переводчик не требовался.

Я стал рассказывать, как Лаинджуря околдовал Маравану. Именно Лаинджуря был повинен в его смерти, хотя фактически Маравана пал от руки Илькари. Илькари, желая взять жену Мараваны, которую любил еще до Ее замужества, выследил Маравану и пронзил его копьем.

То был жестокий рассказ о зверском убийстве. Однако Сэм явно наслаждался им. Когда я описывал, как кровожадный Илькари готовился совершить преступление, Сэм придвинулся поближе ко мне и радостно твердил: "Да, да!", чтобы показать, что он все понял. Когда я описывал, как Илькари преследовал свою жертву, Сэм запрокинул голову, заливаясь пронзительным смехом.

Его восторг вдохновил меня, и я, отступив от оригинала, сильно приукрасил рассказ доктора Уорнера. Под конец я сам увлекся своими выразительными эпитетами и жестами.

29. Фред в беде

На Милингимби обрушились ливни. Аборигены считали, что ненастье накликала одна старуха. Я видел, как она стояла на берегу с развевавшимися на ветру волосами, пристально вглядываясь вдаль. Интересно, знала ли она, какое обвинение над ней тяготеет? Аборигены спешили пройти мимо, словно боялись ее.

С наступлением плохой погоды обострились и без того напряженные отношения между двумя враждующими лагерями. Я не раз видел, как раскрашенные глиной мужчины приближались к лагерю Гарри, выкрикивая бранные слова и угрожающе замахиваясь копьями. Дальше этого дело не шло, но было ясно, что когда-нибудь копья все-таки полетят и попадут в кого-нибудь.

Миссия не вмешивалась в "туземные конфликты": так назывались разногласия и ссоры между группами аборигенов или проступки, за которые полагалось наказание по обычаям племени. Миссия вмешивалась в тех случаях, когда случались кражи ее имущества (весьма редкое происшествие) или нарушались правила и порядки, принятые на ее территории.

Постоянно возникавшие столкновения из-за женщин относились к категории "туземных конфликтов". Как правило, аборигены разрешают такие споры в соответствии с обычаями племени.

Тем не менее, когда одна женщина лет восемнадцати, постоянно убегающая от мужа и по местным критериям не отличавшаяся устойчивой нравственностью, стала красть имущество миссии, это было воспринято как решающее доказательство ее неспособности жить в соответствии с обычаями своего народа. Возмущенные старейшины решили, что это

"туземный конфликт". Они привели женщину на берег, посадили в выдолбленную из ствола лодку и отвезли на маленький, почти лишенный растительности остров и полумиле от Милингимби. Там ее и оставили. Строгость наказания встревожила меня. Я стал расспрашивать аборигенов, как эта женщина будет жить на острове без копья, без воды и пищи.

Мои опасения их забавляли. Ничего, она не пропадет, заверили меня. Будет собирать моллюсков, добывать огонь трением дерева о дерево. Во всяком случае, долго она на острове не останется. Какой-нибудь абориген из зарослей ночью перевезет ее в лодке на берег.

В тот вечер я долго смотрел на остров, лежавший подобно темной тени на сверкающей поверхности моря. Вдруг во мгле вспыхнул огонек, затем я увидел ровное пламя костра.

Три дня спустя женщина исчезла. За ней приплыл какой-то абориген, которому была нужна жена.

Напряжение, охватившее миссию, усилилось, когда аборигены с мыса Кейп-Стюарт - те самые, которые требовали себе жен, - убили вола, принадлежавшего миссии. Эти аборигены все чаще стали являться в миссию. Они всегда шли друг за другом легкой, горделивой поступью, неизменно приводившей меня в восторг. Они шагали, свободно расправив могучие плечи. Под кожей переливались тугие мускулы. Они были вооружены грозным оружием - копьями с широким наконечником, острым, как нож.

В конце концов один из этих аборигенов довел напряжение, накапливавшееся неделя за неделей, до взрыва. Он пытался схватить Руби, замужнюю дочь Фреда, когда та собирала корни водяных лилий поодаль от миссии. Руби убежала, но это происшествие вызвало нее возмущение в лагере. Дали знать Фреду. Он тут же вернулся домой, оставив свое "дело". Выражение лица

Фреда говорило о том, что он готов на решительный шаг, которого от него ожидают.

Узнав о возвращении Фреда, я пошел его разыскивать, чтобы поточнее узнать, что случилось с Руби. Я был уверен, что Фред расскажет мне об этом. Он всегда был готов подробнейшим образом рассказать о любом, происшествии, независимо от того, присутствовал он при нем или нет.

Фред сидел под тамариндом и на всякий случай мастерил копьеметалку. Было утро. На изготовление оружия и подготовку обличительной речи в его распоряжении оставался целый день. Я попросил его рассказать, что, собственно, произошло и почему он с таким усердием вырезает новую копьеметалку.

Фред охотно согласился. Мы с ним успели стать закадычными друзьями. Я видел, что ему хотелось выговориться.

- Руби вчера собирала корни лилий. Этому парню нравится моя дочь. Она у меня пригожая. Он схватил ее за руку. Руби это пришлось не по, вкусу. "Кто ты такой?" - сказала Руби. - Ты думаешь, ты мне нравишься? Нет! Я тебя не знаю. У меня есть муж. Я не знаю, откуда ты. Мой отец из другого лагеря, из другого племени".

- Хорошо сказано, - отметил я.

- Очень хорошо, - согласился Фред.

- Что произошло потом?

- Тут подошла моя дочь Эва, сестра Руби. Эва пожалела мужа Руби.

- А Руби она не пожалела? - спросил я.

Фред задумался над этим. Он даже перестал мастерить копьеметалку.

- Нет, - сказал он наконец.

- Потом Руби ушла? - спросил я.

- Парень схватил Руби. И не отпускал ее. Руби говорит: "Ты хочешь меня убить? Хорошо. Ты знаешь моего отца? Мой отец сильный. Рослый и сильный. Если

ты не отпустишь меня сейчас, тебе конец. Если я тебе нравлюсь, если я стану твоей женой, сколько ты дашь моему отцу за меня, а?"

- Сколько же он предложил?

- Ничего, - мрачно ответил Фред.

- Наверно, он нехороший человек, - заметил я.

- Да он просто негодяй! - сказал Фред.

- Как обстоит дело сейчас?

- У меня две дочери - Эва и Руби. Джубундавой, муж Руби, не любит того парня.

- Парня, который схватил Руби?

- Да. Если этот парень не отвяжется, беды не миновать.

- Неужели дело так плохо? - спросил я.

- Плохо, совсем плохо, - сказал Фред, покачав головой. - Когда я об этом узнал, я разозлился. Джубундавой, муж Руби, тоже обо всем узнал и рассердился. Он сказал Мели (миссионеру): "Я наделаю дел". Мели ему говорит: "Погоди. Ты должен подождать Фреда". Я пришел к Джубундавою. Теперь будет большая ссора из-за женщины.

Фред попытался объяснить мне, что теперь будет. Согласно обычаю аборигенов, он как старший должен защитить традиции племени. Ведь была сделана попытка нарушить табу, пренебречь местным законом. Фред не мог сидеть сложа руки. Теперь все его поступки предопределены обычаем. Он не нарушит обычая своего народа, даже если ему придется пойти против законов белых.

30. Второе столкновение

Во второй половине дня Гарри быстро прошел мимо зданий миссии. В его облике чувствовалась какая-то перемена: он ступал легко и осторожно, но вид у него был решительный.

Это был уже не носитель мудрости племени, а защитник его обычаев, представитель своего народа. Гарри нес копье-металку и четыре копья с широким наконечником. На нем была набедренная повязка и плетеные браслеты. Выражение лица было суровое.

Гарри направлялся к лагерю врагов в сопровождении группы мужчин, также вооруженных копье-металками и копьями. За ними шли женщины и дети.

У женщин были озабоченные лица. Зато дети смеялись и оживленно переговаривались.

Я пошел за ними. Вдалеке слышались возгласы мужчин. Испуганные ржанки при нашем приближении взлетали в воздух и кружили высоко в небе.

Я взобрался на невысокий холм и стал наблюдать оттуда. Между хижинами группами по три, по четыре человека стояли аборигены.

Казалось бы, воины, намеревавшиеся метать друг в друга копья, должны разбиться на отряды, каждый из которых займет определенную позицию. Но нет, аборигены расположились беспорядочными группами, и каждая из них застыла в напряженном ожидании.

Мужчины настороженно осматривались по сторонам, словно опасаясь внезапного нападения. Женщины и дети собрались у подножия холма, держась позади мужчин. Впрочем, несколько женщин стали рядом с воинами, что-то громко выкрикивая. Эти женщины шумели больше всех. Их пронзительные

голоса заглушали возгласы мужчин, которые изо всех сил старались себя взвинтить, кусая свои маджинджи и топая ногами.

Движения мужчин напоминали вызывающие жесты воинов, которые однажды явились в лагерь Гарри. Но в поведении мужчин чувствовалась неуверенность, словно они сомневались в исходе дела. Когда воины из "дикого" лагеря явились в лагерь Гарри, их главной целью было нанести оскорбление, хотя существовала вполне реальная угроза, что дело примет опасный оборот. В тот раз женщины держались спокойно, без всякого напряжения. Сейчас их глаза перебежали с одного мужчины на другого, они переходили с места на место и кричали на детей с раздражением, порожденным страхом. Они явно усматривали опасность в поведении мужчин.

Я окончательно понял серьезность инцидента, когда ко мне подошли Сэм и еще один старик. Они стали по обе стороны от меня.

По-видимому, я прослыл среди аборигенов человеком увлекающимся. На лице Сэма и его спутника было выражение решимости. Они твердо намеревались не дать мне увлечься.

Мы трое стали возле небольшого костра перед входом в один из шалашей. У костра сидел, скрестив ноги, седой старик и осколком ракушки шлифовал древко нового копья. Он не проявлял почти никакого интереса к тому, что происходило вокруг. Даже самые громкие крики воинов не могли отвлечь его внимания от копья, которое он обрабатывал.

Время от времени старик поднимал голову, произносил слово "миджалг" и возвращался к своему занятию, презрительно усмехаясь. Позднее я выяснил, что слово "миджалг" означает "бабы".

Я стал искать глазами Фреда, так как знал, что ему предстоит сыграть главную роль в прологе, когда будут

перечислять обиды и выкрикивать оскорбительные слова. Действительно, Фред расхаживал взад и вперед перед центральной хижинкой, на виду у всех.

Его движения были сдержанными и в то же время красноречивыми. Сначала он размахивал копьями, потом копьеметалкой, попеременно глядя то вниз, то вверх, словно призывая землю и небо в свидетели своей правоты. Он то обращался ко всем присутствующим, то переходил к суровым обвинениям. И все время он расхаживал взад-вперед.

Я спросил старика, обрабатывавшего копье, что же, собственно, говорит Фред. Но старик только поднял руки в знак того, что не несет никакой ответственности за речи Фреда, и презрительно сказал:

- Очень плохие слова!

Я этому не поверил. Ругательства не сопровождаются такими благородными жестами. А какая величественная походка была у Фреда! Я готов был скорее поверить в его собственную версию. Вот как он мне потом пересказал свою речь:

"Мою дочь вчера схватил один мужчина. Я строго поговорил с этим мужчиной. Я сказал: Ты мне не сын. Не сын ты мне! Твоя мать мне не сестра. Я из других краев. Я из другого племени. Раз так, я не зову тебя сыном. Если тебе нужна жена, возьми себе одинокую женщину. Это будет правильно. Одинокая женщина, одинокий мужчина - и все хорошо. А замужняя женщина и одинокий мужчина - это не дело".

Однако, по всей вероятности, в речи Фреда содержались более сильные выражения.

Пока Фред расхаживал перед хижинкой, волнение присутствующих все возрастало, подогреваемое его выразительными жестами. Каждый взмах его копий действовал на врагов, как реальная угроза. Становилось страшно, как если бы плохо владеющий собой человек схватился за ружье.

Гарри стоял особняком, чуть влево от меня и двух моих телохранителей. Вставив копье в копьеметалку, он медленно раскачивался всем телом.

Движения мужчин становились все более резкими. Они явно впадали в неистовство. Тут женщины пришли в ужасное волнение. Они пронзительно кричали, обращаясь к воинам, тщетно пытаясь умерить разгорающиеся страсти.

Во время таких стычек обычно наступает момент, когда в дело вмешиваются женщины, - либо для того, чтобы предотвратить кровопролитие, либо для того, чтобы мужчины могли в полной мере проявить свою храбрость и независимость, отмахиваясь от женщин.

Женщины вмешались, когда один из воинов особенно яростно замахнулся копьем. Его жена бросилась вперед и обеими руками схватилась за копье. Подобное вмешательство, унижительное для мужчины, удвоило ярость воина. Держа копье, как древко флага, он рванулся вперед, таща за собой жену. Она не устояла на ногах; ее тонкие руки напряглись, как натянутый канат, но она не выпускала копья...

Ее примеру последовали другие женщины. Бросившись вперед, они ухватились за копья мужей. Те только того и ждали, чтобы окончательно взвинтить себя. Послышались гневные выкрики, женщины шатались и падали от ударов и толчков. Друзья мужчин, сражавшихся с собственными женами, пытались помочь женщинам и удержать воинов от метания копий. Но вскоре они прекратили свои попытки и отошли.

Жена Гарри ухватилась за его копье. Хотя до этого Гарри был сравнительно спокоен и не обнаруживал желаний броситься в драку, теперь он почувствовал себя воином, которого силой удерживают от исполнения ратного долга. Он бросил женщину наземь, но она продолжала крепко держаться за копье.

Гарри замешкался. Я видел, что он колеблется - ведь он любил свою жену! Ему не хотелось ударить ее копьеметалкой, хотя так полагалось воину, и его жена ждала этого удара. Все же Гарри бросил копьеметалку и ударил жену по голове кулаком - раз, другой... Ее голова судорожно вздрагивала под ударами, но она продолжала изо всех сил сжимать копье. Напрягшись, Гарри с силой дернул копье. Бесполезно! Тут он впал в неистовство. Он швырял женщину из стороны в сторону, словно вырвать копье из ее рук значило вырваться из рук смерти. Наконец он дважды изо всех сил ударил ее кулаком по челюсти. Руки женщины обмякли, и Гарри удалось освободиться. Он поднял копьеметалку и, отбежав, вставил в нее копье, а затем стал раскачиваться в медленном угрожающем ритме.

К этому времени все жены были укрощены. Они сидели, обхватив голову руками, или же брели, пошатываясь, под укрытие деревьев.

Теперь, утвердив свою независимость и доказав, что они действительно намерены драться, мужчины изрыгали потоки оскорблений в адрес противника.

Поднятые для броска копья замерли в воздухе. Вдруг один абориген из "дикого" лагеря, яростно грызший маджинджи, резко взмахнул копьем и выбежал вперед. Копье полетело к цели, словно подгоняемое свирепым криком аборигена.

Гарри, в которого было нацелено копье, согнулся, широко расставив руки и глядя вверх.

Копье пролетело мимо меня и моих телохранителей, вибрируя в каком-то зловещем экстазе, и уткнулось в мягкую землю в нескольких ярдах левее Гарри. Я разглядел венчик из перьев попугая вокруг основания каменного наконечника, приклеенного к древку смолой железного дерева.

Бросок копья послужил сигналом к действию. В воздух взмыло сразу несколько копий.

Женщины с криком бросились к детям. Замахиваясь палками-копалками, они погнались ребят, как коз, и заставили укрыться за холмом. Дети на бегу прикрывали руками спины, чтобы уберечься от ударов. Под деревьями они остановились, сбившись в плотную кучку. Взволнованные женщины стали вокруг них.

Когда копье вонзилось в землю рядом с Гарри, он, пригнувшись, помчался сквозь высокую зеленую траву, издавая отрывистые звуки.

Гарри низко опустил голову, как бы защищая ее от удара. Подбородок его почти касался колен. Он бежал в траве, держа копье-металку в правой руке. Левой рукой он тянул за собой копья.

Укрываясь за деревьями, Гарри очутился позади хижин, перед которыми стояли пригнувшись четверо мужчин и среди них тот, кто первым метнул копье.

Держа свое копье наготове, Гарри прыгнул вперед. При этом он издал вопль, пригвоздивший врагов к месту.

Гарри "взял на прицел" своих врагов. Двое из них попытались было поднять копья, но предостерегающий крик Гарри остановил их. Гарри стал приближаться к врагам. Он все время что-то говорил, раскачиваясь всем телом. Воины несколько раз пытались перейти к обороне, но Гарри угрозами и жестами заставлял их остановиться.

Когда Гарри оказался прямо перед ними, он опустил копье-металку и взял копье в руку наподобие пики. Держа копье на уровне плеча, он наступал на врагов, пока острое наконечника не коснулось груди одного из них.

Воины сникли. Они положили копья, а затем и копье-металки на землю и покорно стояли, выслушивая оскорбительные речи Гарри. Наконец он жестом указал на лежавшие копья. Подобрав их, воины ретировались.

Поглощенный этим зрелищем, я не заметил, как аборигена, покушавшегося на Руби, ранили копьем в голову.

Видно, пролитой крови было достаточно, чтобы удовлетворить обе стороны, так как напряжение рассеялось. Женщины и дети приблизились, и обитатели лагеря Гарри отправились домой.

Раненый сидел на земле. Одна из женщин осматривала его рану.

- Вот и конец, - сказал стоявший рядом со мной Сэм, как бы снимая с себя всякую ответственность за мою безопасность.

- Да, конец, - согласился я. - Много копий полетело на этот раз!

Я шел назад рядом с Фредом, который был настроен пессимистически:

- Большая беда, - мрачно сказал он.

31. Остров Элко

Наконец яростные ветры прекратились. Тамаринды перестали гнуться и шелестеть листвой. В небе появился "Дрэгон". Описав круг над миссией, самолет пошел на посадку.

Час спустя я смотрел с высоты на то самое место, откуда наблюдал за приземлением "Дрэгона". Снизу на нас взирала группа аборигенов, а я махал им рукой.

Джек Слейд совершал свой регулярный облет миссий. Он приземлился в Милингимби по пути на остров Элко, чтобы пополнить запас горючего. Я наспех собрал свои вещи и отправился с ним.

Чтобы дать мне проститься с местными жителями, Слейд сделал несколько кругов над миссией. Когда самолет описывал последний круг, я увидел Гарри и Фреда, махавших мне с берега. "Дрэгон" взмыл в небо. Фигуры Гарри и Фреда становились все меньше и меньше и, наконец, превратились в две темные точки на песке.

Над морем стлалась легкая дымка. Оно было бескрайним. Вода и воздух слились в серую непрозрачную массу, на поверхности которой подобно темным облачкам выступали острова Крокодайл. Казалось, острова плыли по этому морю-небу, как и мы сами.

Когда суша и вода исчезли, самолет обрел силу и свободу, которые у него отнимала близость земли. Пролетая над землей, самолет всегда борется за то, чтобы удержаться в небе. А в этом сером пространстве, в котором, как галеоны, плыли темные острова, он словно утратил массу и несся по воздуху подобно духу...

Когда мы стали снижаться и земля появилась вновь, она показалась нам нежеланной. Покрывавшие ее

деревья, утратив свои расплывчатые очертания, вырисовывались все отчетливее и, наконец, превратились в гигантов. Самолет помчался по посадочной дорожке острова Элко, проложенной в буйных зарослях.

Остров Элко расположен в ста милях к востоку от Милингимби. Он имеет примерно тридцать миль в длину и шесть миль в ширину и отделен от материка проливом Каделл.

Миссия на острове основана недавно, ею руководят Г. Ю. Шепердсон и его жена. Они приехали сюда два с половиной года назад, захватив с собой только палатку. Теперь здесь достраивается большое деревянное здание.

Мы подрулили к тому месту, где нас поджидал грузовик Шепердсона. Рядом стояла группа аборигенов. Внешне они походили на жителей Милингимби и говорили на том же наречии. Поскольку я пробыл на острове Элко только сутки, у меня не было времени как следует познакомиться с ними. После полудня, когда я сидел под деревом, наблюдая за возвращением местных жителей с рыбной ловли, ко мне подошли трое мальчиков. У них были смысленные, веселые лица. Я заговорил с ними.

- Откуда ты приехал? - спросил один из мальчиков, усевшись рядом со мною.

Я поднял прутик и начертил на песке карту Австралии, намереваясь показать им местоположение Мельбурна и острова Элко. Мальчик с огромным интересом наблюдал за тем, что я делаю. Он был старше остальных, у него было открытое, привлекательное лицо. Дочертив карту, я откинулся назад с чувством удовлетворения и начал:

- Вот карта Австралии...

Мальчик не мог дольше удержаться. Он протянул руку и показал, где находится остров Элко. Передвигая

палец с одной точки северного побережья на другую, он произносил названия миссий: Элко, Милингимби, Гоулберн, Крокер, Дарвин. Затем он обвел пальцем южное побережье, называя главные города и указывая их местоположение: Перт, Аделаида, Мельбурн, Сидней, Брисбен,

Я был поражен.

- Кто тебя научил этому? - спросил я.

- Миссис Шепердсон.

- А как тебя зовут?

- Даингумбо.

- Даингумбо! - повторил я. - Я хочу запомнить твое имя. Скажи мне его по буквам.

Он написал свое имя на песке.

- А кто эти двое? Твои друзья? - спросил я.

Он положил руку на плечо одного мальчика и объяснил мне:

- Это мой дядя. А это ... - он положил руку на плечо второго мальчика, а другой рукой указал на двух маленьких девочек, стоявших неподалеку: - Эта девочка - его сестра. Она моя мать.

Я посмотрел на девочек, стараясь уяснить себе такое странное родство.

- Хочешь записать имя моего отца? - спросил мальчик.

- Конечно, хочу. Как его зовут?

Он написал на песке имя своего отца - Баданга. Позднее я узнал от Шепердсона, что Баданга - брат Гарри из Милингимби.

- Баданга? - переспросил я. - Вот, передай эту сигарету своему отцу.

Мальчик поблагодарил и сунул сигарету за ухо.

Другие мальчики были потрясены таким знаком отличия.

- Отцы у них тоже курят, - намекнул Даингумбо.

- Ты прав, - сказал я и свернул еще две самокрутки.

Мимо нас прошли несколько женщин. Плетеные сумки, висевшие у них за плечами на веревке, обвязанной вокруг головы, были наполнены доверху.

- Скажи-ка мне, что у них в сумках? - спросил я Даингумбо в поисках темы для разговора.

- "Женская еда", - сказал он с презрением. - Еда из зарослей. Они ее собирают. Иногда они находят мед.

- Что за орехи несла последняя женщина? Разве они не ядовитые? спросил я.

- Их можно сделать безвредными, - поспешил объяснить мальчик. - Мы находим орехи в зарослях. Мы их собираем и складываем...

Он продемонстрировал, как орехи раскладывают на какой-то плоской поверхности.

- Раскалываем их...

Он показал, как колют орехи, разбивая их палкой. Его пальцы шевелились, словно вылуцивая сердцевину.

- Берем, как земляной орех. Берем и кладем в сумку. Кладем в воду. Они спят, спят...

Он положил голову на руки, имитируя сон.

- Сколько же они спят? - спросил я.

- Четыре ночи.

- А потом?

- Женщины берут их. Еще берут камень.

- Понимаю, - сказал я. - Они ударяют по ним камнем?

- Нет, - возразил он. - Они делают так... Мальчик сделал руками несколько движений, словно замешивая тесто.

- Получается замечательная еда. Надо тереть, тереть, тереть. Вынуть из зернотерки и сложить в плетеную сумку. Потом сделать вот так...

Он показал, как женщины раскатывают тесто.

- А потом свернуть и положить на огонь. Получается замечательная еда.

Уже стемнело, и мне пришлось расстаться с Даингумбо. Он успел рассказать мне, как бьют копьем

дюгоня, как изготавливают сети для рыбной ловли и какой замечательный охотник его отец. Никогда не забуду выразительное, живое лицо Даингумбо, его приветливость. Превращению этого аборигена в полноправного гражданина Австралии мешал только цвет его кожи.

Так устроена наша жизнь!

32. Побережье Арнхемленда

На следующее утро мы покинули остров Элко. Был погожий день. Море, небо, облака словно дремали.

Джек Слейд держался береговой полосы, опускаясь над пляжами и мысами в поисках унесенной в море шляпки, о которой нам рассказали на острове.

Неподалеку от Элко мы увидели выдолбленную стволу лодку, битком набитую аборигенами. Мы описали, круг над лодкой. Аборигены замахали руками, открывая в улыбке белые зубы.

Мы так низко опустились над берегом острова Говард, что чайные деревья на песчаных дюнах вырисовались на фоне неба, а не земли.

У пустынных мысов, где прибрежные скалы сбрасывали с плеч пену волн, рев моторов обращал в бегство морских птиц.

Мы пересекли широкий проток, на поверхности которого ветер чертил темные узоры. В зеленоватой мелкой воде колыхалась треугольная тень ската. Он нежился на поверхности моря, лениво шевеля хвостом. Напуганный шумом пропеллера, скат скрылся в морской глубине.

Здесь плавали акулы, как правило, парами; черепахи грелись на покрытой рябью поверхности воды. Над водой летали морские птицы. Косяки рыб искрились подобно россыпям драгоценных камней. Их плавники рассекали морскую гладь.

Мы опускались над узкими морскими протоками, огибали округлые берега заливов, взмывали над скалистыми вершинами полуостровов. Мелькали устья рек, окаймленные мангровыми зарослями. Напуганные кроншнепы взлетали над обнаженными отливом отмелями.

Со скалы поднялся морской орел. Его белая голова сверкала в лучах солнца. Стайки голубей вылетали из густых зарослей, кое-где окаймлявших берег, и проносились над самыми верхушками деревьев. Когда самолет догонял их, они испуганно сворачивали в сторону и летели сначала в одном направлении, потом в другом, как будто за ними гнался ястреб.

Наконец, я увидел то, что мне больше всего хотелось здесь увидеть, стойбище аборигенов. Над берегом, на поросшем чайными деревьями холме, стояли два шалаша из коры. Струйка дыма от костра поднималась прямо к небу. Над костром склонилась женщина. Другая сидела, скрестив ноги, у входа в шалаш.

По пояс в воде стоял мужчина, держа наготове копье. Ребенок, переваливаясь, ковылял по песчаному берегу. Еще трое ребятишек бегали по берегу, размахивая руками.

Шум самолета, летевшего над самым берегом, заставил их замереть. Они стояли, не шевелясь, и наблюдали за нами. Я энергично замахал им. Мужчина потряс копьем в знак приветствия, а женщины подняли руки над головой. Мы пронеслись над шалашами, затем, набрав высоту, развернулись и возвратились к стойбищу, словно, оно было осью, вокруг которой мы вращались.

Младенец упал на песок. Видимо, он плакал от страха. Я разглядел его перекосившееся личико. Одна из женщин подняла к нам смеющееся лицо, вторая помахала рыбиной, которую держала в руке.

Обнаженные темно-коричневые тела аборигенов были стройными. Мокрая кожа мужчины поблескивала. Он зашагал по воде, словно демонстрируя нам пластичность своих поднятых рук.

Дым второго костра поднимался с полуострова, поросшего чайным деревом. Женщина с младенцем,

восседавшим у нее на плечах, махала нам обеими руками. Ее муж сидел на корточках на песке и производил какие-то манипуляции со своими копьями. Рядом с ним было несколько ребяташек.

Эти промелькнувшие перед глазами картины жизни коренных жителей Австралии - а такой жизнью жили поколения их предков - напоминали рисунки из учебника австралийской истории.

Заправившись горючим в Милингимби, мы пересекли узкий пролив, отделяющий остров от материка. К западу лежал мыс Кейп-Стюарт. То была местность, бедная дичью и растительной пищей. Кампешевые деревья и эвкалипты тянулись на многие мили. Мы едва не задевали их кроны. Сквозь листву нам была видна редкая трава, росшая под деревьями, которые застыли в знойном воздухе, словно погрузившись в грустное раздумье.

Время от времени деревья перемежались болотом или лагуной. Здесь в воздухе кружились стаи гусей и белые цапли.

Мне не терпелось увидеть здешних аборигенов. Мое желание исполнилось, лишь когда мы пересекли широкий полуостров, оконечностью которого является Кейп-Стюарт, и достигли восточного побережья залива Бокаут.

Широкий песчаный пляж тянулся до устья реки Блит. Полоска раковин и водорослей, отмечающая границы прилива, проходила далеко от края воды. Она пролежала по гладкому песку подобно линии, выведенной на шоссе. Мы полетели вдоль этой линии. Тень самолета скользила по пляжу.

Пологий подъем берега заканчивался полосой травы; далее барьер из чайных деревьев и густая трава отделяли покрытую водяными лилиями лагуну от берега.

Эта барьерная полоса то расширялась, то сужалась. На широком участке, заросшем банксией {Имеется в виду медоносное растение *Banksia ornata*. В прошлом аборигены подслащивали воду цветами банксии.} и акацией, стояли два куполообразных шалаша, крытых корой.

У шалашей сидели на корточках две старухи. Поодаль, у костра, на котором жарилась какая-то дичь, собрались мужчины и женщины. Они обернулись и с удивлением посмотрели на самолет. Двое седобородых мужчин пустились наутек под укрытие деревьев, держа руки над головой, словно они боялись, что на них обрушится град камней.

Пролетая над берегами залива Бокаут, мы неоднократно видели подобные группы аборигенов. На песчаных отмелях, запустивших желтые пальцы в синеву моря, играли дети; иногда их отцы стояли в воде у берега с занесенными для удара копьями.

На болотах мы видели вереницы женщин. Неся за спиной наполненные плетеные сумки, они держали путь к шалашам, дым которых вился над деревьями. Мужчины шагали гуськом в высокой траве, доходившей им до самого пояса.

Мы оставили позади крошечный островок Хол-Раунд, расположенный неподалеку от устья реки Ливерпуль.

Зеленовато-голубые воды залива Джанкшэн были испещрены тысячами медуз. Вдоль берега плавал одинокий пеликан...

Мы летели над берегами, поросшими мангровыми, над лесистыми равнинами, над проливом Макари к островам Гоулберн. Над миссией Гоулберн мы сбросили почту. Поджидавшие самолет аборигены подхватили ее. А мы опять понеслись над материком, затем пересекли залив Маунтноррис и направились к острову Крокер, где находится миссия для метисов.

Крокер - большой остров, отделенный от материка проливом шириной около двух миль. Недавно три буйвола переплыли этот пролив. Двух аборигены прикончили копьями, а третий укрылся в болотах острова.

По холмам острова Крокер бродят стада диких лошадей, завезенных сюда с острова Тимор в давние времена Алфом Брауном, скупщиком трепангов. Они прижились здесь, их теперь насчитывают целые сотни.

Остров Крокер отделен проливом от огромного полуострова Коберг царства деревьев, лагун и парковых лесов {Парковые леса - светлые эвкалиптовые леса, в которых деревья расположены далеко одно от другого, а пространство между ними покрыто травой.}. Сейчас, в сезон дождей, полуостров казался очень привлекательным. В некоторых местах деревья росли так ровно и красиво, что казалось, будто мы летим над настоящим парком.

Здесь водится множество аистов. При нашем приближении они тяжело поднимались в воздух над водой, усеянной лилиями. Тут были стайки гусей, колпиц, белых цапель и уток.

По лесной чаще бешеным галопом, сокрушая все преграды на своем пути, скакали три браминских быка {Браминский бык - очевидно, имеется в виду зебу, или горбатый скот (*Bos Taurus indicus*), завезенный в Австралию из Южной Азии.}. Мы видели много этих животных в лесистых местностях, где, по-видимому, они предпочитают находиться. В отличие от обычных буйволов они не собираются в стада, а бродят по двое или по трое. Они произошли от животных, убежавших в тридцатые годы прошлого века из поселений в районе Порт-Эссингтона и залива Раффлз.

Буйволов тоже завезли в эти поселения; они распространились по всему Арнхемленду, тогда как браминский скот сохранился только на полуострове

Коберг. Повидимому, животные этой породы очень пугливы. При виде самолета они убегали, охваченные страхом.

Мы снова увидели море - уже у пролива Дундас. Джек Слейд стал набирать высоту, пока мы не достигли облаков, тоже летевших в направлении Дарвина.

33. Оэнпелли

Ранним утром я стоял на веранде миссии Оэнпелли. Эта миссия расположена в западном Арнхемленде, примерно в 160 милях к востоку от Дарвина.

Миссия находится в самой красивой местности из всех, отведенных резервациям на севере Австралии.

По топкой равнине, протянувшейся к западу, неподалеку от извилистого русла реки Восточный Аллигатор, бродят буйволы, отпечатывая свои следы на пропитанной водой траве.

Знаменитый охотник на буйволов Пэдди Кахилл (говорят, он убивал по две тысячи этих животных в год) и другие охотники, промышлявшие в этом районе, едва не истребили всех буйволов. Но прекращение охоты на буйволов во время войны способствовало увеличению поголовья. Теперь их тут великое множество.

Животный мир Оэнпелли богат. В лесистых районах можно встретить валляби и обычных кенгуру; на болотах в изобилии водится птица. Почва отличается плодородием. Теперь, когда сезон дождей подходил к концу, деревья и травы буйно цвели и давали семена.

С утра воздух был свеж и прохладен. Передо мной расстилалась лагуна, отделяя строения миссии от крутого склона, которым начиналось центральное плато.

Казалось, это ясное утро знаменовало переход от сезона дождей к сухому времени года.

Я пошел завтракать. Ральф Бартон, управляющий миссии, и Норман Вудхарт, священник, уже сидели за столом, готовясь атаковать тушеное мясо - основное блюдо каждой трапезы. Дело в том, что запасы продовольствия в миссии подошли к концу, а люгер,

доставлявший их к якорной стоянке в устье реки Восточный Аллигатор, сильно запаздывал.

Повар-абориген бродил где-то в зарослях со своими соплеменниками. Женщина, заменявшая его, обладала таким умением лишать приготавливаемое ею мясо мягкости, что каждая трапеза превращалась в ратный подвиг. Иногда, восполняя отсутствие хлеба и масла, она пыталась испечь лепешки. Но их тоже было невозможно разжевать.

Бартон и Вудхарт (оба были неженаты) никогда не жаловались; изо дня в день они безропотно поглощали жесткое мясо. Их больше всего интересовали темнокожие питомцы миссии.

Людей, которых можно охарактеризовать простыми словами "хорошие люди", встречаешь не слишком часто. Бартон и Вудхарт несомненно были хорошие люди.

Свой первый вечер в Оэнпелли я провел в беседе с Бартоном. На землю быстро спустилась тропическая ночь. Я едва мог различить контуры деревьев на фоне темного неба. Вдруг я услышал возле веранды ребячий говор. В открытую дверь заглянул улыбающийся мальчик. За ним стояли другие дети и женщина с младенцем на плечах.

Бартон сказал извиняющимся голосом:

- Простите меня, нам придется прервать беседу. В это время я всегда играю с детьми.

Его слова обрадовали меня. Мне было приятно, что Бартон так хорошо относится к местным детям.

Ребята вошли, радостно улыбаясь, а за ними вошли их отцы и матери, на лицах которых тоже было написано удовольствие.

Одна из женщин присела на корточки около меня и дала грудь своему малышу. Женщина смотрела прямо перед собой, ее лицо светилось спокойной радостью

материнства. Рядом стоял ее муж. Шрамы на его груди блестели при свете лампы, как отполированные.

Один молодой абориген сел на стул. Держа на коленях спящего младенца, он смотрел на него с легкой улыбкой. Должно быть, мужчина испытывал потребность выразить свою нежность к ребенку. Время от времени он наклонял голову и прижимался лбом к его груди. Сразу же после этого он решительно выпрямлялся, словно стряхивая с себя неподобающие мужчине чувства, и оглядывался вокруг с видом человека, собирающегося включиться в общий разговор. Однако через некоторое время он опять погружался в созерцание младенца.

Игра, которой мы занялись, была хорошо известна всем присутствующим. Вооруженные карандашом и бумагой, дети и их родители должны были нарисовать жука. Жук изображался в виде соединенных вместе овала и круга; усики и лапки изображались черточками. Голова, туловище, ноги и усики обозначались определенными цифрами, выведенными мелом посередине стола. В центре стола был прикреплен карандаш. Каждый из играющих вращал карандаш. В зависимости от цифры, у которой останавливался грифель, он мог нанести на свой листок определенную часть тела жука. А так как цифры чередовались с пустыми местами, вращение карандаша не всегда давало игроку право что-то пририсовать. В результате один из играющих всегда заканчивал рисунок раньше других. Он и выигрывал.

Как я ни старался, чтобы мой карандаш остановился у пустого места, ничего не получалось. В силу такого необычайного везения я выиграл.

Мы сыграли и в "комнатный гольф", гоня мяч по полу, и в жмурки. Дети заливались веселым смехом.

Смех темнокожих детишек! Такой радостный, такой чистый, он печалью отзывался у меня в сердце.

34. «Вампир»

Я ночевал на свежем воздухе в углу веранды. Каждое утро группа детей собиралась поглазеть, как я одеваюсь и бреюсь. Им нравился запах мыла и масла для волос. По окончании туалета я наливал по несколько капель душистого масла на каждую протянутую ладонь. Дети втирали его в волосы и кожу.

Но вот прошло несколько дней, и я заметил, что некоторые из них, получив свою порцию, уходят, сложив ладонь в виде чашечки. Потом их матери стали расхаживать по миссии, распространяя аромат моей парфюмерии; кожа на груди и плечах у них блестела. Тут и мужчины заинтересовались моим утренним туалетом. Они плотно обступали меня, комментируя на своем языке каждую принадлежность моего несессера. Среди них всегда был Валара - рослый мужчина с развитой мускулатурой и толстыми рубцами на груди. Валара слыл опытным охотником. Считалось, что он мастер ловить динго, которых много бродило вокруг Оэнпелли. Я решил прибегнуть к его помощи, чтобы разгадать одну интересовавшую меня загадку.

Когда я приехал в Оэнпелли, Бартон выразил надежду, что меня не будут беспокоить летучие мыши, которые каждую ночь прилетали и садились на цементный пол веранды возле того места, где была моя постель. По его словам, мыши ловили и пожирали на веранде лягушек и птиц.

Это меня удивило. Я был уверен, что Бартон ошибается, и доказывал ему, что австралийские летучие мыши, за исключением летучих лисиц, питаются насекомыми, которых ловят в воздухе. Но он продолжал утверждать, что эти летучие мыши

опускались на веранду, чтобы пожирать свою добычу; следы их трапезы оставались на полу.

В ту ночь летучие мыши меня не беспокоили, но утром я обнаружил на одной из цементных плит веранды задние лапки лягушки.

Я был озадачен, хотя и слышал, что в пещерах Южной Австралии были найдены мумифицированные останки летучих мышей, содержимое желудка которых доказывало, что они были "каннибалами" - питались себе подобными. Однако, насколько мне было известно, никто никогда не встречал живых представителей таких "вампиров". Их рассматривали скорее как вымершую разновидность.

Я решил не спать ночью, чтобы увидеть летучих мышей, которые пожирают лягушек. Бартон заверил меня, что эти мыши - частые и к тому же очень шумные гости.

Но прошли три ночи, а мне все не удавалось удержаться от сна. Валявшиеся каждое утро на полу веранды задние лапки лягушек и длинные лапки огромных кузнечиков были единственным доказательством того, что мыши действительно прилетали сюда по ночам.

Наконец в тихую, душную ночь я проснулся от какой-то возни на полу. Я услышал громкий писк и шум борьбы. Чьи-то крылья ударяли по полу, по-видимому, крылья птицы. Было слишком темно, чтобы отчетливо видеть происходящее, но писк продолжался еще с минуту. Я разглядел на полу серую тень. Писк прекратился, послышался страшный хруст. Я сел на постели.

Тень взмыла в воздух. На какое-то мгновение мне стали видны огромные крылья и острые уши.

На следующее утро на испачканном кровью полу оказались серые перья и лапки маленькой птички.

Я спросил Валару, видел ли он когда-нибудь этих летучих мышей. Он ответил, что видел их много раз. Эти мыши - "плохая пища", аборигены их не едят. Валара сказал, что такие летучие мыши живут в пещерах и питаются птицами.

Вечером я попросил его поймать мне такую мышь. За это я обещал ему пачку табака. Он улыбнулся, предвкушая удовольствие, и тут же ушел, словно это дело требовало подготовки.

На следующее утро - солнце еще не взошло над плоскогорьем - я проснулся, почувствовав, что кто-то стоит у моей кровати.

Это был Валара. Он принес летучую мышь, у которой крыло было пронзено копьем. Я поспешно оделся и стал рассматривать "вампира". Я ждал восхода солнца, чтобы сфотографировать его. Копье лишь прокололо перепонку крыла. Когда его извлекли, выяснилось, что "вампир" не пострадал.

Размах крыльев составлял два фута; туловище (длиной около шести дюймов) покрывал легкий серый пушок. Большие черные, как угольки, глаза "вампира" бегали, словно отыскивая путь к спасению, хотя он неподвижно лежал в руках Валары.

У него были крупные уши и большой рот. На носу сидел широкий лист, придававший ему фантастический вид {У летучих мышей семейства листоносов (Phyllostomidae) на носу есть кожистый придаток в виде листка.}.

Когда я наконец сфотографировал летучую мышь и выпустил ее, она села на соседнее дерево и повисла на низком сучке чуть повыше моей головы. Я стал под деревом. Через некоторое время "вампир" взлетел. Я следил за его легким полетом, пока он не скрылся из виду.

35. Рассказы Мараваны

Маравана родился недалеко от Нймбувы, удивительной скалистой вершины, мимо которой я пролетал по пути в Милингимби. Маравана хорошо говорил по-английски. По непонятным мне причинам он не пользовался расположением своих соплеменников. Он любил прихвастнуть и чрезвычайно гордился умением рассказывать легенды своего народа - "истории Старых Людей", как он их называл.

Узнав, что я интересуюсь легендами и расплачиваюсь за них табаком, он подошел ко мне на второй день моего пребывания в Оэнпелли и заявил:

- Я знаю все истории Старых Людей. Мне их рассказал отец. Я расскажу их тебе.

- С удовольствием послушаю, - сказал я.

Маравана начал рассказывать мне легенду, да так складно, что я попросил его подождать и пошел за записной книжкой. Когда я вернулся, он начал снова. Он даже стал изображать действующих лиц, меняя по ходу рассказа голос и выражение лица.

Я был в восторге. Когда Маравана кончил, я спросил, хочет ли он, чтобы я прочитал ему свою запись.

Он не понял, что я имею в виду. Должно быть, он не понимал, зачем существует письменность. Странные значки, которые я выводил на бумаге, ему ничего не говорили.

- Послушай, - сказал я. - Теперь я расскажу тебе эту же самую историю. Если я скажу что-нибудь не так, ты меня останови. Я хочу пересказать все в точности.

Читая свою запись, я подражал его голосу, повторял его жесты, делал те же смысловые ударения. На лице Мараваны выразилось удивление. Он сидел, не

шевелилась, с раскрытым ртом. Когда я кончил, он продолжал глядеть на меня в полном изумлении.

Потом Маравана ушел, но вскоре возвратился с группой приятелей.

- Перескажи мою историю еще раз, а? - попросил он, указывая на друзей, словно объясняя, чем вызвана его просьба.

Теперь он улыбался и глядел на них с важным видом. Удивление, написанное на его лице, когда я читал в первый раз, сменилось выражением гордости. Когда я произносил фразы, в которых явно подражал его интонациям и манере говорить, Маравана поворачивался к своим спутникам, как бы предлагая им убедиться в том, что он сказал им правду.

То, что, воспроизводя его рассказ, я воспроизводил и его манеру рассказывать, Маравана считал своей личной заслугой. Он усматривал в этом доказательство некой присущей ему способности передавать свои таланты другим. Аборигены не сомневались, что Маравана передал мне свой талант. Каждый житель миссии хотел сам меня послушать.

Отныне Маравана всегда приводил с собой друзей. Я должен был перечитывать записи рассказов снова и снова.

Гордость Мараваны возрастала с каждым разом. Наконец, он почувствовал такую ответственность, что, приступая к очередному рассказу, нервничал, как актер, не уверенный, что справится с ролью.

Как только я брал в руки блокнот, Маравана начинал часто дышать от волнения. Однажды он выразил пожелание, чтобы я воздержался от записи, дав ему сначала отрепетировать свой рассказ:

- Не надо писать. Сегодня я просто так расскажу. А завтра пойдет совсем хорошо. Завтра ты и запишешь, ладно?

Так было несколько раз. В таких случаях я старался запомнить первый вариант рассказа Мараваны - на "репетиции" он говорил естественнее и убедительнее, чем во время "представления".

Рассказам Мараваны придавали выразительность главным образом жесты и интонация, так как известными ему английскими словами обойтись было трудно.

Записанные в мой блокнот рассказы эти теряли свой колорит; исчезал дух Старых Людей, витавший в Оэнпелли и слышавшийся мне в задумчивом звучании голоса Мараваны.

Некоторые из его рассказов были не лишены юмора, но сам он юмора не чувствовал. Для него это были серьезные рассказы о подлинных событиях, правдивые истории, оставленные потомству Старыми Людьями. Поэтому, когда он закончил рассказ про аиста и ворона - одну из первых рассказанных им легенд, мой смех озадачил его, и, возможно, разочаровал.

- В те времена, когда Ворон и Аист были людьми, - начал Маравана, всегда стояла холодная погода. Аист сказал Ворону: "Я наловил сетью много рыбы. Приходи ко мне, поедим с тобой рыбы",

"Ладно, приду", - ответил Ворон.

Ворон взял плетеную сумку и каменный топор и отправился к Аисту. Шел Ворон, шел и увидел пчелиное гнездо. Он сунул руку в дупло, вытащил соты и съел весь мед. Потом он пошел по дорожке к стойбищу Аиста. Тот жарил на костре рыбу. Аист позвал Ворона: "Иди сюда, к костру. Я приготовил тебе много рыбы".

Ворон сел у костра, взял крупную барабульку {Барабулька обыкновенная (*Mulleus barbatus*) - небольшая рыба отряда окунеобразных.} и принялся за еду. Аист сказал: "Когда съешь рыбу, мы с тобой посидим, поговорим".

И вдруг Аист заметил в волосах у Ворона кусочек сота и пчелу. "Эге, воскликнул он, - я вижу у тебя в волосах пчелу и кусочек сота". И еще он сказал: "Перестань есть мою рыбу, а то ты испортишь мне рыбную ловлю, и я больше ничего не поймаю. Зброшу я свою сеть в речку, и не попадетя в нее ни одна рыбешка: она увидит пчелу и кусочек сота у тебя в волосах, испугается и уплывет".

Услышав это, Ворон встал и пересел на другое место, а Аист сидел и раздумывал о Вороне. "Почему ты ушел от костра?" - спросил он наконец.

А Ворон ответил: "Если я буду есть твою рыбу, она увидит у меня в волосах пчелу и кусочек сота, и тогда ты больше не поймаешь сетью ни одной рыбины".

Аист сказал: "Это ведь твоя страна. Иди и поешь еще рыбы".

А Ворон ответил: "Не могу я есть твою рыбу, а то я испорчу тебе всю рыбную ловлю. Ты забросишь сеть в речку, а рыба возьмет и уплывет. Ничего не поделаешь, Аист, не могу я теперь есть твою рыбу".

Аист все твердил: "Иди поешь еще рыбы", а Ворон отвечал: "Нет, не могу. А то закинешь ты завтра утром сеть в речку и ничего не поймаешь".

Он встал и сказал: "Прощай, Аист. Я ухожу домой, в те края, откуда пришел".

Аист сказал: "Ну, что ж... ступай". И Ворон ушел по той же дорожке и подошел к горе, на склоне которой жил. Это здесь, рядом. Гора называется Аргулуп. Ворон жил там в пещере. Однажды он пошел к озеру за гусиными яйцами. За два дня он набрал большую грудку яиц и послал Аисту приглашение: "Приходи ко мне есть гусиные яйца".

Когда Аист получил это приглашение, он сказал: "Ладно, схожу к Ворону, посмотрю, как он живет".

И он отправился в гости к Ворону. Солнце стояло примерно так, как сейчас.

"Здравствуй, друг, - приветствовал его Ворон. - Я приготовил тебе много гусиных яиц".

Ворон развел костер и испек яйца. "Иди садись сюда, - сказал он Аисту, - и я дам тебе яиц". Аист сел, взял яйцо и стал его есть.

А Ворон смотрел, как он ест, и вдруг заметил у него в волосах несколько зеленых муравьев. "Эге! - воскликнул Ворон. - У тебя в волосах зеленые муравьи. Если ты ел зеленых муравьев, ты испортишь гусиные яйца. Пропадут все гусиные яйца, потому что ты ел зеленых муравьев. Если человек ест гусиные яйца, он не должен никогда есть зеленых муравьев. Первый раз вижу человека, который ест гусиные яйца после зеленых муравьев. Вот что я тебе скажу, Аист".

"Ах так! - сказал Аист. - Тогда прощай".

"Прощай. Больше не увидимся".

"Прощай", - ответил Аист.

"Уж больше я не приглашу тебя в гости", - сказал Ворон.

"И я тоже", - сказал Аист.

Вот почему Аиста и Ворона не увидишь вместе...

Гора Нимбува, близ которой родился Маравана, была для него священной. Он рассказал мне историю, объясняющую, как возникла гора и почему ее вершина похожа на голову с наполовину перерубленной шеей. Это был один из тех рассказов, которые он репетировал. Он считал этот рассказ очень важным.

- Сначала Нимбува был радугой. Потом он спустился на землю и превратился в рыбу Баррамунду. Он полюбил одну женщину.

Однажды эта женщина стояла на берегу лагуны вместе со своими двумя детьми. Она увидела двух ястребов и услышала их разговор.

"Посмотри-ка, там рыба", - сказал один ястреб.

Женщина взяла длинную острогу, подошла к берегу и стала высматривать рыбу. Она занесла над рыбой

острогу в том месте, где было мелко. Но Баррамунда юркнул в сторону, и женщина промахнулась. Она еще раз нацелилась острой и опять промахнулась. А в это время вода в лагуне стала медленно подниматься, и рыба стала все расти и расти.

Девочка увидела, что делается с рыбой, и закричала: "Мама, тебе ее не убить. Смотри, какое чудовище!"

Мать ответила: "Это просто большая рыба".

Вода все прибывала и прибывала, и рыба становилась все больше и больше. Женщина все била по рыбе острой, да мимо, а вода все поднималась и рыба все росла.

Вдруг Баррамунда подплыл, поднял женщину на свой хребет и утащил в свои края. Там он превратился в горный утес, а женщина превратилась в каменную глыбу рядом с утесом.

Мальчик и девочка побежали домой к отцу и рассказали ему, что случилось с матерью.

Девочка сказала: "Отец, случилось страшное несчастье. Наша мама увидела рыбу, а это было чудовище, и оно утащило маму".

Отец взял каменный топор и пошел посмотреть, что случилось. Он увидел Нимбуву и сказал: "Я пойду и отрублю ему голову".

Он стал рубить утес, а утес был, как радуга. И вот топор отлетел, а мужчина превратился в камень и стоит рядом со своей каменной женой и Нимбувой.

Так они и стоят до сих пор.

36. Маравана рассказывает новые легенды

Животные, фигурировавшие в рассказах Мараваны, изъяснялись не тем стилизованным языком, каким они обычно говорят в легендах. Они говорили, как обыкновенные люди, и совсем не казались призраками далеких времен.

На Западе персонажи легенд - сильные, выдающиеся личности или отважные воины, а у австралийских аборигенов это обыкновенные люди, действующие в облике животных.

Именно таким персонажем является собака в рассказе Мараваны "Кенгуру и собака". Образ собаки мне особенно понравился своей естественностью.

Эта легенда рассказывает о том, как люди научились рисовать, и объясняет, почему аборигены всегда изображают кенгуру расплостертым на земле.

- Жили-были кенгуру и собака, - начал Маравана. - Раньше они были людьми.

"Ты куда идешь, пес?" - спросил кенгуру.

"Я иду на охоту", - ответил пес.

"Я бы с тобой тоже пошел", - сказал кенгуру.

"Ладно, - сказал пес. - Пойдем со мной и будь мне другом".

Они собрали свои копья и копьеметалки, и кенгуру спросил: "Куда же мы пойдем?"

"Пойдем вон туда", - ответил пес.

Они шли, шли и подошли к речке. Берега у речки были глинистые. Там была белая глина и коричневая глина. Они накопили разноцветной глины.

"Попробуй разрисовать меня, - сказал пес кенгуру. - Разрисуй меня так, чтобы я стал похож на собаку".

"Ладно", - сказал кенгуру.

"Ты сначала рисуй меня коричневой глиной, - сказал пес. - Попробуй превратить меня в собаку".

Кенгуру разрисовал сначала голову собаки, потом шею и брюхо, и грудь, и хвост, и четыре лапы.

"Гляди, - сказал кенгуру. - Я разрисовал тебя. Я разрисовал все как полагается. Ты получился совсем как собака".

"Ты хорошо разрисовал, - сказал пес. - Ты разрисовал меня совсем, как собаку".

"А теперь ты разрисуй меня", - сказал кенгуру.

"Ладно, - сказал пес. - Ложись".

"Ты меня кое-как не рисуй", - сказал кенгуру.

"А ты ляг, - сказал пес. - И я разрисую тебя так, что ты будешь, как кенгуру, и будешь прыгать всю дорогу: хоп, хоп, хоп!"

Пес разрисовал голову кенгуру, потом передние лапы, потом хвост, брюхо и задние лапы.

"Вот и готово, - сказал пес. - Я тебя хорошо разрисовал. Я нарисовал все, что надо".

"Если ты все нарисовал, я должен стать кенгуру", - сказал кенгуру.

"Я все нарисовал", - сказал пес.

"Ну-ка попробуй залаять, как собака", - сказал кенгуру.

"Ладно", - сказал пес и залаял.

"А теперь догони-ка меня, - сказал кенгуру. - Пробежимся немного".

"Беги вперед, - сказал пес, - а я побегу за тобой". Они побежали, и кенгуру все время скакал впереди. Они перескочили через речку. Пес все время лаял. Они пробежали еще немного и остановились отдохнуть.

"Как же мы назовем это место, где мы разрисовали друг друга?" - спросил пес.

"Я не знаю, как нам назвать это место", - ответил кенгуру.

"Назовем его "Барл-барл", - сказал пес.

"А теперь бежим дальше", - сказал кенгуру.

"Беги вперед, - сказал пес. - А я буду лаять".

Они бежали долго. Они перебрались еще через одну речку и очутились у подножия большой скалы.

"Давай взберемся на эту скалу и там остановимся", - предложил пес.

"Давай, - сказал кенгуру. - Укуси меня за хвост, и я прыгну на самую вершину".

Пес укусил кенгуру за хвост, и кенгуру прыгнул на скалу. Когда пес взобрался на скалу, он спросил: "А как мы назовем это место?"

"Мы назовем это место "Нумилукари" и "Бинаминами", - сказал кенгуру. И они жили там, и пес лаял с утра до вечера.

Дети, фигурирующие в легендах аборигенов, часто спорят со своими родителями. Почти всегда оказывается, что дети правы.

В легенде, объясняющей происхождение змей, девочка оказывается более предприимчивой, чем ее мать.

- Это история про змея, - сказал Маравана. - Это было на Куперс-Крик. Там жили девочка и женщина.

Змей раньше был человеком. Девочка боялась этого человека. А ее мать пообещала отдать девочку ему в жены. Однажды он взял охапку травы и положил в полое бревно. Потом сам залез внутрь и обратился к змею. Змей позвал птичку: "Иди сюда и гляди на меня, и говори со мной".

"Ладно", - сказала птичка.

Мать услышала, как птичка говорит со змеем, и крикнула ей: "Эй, птичка! Кто это там внутри?"

Но птичка испугалась и улетела.

Девочка подошла к бревну и заглянула внутрь. Сначала она ничего не увидела. Потом она разглядела в темноте чьи-то горящие глаза.

"Мама, иди-ка, посмотри", - позвала она.

Мать подошла и заглянула внутрь.

"Никого там нет", - сказала она.

Девочка говорит: "Там кто-то есть, мама".

"А я никого не вижу", - сказала мать.

"А я вижу, - сказала девочка. - Найди-ка палку!"

Мать отломилась длинную палку. Девочка сказала: "Я засуну руку внутрь и постараюсь схватить того, кто там сидит. А ты просунь палку с другого конца бревна".

Девочка сунула внутрь руку, а мать стала тыкать палкой с другого конца бревна, и тогда змей укусил девочку.

Потом змей выполз и сказал: "Черные, красные и желтые! Отныне зовите меня змеем. Кого захочу, того и укушу!"

И змей уполз прочь и полз весь день, пока не добрался до своей страны.

"Здесь я буду жить, - сказал змей, - у подножия этой скалы. Раньше я был человеком, а теперь я змей. И я назовусь "Ярабартбарт".

Он спрятался в большую трещину в скале и назвал ее "Габартджейо".

Во многих историях Мараваны фигурирует гора Нимбува, но и про другие скалы тоже сложены легенды.

Небольшая скала на краю залива, контурами напоминающая человека, считалась "страной предков" тех аборигенов, которые родились в ее окрестностях. По словам Мараваны, жил-был человек по имени Гунмимбук, бежавший с побережья от воина имени Вуракарк.

- Вуракарк - большой человек, - сказал Маравана. - Он пришел из-за моря. Гунмимбук и другой воин, Гуригавунг, прогнали Вуракарка туда, где он жил.

Гунмимбук говорит: "Пусть Вуракарк остается здесь. Мы с ним в ссоре".

Гурингавунг согласился: "Давай оставим его здесь. Пусть здесь будет его дом".

Потом они решили пойти к горе Нимбува. Когда они дошли до Куперс-Крик, они заспорили.

Гунмимбук говорит: "Дальше я с тобой не пойду. Мне надо в другое место, по другой дороге. Я не пойду с тобой к горе Нимбува".

Гурингавунг говорит: "Ты должен пойти со мной".

А Гунмимбук говорит: "Нет, сейчас почти ночь. Мне пора уходить. Я с тобой попрощаюсь".

А Гурингавунг говорит: "Нет, ты должен идти со мной".

"У меня впереди еще долгий путь, - говорит Гунмимбук. - Прощай".

Он собрался уходить. Взял кору эвкалипта, палочки для добывания огня и разжег костер. Потом он взял горящую палку, чтобы осветить себе путь.

Тогда Гурингавунг сказал: "А-а, у тебя есть огонь. Пожалуйста, дай мне огня".

Гунмимбук говорит: "Нет, у меня нет огня. Это мои глаза блестят, как огонь".

Гурингавунг говорит: "Ладно, ступай".

И Гунмимбук ушел, а Гурингавунг пошел к горе Нимбува.

Гунмимбук взял горящую палку и пошел искать дорогу.

"Я пойду в Бирадук, там места лучше. Много медовых сотов, много кенгуру, много мяса, много водяных лилий".

Он шел, шел почти до полуночи и говорит: "Куда мне девать палицу? Опущу-ка я ее в воду и буду поглядывать на нее, а если кто-нибудь нападет, буду биться".

Много крови вытекло у Гунмимбука из головы во время последнего боя, и он долго отдыхал и все оглядывался туда, откуда пришел.

"Если кто-нибудь придет, я возьму палицу и буду бороться. Здесь хорошее место. Это будет мое место".

Он долго отдыхал, а утром встал до рассвета, подошел к скале и сказал: "Зря я сюда пришел. Теперь я превращусь в камень".

И он превратился в камень, и камень лежит здесь до сих пор.

37. Верхом по Арнхемленду

Ландшафт вокруг Оэнпелли представляет собой либо холмы и скалы (преддверие плоскогорья), либо заросли кустарника, где после недавних ливней еще стояла вода.

На возвышенностях, не затопленных дождями, влажная, нагретая солнцем земля покрылась пышной растительностью.

Равнина вдоль западной границы плоскогорья сейчас превратилась в болото, но в засушливое время года она зарастает чахлой травой. Равнину окаймляют заросли кустарника.

В Оэнпелли, куда ни глянь, везде трава - и какая трава! На участках плодородной почвы она поднималась выше моей головы. Я наугад выдернул один стебель. Оказалось, его длина двенадцать футов!

Я разъезжал по окрестностям Оэнпелли в военном грузовике, ныне принадлежавшем миссии. В колеях дорог еще стояла вода, а между колеями росла высокая трава. Когда грузовик сминал ее, семена сыпались в кабину. Стройные стебли, перегибавшиеся через борта грузовика, тоже осыпали нас дождем семян. Наши плечи были покрыты сломанными колосками, семена ударялись о наши лица.

Семена и солнечный свет, белые и лиловые цветы вьюнка и дикого горошка... Перепела, вылетающие из травы, крики диких гусей, всплески воды, запах листьев и стеблей... Мы видели все проявления животворной силы пробужденной земли.

Брызги воды проникали через щели в борту. Мотор грузовика раскалился, как печка. Сильно пахло бензином...

Арнхемленд по-настоящему открылся мне, только когда я стал ездить верхом. Я ощутил дух этих мест, впитал его в себя. Грузовик был инородным телом, а моя лошадь словно сливалась с окружающей природой.

В Оэнпелли много лошадей. Однажды я поехал верхом с Вудхартом и тремя аборигенами. Мы ехали через заросли, где нас хлестали ветки банксии и чайного дерева. Высокие кампешевые деревья отбрасывали тень на густую траву.

Пробравшись сквозь заросли, где цветущий ямс обвил почти все деревья, мы подъехали к подножию крутого утеса. Разноцветные скалы возвышались над нашей головой на сотни футов.

Защищенные от ветра впадины в скалах на склонах плоскогорья заросли высокой зеленой травой, контрастируя с высохшей вершиной.

Вдруг один из аборигенов, немного обогнавший нас, поспешно вернулся. Казалось, он был чем-то взволнован.

- Там молния ударила в скалу! - воскликнул он.

Мы поехали следом за ним, петляя в зарослях чайных деревьев и банксий, обвитых лианами. Наконец, на открытом пространстве у подножия скалы мы увидели хаотическое нагромождение камней и обломков.

Три дня назад над Оэнпелли пронесся ураган с грозой. Один удар грома был особенно сильным. Помню, я оторвался от своих записей и посмотрел в сторону плоскогорья. Должно быть, этот удар и вызвал обвал, разрушивший отвесную скалу, перед которой мы стояли.

Обломки скалы обрушились на росшие внизу деревья. Некоторые камни отскочили от скалы на сотни ярдов, оставив позади себя сломанные деревья и развороченную землю. Острые обломки сорвали со стволов кору. Стройные кампешевые деревья лежали в

стороне от раздробленных пней, еще недавно служивших им опорой.

Аборигены испуганно смотрели на открывшуюся перед ними картину. Они думали, что все это сделала молния. Для них молния была не явлением природы, а зловещим существом, чью мощь следует уважать.

Несколько дней назад абориген из окрестностей реки Ливерпуль (его звали Гурмалулу) дал мне рисунок, сделанный на куске коры; по его словам, рисунок изображал молнию. Это была искривленная фигура человека со сведенными вместе руками и ногами, к коленям и локтям которого прикреплено по два предмета. Гурмалулу сказал, что это каменные топоры. По бокам были нарисованы какие-то странные рыбы, а у ног человека - кости рыбы, которую он съел.

Гурмалулу недостаточно хорошо говорил по-английски, чтобы пояснить смысл рисунка, но сопровождавший его абориген из миссии предложил такое объяснение:

- Когда налетает ураган, молния начинает вот так искривляться. Поднимается вместе с ветром и прыгает вниз, разрушает деревья, как топором. Когда молния налетает на дерево или скалу, все грохочет. Когда буря стихает, молния спускается, прячется в листьях. Молния, совсем как лист любого дерева. Никто не знает, на каком дереве она живет. А подойдешь к такому дереву - и конец... Рыба на картине очень опасная. Она может убить человека...

Чуть подальше, у края плоскогорья, протекал ручей. Родившись далеко на плоскогорье, он с шумом низвергался с крутого откоса, образуя глубокий чистый бассейн.

Это был тот самый водопад, над которым кружил наш "Дрэгон", когда я впервые летел над окрестностями Оэнпелли. Тогда я взирал на него с высоты с чувством превосходства; теперь, стоя у

подножия утеса, я чувствовал себя маленьким и ничтожным.

Было очень жарко, и мне захотелось выкупаться. Рядом со мной стоял Дэвид, один из сопровождавших нас аборигенов. Дэвид носил рубашку военного образца и шорты и явно этим гордился. Жена Дэвида была та самая стряпуха, которая готовила несъедобные лепешки. Дэвид, по-видимому, не слишком страдал от этого. Правда, он был худощав, но зато выносливый и сильный; он хорошо ездил верхом.

- Разоблачайся-ка, Дэвид, - сказал я ему, - и давай в воду!

Дэвид поколебался, потом, отойдя за дерево, принялся раздеваться. Я мигом стянул с себя одежду и выпрямился, подставив разгоряченное тело ветерку.

Дэвид вскоре присоединился ко мне, и мы вместе вошли в воду.

Вудхарт и два других аборигена уже плескались в воде. Один из аборигенов плавал, как дельфин. Австралийцы вообще превосходные пловцы. Они могут долго плыть под водой.

Течение вынесло нас к песчаному пляжу, испещренному следами животных и птиц, приходивших сюда на водопой.

Дэвид прочитал мне следы: бандикут, водяная крыса, ржанки, валляби, динго. Он сообщил мне местные названия птичек, чьи лапки отпечатались на песке у самой воды. Дэвид нарисовал целую картину:

- Здесь остановился динго, напился воды, а потом катался по земле. Здесь стоял орел. Он быстро улетел. Бил крыльями по песку. Бандикут прошел здесь, потом побежал...

Я знал, что Дэвид различает следы всех знакомых ему людей, но, желая своими глазами убедиться в этом, я попросил его постоять за скалой; два других аборигена, Вудхарт и я отпечатали рядом на песке

след своей левой ноги. Потом мы позвали Дэвида. Еще за несколько футов от наших отпечатков он совершенно точно определил, кому принадлежит каждый из них. Для этого ему достаточно было беглого взгляда.

Позднее, когда я отдыхал, лежа на траве, трое аборигенов подошли ко мне. Опустив глаза, Дэвид застенчиво сказал:

- Мы нашли еще следы. Пошли посмотрим?

Я пошел за ними к песчаному пляжу, скрытому от глаз группой чайных деревьев. Показав на следы, доходившие до самой воды, Дэвид спросил:

- Чьи это следы?

Я долго рассматривал следы. Их явно оставил ребенок. Рядом с ними видны были следы динго, прошедшего в том же направлении. У воды виднелись два круглых отпечатка, как если бы ребенок там присел. Рядом была отметина от лежавшего на песке копья.

Динго тоже садился. Можно было разглядеть чуть заметный след от его хвоста. Далее следы терялись в мелководье.

Я чувствовал, что меня дурачат. Молчание аборигенов было слишком сдержанным, а выражение лиц - притворно сосредоточенным.

Подражая важному оратору, я торжественно заявил:

- Джентльмены, эти следы-отпечатки ног удивительного ребенка. Этой девочке шесть лет, и в какой-то схватке ее ранили копьем в спину. Она приручила динго и берет его с собой на охоту. Девочка и динго передвигались очень странным образом. Девочка ставила ногу на землю, потом поднимала ее так аккуратно, что совсем не разбрасывала песок. Точно так же ступал и динго. Чтобы так пройти по берегу, динго потребовалось полчаса... Короче говоря, эти следы изобразил Дэвид.

Я думал, что моя речь рассмешит аборигенов, но они слушали со смущенным видом, как если бы их укоряли за плохо выполненную работу. Перебросившись несколькими словами, они уставились на следы так серьезно, как молодой художник, выслушивающий замечания известного критика.

Дэвид отломил веточку с дерева и, опустившись на колени, начал трудиться над каждым следом. Он разбросал немного песка позади каждого отпечатка, смазал чересчур отчетливые края следов, разрыхлил песок вокруг них... Наконец, он поднялся с колен и сказал с видом победителя:

- Теперь следы хороши. Теперь не скажешь, что это я их сделал.

- Верно, - согласился я.

Наблюдая за Дэвидом, я понял, как хорошо он знает процесс образования отпечатка. В том месте, где один край отпечатка лапы динго пришелся на камень, он углубил другой след, как если бы вся тяжесть животного пришлась на другую лапу.

Но пора было собираться. Мне не хотелось покидать это место. Я прошел к краю бассейна, куда с шумом падала вода. На скале, с которой низвергался водопад, сидел белоголовый морской орел и смотрел на меня. По словам Дэвида, он устроил себе там гнездо.

Скала отбрасывала прохладную тень. Поддавшись непреодолимому желанию, я нырнул и поплыл к водопаду. Ухватившись за выступ отвесной стены, окружавшей бассейн, я позвал аборигенов.

Они что-то крикнули мне в ответ. Я поплыл вперед, почти до самой стены водопада.

Вода подо мной волновалась и бурлила. Мягкие струи поднимали меня, обвивали мощным объятием, потом отступали, а я раскачивался на поверхности, как пробка. Брызги падали мне на лицо, попадали в глаза...

Я чувствовал себя, как ребенок, взобравшийся на высокое дерево несмотря на запрещение старших.

Но рев и толчки бурлящей воды и густая водяная пыль словно превратили меня в ничтожную песчинку перед лицом стихии. Мне стало страшно, и я быстро поплыл назад.

Стоя на твердой почве рядом с тремя аборигенами, но все еще чувствуя себя, как ребенок, отставший от матери, я спросил:

- Почему вы не поплыли со мной? Там очень хорошо.

- В таких местах водятся крокодилы, - ответил Дэвид.

38. Изображения в пещере

Гурмалулу - рослый красивый мужчина с реки Ливерпуль - был художником, сам того не сознавая. Он отличался скромностью; его жена, наоборот, была легкомысленной женщиной. Случалось, она убегала с другим мужчиной, и тогда Гурмалулу ее бил.

Из слов его родичей я заключил, что в семейной жизни ему не повезло. Но родичи гордились его рисунками. Их гордость возросла, когда я дал ему табак за рисунок, изображавший молнию.

С этого момента они все время держались возле него. Когда он приносил мне очередное произведение, его всегда окружала группа возбужденных людей. Обычно один из родственников брал рисунок из рук Гурмалулу и протягивал его мне с видом антиквара, показывающего состоятельному клиенту подлинное творение Пикассо. Потом они окружали меня, а Гурмалулу скромно держался сзади. Они расценивали любое мое восклицание или слово похвалы как повод для повышения стоимости рисунка и начинали радостно переговариваться между собой. Сам Гурмалулу хранил молчание.

Неодобрительное замечание с моей стороны всегда сильно огорчало родственников, но не производило почти никакого впечатления на самого художника.

Расквитавшись со всеми родственниками табаком, я просил, чтобы мне дали поговорить с Гурмалулу наедине. Они с готовностью уходили, отчаянно дымя. Тут я давал табак Гурмалулу и беседовал с ним о рисунках.

Однажды он подошел ко мне вместе с двумя пожилыми мужчинами, которых я прежде не видел. Гурмалулу протянул мне маленький рисунок, сделанный

на коре. Судя по тому, как держались он и его спутники, этой работе придавалось большое значение. На сей раз Гурмалулу преодолел свою застенчивость и держался гордо.

На коре был изображен обрядовый пояс из перьев. Бесхитростный и точный, рисунок сразу привлек мое внимание.

Молчание трех аборигенов и их особое почтение к рисунку тоже подействовали на меня. Прежде чем одарить их табаком, я их тепло поблагодарил.

Один из стариков объяснил мне, что это - священный пояс, одеваемый во время обрядов, в которых принимают участие только мужчины. Из-за незнания сложных обычаев и различных табу, связанных с системой родства, я не редко совершал промахи во время общения с аборигенами. Поэтому я решил убрать рисунок в чемодан, чтобы эти люди знали, что никто не увидит рисунок. Держа его в руке, я пошел по веранде в свою комнату. Тут мне повстречались местные девушки, работавшие в здании миссии. Бросив взгляд на рисунок, они с криком убежали.

Один из стариков громко закричал. Схватив меня за плечо, он взволнованно произнес:

- Женщины не должны это видеть! Наказание - смерть.

Другой мужчина выхватил у меня из рук рисунок и прижал к груди.

- Они ничего не видели, - оправдывался я. - Я закрывал рисунок рукой!

Однако неубедительность этого довода была очевидна мне самому. Я был очень огорчен.

Казалось, мое искреннее раскаяние несколько успокоило аборигенов. Старик возвратил мне рисунок. Я сказал, что очень раскаиваюсь в своей глупости, - но ведь я не знаю их обычаев. Я пригласил их пройти ко

мне в комнату, чтобы они своими глазами видели, как я спрячу рисунок. Когда я положил его на дно чемодана, аборигены успокоились, и мы пожали друг другу руки. Я знал, что они придают большое значение церемонии рукопожатия, позаимствовав ее у белых.

Этот инцидент не изменил моих отношений с Гурмалулу, и он продолжал делать для меня рисунки на бумаге, которой я его снабжал. Сначала он держал карандаш неловко, но со временем научился им владеть.

Я был убежден, что Гурмалулу и многие другие аборигены, чьи рисунки я видел, одаренные художники; если их работу поощрять, они смогут внести большой вклад в австралийскую культуру.

Аборигены, с которыми я беседовал об их рисунках, часто упоминали о пещере, находящейся неподалеку от миссии Оэнпелли. По их словам, потолок и стены пещеры покрыты рисунками, сделанными задолго до прихода белых. О происхождении этих рисунков не могли ничего сказать даже самые старые коренные жители. Они утверждали, что рисунки эти существуют испокон веков.

Вудхарт побывал в этой пещере на вершине горы по другую сторону плоскогорья. Он предложил провести меня туда. Хотя я не был уверен, что сумею взобраться на гору, мы решили попытаться. До подножия горы, расположенной в лесистой болотистой местности (примерно в шести милях от миссии Оэнпелли), можно было добраться верхом.

Однажды утром Дэвид и еще два аборигена привели лошадей. Мы отправились в путь впятером.

Мы ехали через заросли друг за другом. Лошади брели по воде, из-под копыт летели мелкие брызги, от которых гладкая поверхность воды покрывалась рябью. Иногда вода доходила лошадям до колен.

Было жарко, лошадям захотелось пить. Вода в ручье была совсем прозрачная. Я видел крохотных рыбок, метнувшихся в тень голубых водяных лилий.

Закричали гуси. Черный жеребец Дэвида, приподняв над водой морду, с которой падали серебристые капли, воды, наблюдал за полетом гусей, наострив уши.

Голубые зимородки быстро взлетали в воздух. Слышался резкий крик испуганных попугаев. Мы поехали дальше. Лошади обходили те места, где в воде чернели глубокие ямы. Время от времени они увязали в иле.

Наконец мы выехали на высокое место. Лужайки, поросшие густой травой, благоухали. В зарослях кустарника, где почва была сухой, среди казуарин и банксий росли камедные деревья. Красные цветы этих деревьев, которые, как я думал, встречаются только в Западной Австралии, выделялись на фоне более скромных кистей акации и жимолости.

Из высокой травы нам кивали нежные цветочки. Их никогда не касались ни ветерок, ни свет солнца. Когда мы, проезжая, раздвигали стебли скрывавшей их травы, они, словно пугаясь открывшегося над ними неба, вздрагивали и приникали к земле.

Мы погнали лошадей по протоптанной животными узкой тропинке, вившейся в траве. Вудхарт ехал впереди меня. Его лошадь рассекала траву, которая тут же снова выпрямлялась, стегая меня по лицу.

За травянистыми участками тянулась болотистая полоса и полоса кустарника, а дальше начинался крутой подъем в гору. У подножия горы стояли деревья. На каменистых склонах местами росла трава, казавшаяся еще зеленее на фоне скал, из-под которых сочилась вода. Низкорослые фиговые деревья росли в самых немыслимых местах - в расщелинах песчаника, на уступах, в трещинах отвесных скал. Их корни обвивались вокруг камней, как змеи.

Привязав лошадей в тени деревьев, мы начали подъем. Жаркое солнце накалило скалы, по которым нам приходилось карабкаться. Мы продвигались вперед с трудом.

Дэвид сорвал какие-то желтые плоды и дал мне попробовать.

- Вкусная еда, - сказал он.

Он назвал эти плоды мунгбатбиди и ел их с удовольствием. Кислые на вкус, они приятно освежали пересохший от жары рот.

Я чувствовал, что выбиваюсь из сил. Нагретые солнцем скалы дышали зноем. Несколько раз у меня начинала кружиться голова. Ведь мне приходилось буквально ползти по камням! Я прилег в прохладной тени под выступом скалы, глубоко вдыхая воздух.

Тут подошел Дэвид. Он знаками предложил мне влезть к нему на спину. Вудхарт уже несколько раз предлагал мне такой способ передвижения, но пока что я обходился без посторонней помощи. Дэвид не отличался богатырским сложением, и я стал доказывать, что ему будет слишком тяжело нести меня. Но Дэвид только усмехнулся. И действительно, когда я взобрался к нему на спину, он продолжал идти все так же легко и свободно.

Наконец мы достигли высшей точки подъема. Дальше я мог идти сам. Вудхарт и двое других аборигенов, шедших следом за нами, нагнали нас, и мы зашагали по ровной середине гребня, среди травы, камней и деревьев.

Перед нами высилась массивная скала. В незапамятные времена аборигены изобразили на ней известных им рыб и животных. Над площадкой, на которой мы стояли, выдавалась часть скалы, словно огромный навес. Пол этого пещерного навеса поднимался террасами, похожими на гигантские ступени, верхняя из которых находилась в каких-нибудь

двух футах от потолка. Отсюда начиналась ровная площадка, исчезающая в узком темном углублении под скалами.

У песчаника грубая, неровная поверхность. Но эти террасы были такие гладкие, что отражали свет и рука свободно скользила по их поверхности. Должно быть, бесчисленные поколения аборигенов ходили и сидели здесь на протяжении веков. От прикосновения их обнаженных спин и босых ног шероховатость камня сгладилась.

Похоже, что на верхней террасе, которая переходила в пещеру, женщины готовили пищу. Их каменные пестики оставили круглые углубления на поверхности скалы. Края этих углублений сгладились и закруглились от прикосновения рук, но дно, по которому ударяли пестиками, осталось шероховатым. Такие же углубления встречались на других гладких скалах вокруг укрытия.

Дэвид сказал, что в этих углублениях, скорее всего, толкли зерна трав.

Каменный потолок пещерного навеса, от переднего края до темной дальней части над верхней террасой, был покрыт рисунками.

Дэвид высказал предположение, что первобытным художникам, разрисовавшим потолок у края навеса, приходилось привязывать примитивную кисть из коры к длинной палке. Иначе они не смогли бы дотянуться до этой части потолка. Рисунки же над верхней террасой, где расстояние от потолка до пола составляло около двух футов, художники, вероятно, выполняли лежа на спине.

Это были удивительные рисунки. Я понимал, что передо мной работы настоящих художников. Они хорошо передавали замысел своих творцов и отличались такой законченностью и совершенством, что смотреть на них без волнения было невозможно.

Рисунки были выполнены в красных, коричневых, желтых тонах, а также краской пурпурного оттенка. Краской служили размельченные куски охры. Белая краска, встречавшаяся на многих рисунках, приготавливалась из белой глины или растолченного известняка. Черную краску, которую делали из древесного угля, употребляли довольно редко.

Наиболее охотно художники прибегали к темно-коричневым и желтым тонам. Я насчитал три оттенка красного; ни один из них не был ярким.

На этих рисунках люди фигурировали редко. Чаще всего были изображены животные (опоссумы, кенгуру, эму, змеи, черепахи, дюгони). Каждое изображение было покрыто перекрещивающимися тонкими линиями.

Рисунки были ориентированы в различных направлениях, по-видимому, в зависимости от позы художника. Иногда они находили один на другой. Так, голова рыбы исчезла под более поздним изображением черепахи. Огромная змея, протянувшаяся чуть ли не через весь потолок, в одном месте перекрывалась другим рисунком, затем снова появлялась и снова скрывалась под изображением кенгуру. Далее изображение змеи терялось под более поздними рисунками, а те, в свою очередь, в некоторых местах были перекрыты творениями других художников.

Вся поверхность скалы была окрашена охрой разных оттенков. Если прищурить глаза, казалось, что видишь один огромный причудливый узор, исполненный всеми красками земли. Я видел краски, встречавшиеся мне на скалах и холмах Арnhemленда. Если Австралии присущ особый колорит, то он был перед нами.

Взобравшись на верхнюю террасу, я стал продвигаться вглубь. На потолке виднелось много отпечатков рук. В одном месте, на скале, преграждавшей дорогу, отпечаток руки был разрисован узором, выполненным белой и темно-красной краской.

Перед террасами потолок пещерного навеса резко поднимался. Наверное, этот более высокий участок потолка тоже некогда украшали рисунки, но они закоптились от несметного множества костров; лишь кое-где проглядывала краска.

По-видимому, эту часть пещеры аборигены использовали как жилье. Черные пятна указывали на расположение костров. В расщелинах каменного пола застряли раковины моллюсков - остатки пищи, некогда принесенной сюда женщинами с берегов лагуны. В щелях застряли также отщепы кремня. В одном месте у стены лежали целые кучки отщепов: здесь, сидя на корточках на каменном полу пещеры, мужчины некогда изготавливали наконечники для копий. По словам Дэвида, подходящий для наконечников камень можно было раздобыть только на определенной горе, находившейся в нескольких милях от пещеры. Наверное, этот камень доставляли наверх в плетеных сумках по той же дороге, по которой шли мы.

При ударе одного камня о другой раздавался звук, напоминающий звон металла.

Дэвид знаком пригласил меня следовать за ним. Он сказал, что покажет мне еще один рисунок. Судя по выражению его лица, этот рисунок вызывал у него благоговейный страх.

Он повел меня вниз между огромными валунами. Мы вышли к чуть наклонившейся вперед скале. На ее гладкой поверхности я увидел гигантское изображение какого-то злого духа. У подножия скалы лежал большой валун. Должно быть, художник рисовал, стоя на нем. Он изобразил злого духа, как если бы этот дух падал. Одна нога была согнута, как у бегущего человека. Между ног висел гибкий хвост с кисточкой на конце, руки были подняты. Голова имела форму полуоткрытой раковины, повернутой боком. Глаза и нос отсутствовали.

Это была загадочная фигура - из тех, какими меня пугали в детстве.

Когда мы вернулись к пещерному навесу, я сел в тени фиговых деревьев, росших на лужайке, чтобы запечатлеть в памяти всю картину.

Некоторые места напоминают о прошлом красноречивее других. Там, где некогда жили люди, оставившие какие-то следы своего пребывания, все еще витает их дух. Мне казалось, что я вижу ползающих по траве ребятишек; вижу женщин, растирающих зерна на террасах скал, и мужчин, рисующих картины на потолке или изготавливающих каменные орудия, сидя на корточках на полу пещеры.

Чащу, куда не ступала нога человека, можно назвать безлюдной; про эти скалы так не скажешь.

39. Маулан из Йиркалла

Первого художника-аборигена, который в наши дни рисовал охрой и глиной, как некогда его предки, я встретил в миссии Йиркалла на крайнем северо-западе Арнхемленда. Маулан - ему было около пятидесяти лет - держался со спокойной уверенностью. И все же я чувствовал в нем какое-то дикое начало. Он никогда не сможет подчиниться законам белых, подумал я. Его "страной" был песчаный холм у источника близ Порт-Брэдшоу (у залива Карпентария). Это была "земля его предков".

Один из аборигенов сказал мне со слов Маулана, который не говорил по-английски:

- Если какая-нибудь женщина убьет игуану или индюка на этом месте, их может съесть только Маулан и больше никто. А если Маулан ушел оттуда, игуану или индюка могут съесть его брат или сын.

Маулан сообщил мне через переводчика, что разрисовал стены многих пещер. - Одну пещеру близ Порт-Брэдшоу, по его словам, не видел ни один белый. Ее стены сплошь покрыты рисунками; некоторые из них принадлежат Маулану. Он выразил готовность изобразить для меня тотемные знаки на коре. Я всегда интересовался такими знаками, поскольку на них в условной манере изображались реальные предметы. Мне хотелось сравнить трактовку этих предметов с трактовкой на рисунках из Оэнпелли и Милингимби.

Маулан взял куски коры эвкалипта, еще сохранявшие цилиндрическую форму ствола, и стал распрямлять их. Он медленно протащил кору через огонь, держа ее внутренней стороной вниз и надавливая на нее пальцами. Полученные ровные квадраты коры он придавил камнями и положил на

солнце. Через несколько дней они высохли и затвердели.

Маулан рисовал сидя, разложив кору на коленях. Рядом лежали большой плоский камень и ракушка, наполненная водой. Камень этот обычно служил ступкой; на его поверхности имелись округлые ровные углубления, в которых Маулан толлок охру. Куски сухой охры величиной с грецкий орех лежали возле камня: два красных, чуть разных по тону, желтый и коричневый. Ком белой глины и кусок древесного угля дополняли палитру Маулана.

Кистями ему служили кусочки коры эвкалипта длиной около трех дюймов. Кисть для проведения тонких линий была сделана из привязанного к веточке пучка человеческих волос.

Налив несколько капель воды в углубления на большом камне, Маулан растирал круговыми движениями пальцев кусок охры до тех пор, пока жидкость не становилась густой, как сливки.

Приготовленная таким образом краска, высохнув на коре, легко отслаивалась. По словам Маулана, когда рисуют на камне, то добавляют вязкий сок луковиц орхидеи. По-видимому, он сообщает краске прочность.

Первый рисунок на коре, сделанный Мауланом для меня, был исполнен по сплошному красновато-коричневому фону и воспроизводил обряд посвящения юношей в мужчин.

Рисуя, он накладывал мазки от себя. Я ни разу не видел, чтобы он проводил линию, ведя кисть к себе. Завершив мазок, Маулан брал кисть в рот, чтобы вернуть ей первоначальную форму, и снова обмакивал ее в краску.

Как мне объяснил переводчик Маулана, рисунок разделялся ниже середины "следами дикого индюка". Игуана, нарисованная с одной стороны, находилась под

водой; игуана, изображенная на другой стороне рисунка, находилась на суше.

Прямые желтые линии по краям коры изображали берега лагуны, а пересекающие их линии - деревья, на которых жила игуана ("она переходит из одного дома в другой").

Несколько мазков у одного края рисунка обозначали "дерево, где живет красный попугай; не осталось места, чтобы нарисовать самого попугая".

Находясь в Йиркалла, я проводил большую часть времени, сидя с Мауланом под зданием миссии (оно стояло на высоких сваях).

Миссией в Йиркалла руководил фиджиец Колинио Саукуру, приветливый мужчина могучего телосложения.

Аборигены миссии Йиркалла, расположенной между заливом Мелвилл на северном побережье и Порт-Брэдшоу (залив Карпентария), пришли с юга - из окрестностей заливов Каледон и Блу-Мад - и с запада - с побережья заливов Арнхем и Букингэм. Они снискали себе известность тем, что дольше всех сопротивлялись белым. Маулан пользовался авторитетом у соплеменников. Он был не только художником, но и хорошим рассказчиком.

Когда я записывал рассказы Маулана, переводчиком мне служил молодой мужчина, по имени Бурамара, прилично говоривший по-английски.

Бурамара неизменно отказывался от табака, которым я его угощал. "У меня его много", - говорил он. Однако он восхищался моей рубашкой. Так как все остальные мои пожитки оставляли Бурамару равнодушным, пришлось подарить ему рубашку. Когда он ее надел, выяснилось, что она закрывает набедренную повязку. Казалось, что, кроме рубашки, на нем ничего нет. Но Бурамара был в восторге от рубашки. Он и его родичи носили рубашку по очереди.

Маулан, наоборот, всегда жаждал табака. Однажды я достал непечатую жестянку, чтобы угостить его, когда он кончит свой рассказ. Увидев в моей руке курево, он весь подобрался, словно собираясь прыгнуть на меня. В его глазах застыло алчное выражение, а лицо стало таким свирепым, что я невольно отпрянул. Заметив мою реакцию, Маулан изменил выражение лица, но оно еще долго было напряженным. Он медленно протянул руку за табаком, усилием воли удерживаясь, чтобы не схватить его.

40. Что думают об этом белые?

Несколько дней я провел на военно-воздушной базе в Гове в ожидании самолета, который подбросил бы меня в Дарвин. Аборигены, служившие на базе, выполняли обязанности уборщиков; они выполняли и другую работу, но только под контролем белых.

- Черный должен знать свое место, - сказал мне один скотовод. - Я порю своих работников, и они меня уважают. Хорошо вам, филантропам, приезжать сюда с юга и учить нас, как обращаться с черными. Черного понимает только тот, кто много лет прожил на севере. Стоит завести с ним дружбу, как он обнаглеет и потребует равных условий.

Я повторил эти слова военному служащему авиабазы в Гове. Он пришел в негодование. Будучи от природы добрым, он всегда угощал аборигенов сигаретами. Мы с ним часто беседовали об австралийцах. Он называл их "детьми природы".

- Я долго наблюдал их, - говорил он, - и, наконец, научился их понимать. Они совсем, как дети. Наверное, они так и не научатся думать, как взрослые. И все-таки они мне нравятся; они - настоящие дети природы.

Случалось, мы прогуливались с ним по лагерю. Я заметил, что при нашем приближении аборигены обменивались понимающими улыбками и, продолжая улыбаться, ждали, чтобы мы с ними заговорили.

- Привет, Джеки, - окликнул мой спутник одного из аборигенов (он называл всех аборигенов "Джеки"). - Как дела? Все щеголяешь своим браслетом? Вы не находите, мистер Маршалл, что браслет придает ему

нарядный вид? Полюбуйтесь, какие у него рубцы на груди! Ты гордишься ими, верно, Джеки?

Он смотрел на аборигенов снисходительным, слегка ироническим взглядом, как иногда смотрят на детей.

- Что ж, вы, наверное, не прочь закурить? Держу пари, что да! Вот возьмите!

Он дал каждому аборигену по сигарете. Они приняли сигареты с довольной усмешкой, переглядываясь друг с другом.

Когда мы отошли, он сказал:

- Вы видели, с какой гордостью посмотрел на меня этот парень, когда я заговорил о его шрамах? Я всегда стараюсь их за что-нибудь похвалить. Ведь они дети природы!

Какой-то абориген в благодарность за сигареты подарил моему знакомому резной деревянный наконечник для копья. Это было настоящее произведение искусства. Наконечник сочетал в себе изящество и чистоту линий. Мой знакомый очень им гордился. Он всегда носил наконечник в кармане, опасаясь, что иначе его украдут, и часто любовался им. Ему доставляло удовольствие проводить пальцами по плавным изгибам вырезанных линий. При этом он говорил: "Мне здорово повезло! Получить такой подарок!"

Проходя по лагерю, он часто держал руку в кармане и ощупывал наконечник.

Кто-то из летчиков дал одному аборигену-уборщику сломанные ручные часы. Абориген тут же надел часы и не расставался с ними. Он научился передвигать стрелки. Ему доставляло удовольствие проводить пальцем по гладкой поверхности часов.

Приятели завидовали ему. Когда они собирались вокруг него, он начинал передвигать стрелки. Радость обладания часами удваивалась при виде изумления на лицах окружающих.

Однажды, проходя с моим знакомым по лагерю, мы увидели, как этот абориген держит руку с часами перед собой и слегка поворачивает ее. Солнечные лучи падали на часы; часы ослепительно блестели.

Мой спутник торжествующе улыбнулся, словно его слова оказались истиной в последней инстанции.

- Что я вам говорил? - воскликнул он. - Вы только посмотрите на него! Старые ручные часы... Мой маленький брат ведет себя точно так же. Разве это не подтверждает мои слова? Они дети, дети природы!

Тем временем он держал руку в кармане, поглаживая наконечник копья, подаренный ему аборигеном.

Мне вспомнился другой военный. У его девушки был день рождения, и он решил подарить ей ожерелье. Австралийцы, жившие недалеко от базы, где он служил, делали на продажу красивые ожерелья из мелких ракушек и разноцветных горошин.

Абориген, получивший от моего знакомого заказ на такое ожерелье, принес его в лагерь. Надо было положить немало труда на собирание ракушек и горошин, которые затем прокалывали и нанизывали, создавая красивые, веселые сочетания.

- Сколько? - спросил солдат. Тон вопроса выражал его отношение к аборигенам: он ничего не имел против них, но они "должны знать свое место".

- Пять шиллингов, - упрямо ответил продавец, как будто в вопросе белого уже содержалось возражение.

- Вот разбойник! - воскликнул солдат, оборачиваясь ко мне. - Вы слышали? Он хочет пять шиллингов! Этот шутник разыгрывает из себя бизнесмена.

Его не смущало то обстоятельство, что абориген слышал нелестные эпитеты по своему адресу. Стоит ли считаться с австралийцем! Белые привыкли говорить о них все что вздумается в их же присутствии. Говорить

все что вздумается о белых в их присутствии никто не станет.

Солдат снова повернулся к продавцу.

- Говори настоящую цену. Отдашь за шиллинг?

- Пять шиллингов, - невозмутимо повторил тот.

Солдат повернулся ко мне.

- Когда мы сюда приехали, этот шутник был рад отдать ожерелье за шиллинг. Теперь он хочет пять! Армия их развратила. Вот когда мы уйдем отсюда, они придут в себя. Держу пари, если приехать сюда снова спустя полгода, такое ожерелье можно будет получить за сигарету.

- Пять шиллингов!

- Ладно, получай и убирайся. Больше ты с меня пять шиллингов не получишь.

Вечером я сидел у него в палатке. Он где-то раздобыл папиросную бумагу и картонную коробочку и теперь аккуратно выкладывал коробочку папиросной бумагой. Перед тем как уложить ожерелье, он встряхнул его в руке, любуясь им.

- Знаете, - сказал он, - в Мельбурне за такую штучку надо отдать не меньше двадцати пяти шиллингов!

Тут мне вспомнились слова хозяина скотоводческой фермы в Квинсленде:

"Я согласен с вами - с туземцами действительно жестоко обращались в прошлом. Однако у меня немалый опыт по части обращения с черными. Я их хорошо знаю. Они славные люди, но их губят миссии. Пожив в миссии, туземец превращается в лгуна; заставить его работать невозможно. Я никогда не нанимаю туземцев из миссий. Спросите любого скотовода на севере, и вы услышите то же самое. Миссии делают черного неспособным к честному труду, превращают его в лодыря и лгуна.

Коренные жители умеют работать, им можно доверять. На нашей станции им созданы хорошие

условия: они получают достаточно еды и табака, у всех есть одежда. Мы построили для них хижины. Короче, они счастливы, как дети.

Мы учим их быть хорошими животноводами и честными гражданами. Правительству следовало бы закрыть миссии, держать белых подальше от резерваций и предоставить воспитание туземцев скотоводческим фермерам. Тогда на фермах не будет нехватки рабочей силы, туземцы смогут сохранить свои обычаи, а Австралия станет самым крупным производителем продуктов животноводства в мире.

Напишите об этом, когда вернетесь в Мельбурн, и вы не только поможете туземцам, но и окажете услугу Австралии".

41. Заключение

Коренной австралиец, с которым я встретился в одном из миссионерских пунктов, - наблюдательный, способный человек, задумавшийся над будущим своего народа, - так объяснил мне, почему аборигены обосновываются в миссиях:

- Некоторые белые требуют от нас сразу слишком многого. Что мы делали раньше, как жили раньше - их не интересует.

Миссионеры не должны заставлять нас забывать о своем прошлом. Мы никогда о нем не забудем.

Мы говорим: "Мы научились это делать по-иному, теперь мы видим, что так лучше".

Когда мы так говорим, мы говорим искренне. Однако на следующий день наши люди забывают то, чему научились. Им кажется, что лучше жить, как прежде. Все труды белых напрасны. Но австралийцы этого не говорят. Проще пойти и помолиться! Тогда все будет гладко, и им дадут еды.

Мне кажется, что аборигены именно так и относятся к христианству.

Дэзи Бейтс, замечательная англичанка, всю свою жизнь посвятившая аборигенам, так пишет об этом народе в своей книге "Закат аборигенов" (The Passing of Aborigines): "Я легко могла бы научить их молитвам, но не хотела, чтобы они повторяли их, как попугаи..."

Дэзи Бейтс рассказывает об одном умиравшем аборигене, которого она старалась ободрить: "У него за плечами было пятьдесят лет христианства, но он умирал в вере своих предков, устремив свой взор на запад".

Она прожила среди аборигенов более сорока лет.

Когда один человек пытается навязать свои религиозные верования другому, он тем самым вмешивается в его частную жизнь. Христианин с презрением отнесся бы к попыткам мусульманина обратить его в свою веру. Мне кажется, что, если бы не материальные соображения, аборигены точно так же относились бы к попыткам обратить их в христианство. Они делают вид, что приняли христианство, поскольку это в какой-то степени гарантирует им пропитание. Миссии избавляют их от страха перед голодом, дают возможность не выполнять наиболее тягостных обычаев племени и обеспечивают их табаком.

Нелепо уверять коренных австралийцев, что все люди- братья, когда белые отказываются принять их, как равных. Как можно ожидать, чтобы аборигены почитали бога тех, кто эксплуатирует их, считает их просвещение угрозой своему благосостоянию и отказывает им в гражданских правах?

Перевоспитание белых - необходимая предпосылка для прогресса аборигенов. Сегодня белые кичатся своей культурой и цивилизацией, воображая, что наделены особыми правами. Когда их интересы сталкиваются с интересами аборигенов, белые считают, что аборигены должны им уступить,

К аборигенам никогда не относятся с уважением. Среди своих соплеменников, на родной земле, они держатся с достоинством. Они способны высказывать зрелые суждения и размышлять над проблемами, с которыми им приходится сталкиваться. Повседневные правила аборигенов, сложная система родства в ее первоначальном виде как нельзя лучше соответствовали интересам благоденствия племени. При общении с белыми абориген попадает в положение человека "низшего сорта"; как бы хорошо белый с ним ни обращался, он всегда заставляет аборигена чувствовать себя человеком "низшего сорта".

Обычаи, установления и религиозные обряды аборигенов хотят сохранить лишь для того, чтобы демонстрировать их туристам, а в повседневной жизни их хотят заменить религией, которая чужда аборигенам.

Что же удивительного в том, что коренные австралийцы исчезают с лица земли?

Достопочтенный А. Ф. Эллемор из Милингимби, человек, который заслужил любовь аборигенов, так сказал о населении миссий, контролируемых церковью: "Никто не принуждает аборигенов обосноваться на территории миссий; они вольны совсем уйти отсюда, пойти на охоту или для совершения обрядов, когда им заблагорассудится. Никто не собирается нарушить их племенной строй или частично изменить их жизнь путем давления извне".

Мои личные наблюдения в Милингимби подтверждают эти слова, свидетельствующие о новом, честном подходе к разрешению проблемы со стороны таких миссионеров, как Эллемор. Но для решения проблемы нужно нечто большее, чем опека людей, которые руководствуются религиозными мотивами, даже если они преисполнены уважения к местным обычаям. На карту поставлено будущее аборигенов; необходима конструктивная политика при материальной и моральной поддержке правительства.

Верно, что никто силой не принуждает аборигенов поселяться на территории миссий. Но существует принуждение экономическое. Получая в миссии пищу, абориген постепенно попадает в зависимое положение. Он теряет навыки охотника, привыкает к табаку. И, разумеется, под влиянием миссии традиционные верования аборигена неизбежно терпят крах, а это приводит его к конфликту с соплеменниками, продолжающими жить прежней жизнью.

Этические нормы, которых абориген придерживался всю жизнь, не согласуются с христианскими заповедями. Течение его жизни, так четко определенное верованиями предков, нарушается; он твердит прописные истины христианской веры, а в душе страшится своих старых божеств. Принимая важное решение, он оглядывается именно на эти божества.

Путешествуя по северу Австралии, я не встретил ни одного аборигена, сознательно исповедовавшего христианство. За признанием христианской религии кроется иная вера. Аборигены считают, что они - христиане, а на деле сочетают лишь некоторые догматы христианства с верой своих предков. Тем не менее многих из них я уважал, многими восхищался. Они нередко следуют заповедям христианства не потому, что веруют в Христа, а потому, что руководствуются заветами предков.

Как и христиане, они верят в загробную жизнь. У них тоже считается, что, для того чтобы обрести вечную жизнь, необходимо придерживаться определенных правил, - а правила эти основываются на более высоком нравственном кодексе, нежели тот, которого придерживаются белые. Милосердие и верность своим убеждениям - идеалы не только христианской религии. Есть хорошие люди и среди нехристиан.

Главная задача христианских миссий - подготовить аборигенов к загробной жизни; подготовка их к реальной жизни в цивилизованном обществе считается второстепенной задачей.

Проповедовать христианское вероучение вовсе не так важно. Ведь большинство цивилизованных людей на земле не являются христианами.

В наши дни, когда аборигены подверглись влиянию белых, они уже не могут жить жизнью предков. Они

страдают от болезней, принесенных белыми. Им нужны врачи и больницы не в отдаленных городах, а на месте.

Если предоставить коренного австралийца самому себе, он погибнет. Если предоставить его будущим миссиям, он тоже погибнет. Свыше пятидесяти лет миссии боролись за его душу и жизнь, и все-таки, хотя в некоторых миссиях население увеличивается, в целом численность аборигенов продолжает сокращаться.

Прежде всего аборигену нужна вера в справедливость белых, но именно в этом миссии бессильны помочь ему.

Миссионеры не издают законов и не пытаются выступить против белых эксплуататоров, рассматривающих коренных австралийцев как источник дешевой рабочей силы. Алчность и жестокость этих белых угрожают будущему аборигенов. Остановить их могут только энергичные действия правительства,

В Австралии существует рабство - рабство в самой постыдной и жестокой форме. Один чиновник из отдела по делам аборигенов недавно сообщил, что местные женщины на скотоводческой ферме, где он побывал, освежевывают буйволов и обрабатывают тяжелые шкуры, не получая за свой труд никакой платы. Правда, они получают пищу, но, по словам очевидцев, это сущие отбросы.

В нашей "свободной стране" коренных австралийцев все еще сковывают цепями и секут; они все еще вынуждены жить, как скотина; их гноят в тюрьмах за преступления, которые совершены ими бессознательно.

У нас все еще можно, купив за десять шиллингов разрешение нанимать аборигенов, получить неограниченную власть над любым их числом; можно получать баснословные прибыли от даровой работы женщин, можно убить аборигена, не опасаясь наказания. Белым все можно!

Доктор Дональд Ф. Томсон, известный австралийский этнограф, писал в одной из своих статей об аборигенах: "Аборигенов можно спасти, если правительство действительно захочет их спасти".

Решение этой задачи - дело первостепенной важности. Оно выше политики, выше интересов миссий, крупных скотоводов, охотников за буйволами и скупщиков трепангов, выше интересов всех, кто наживается за счет народа, некогда владевшего Австралией.

Любые планы будущего устройства аборигенов должны гарантировать ему свободы, провозглашенные в Атлантической хартии. Надо помнить, что кровь у всех людей красная, что ум человека не зависит от цвета кожи, что расизм отживший предрассудок.

Если мы не будем об этом помнить и этим руководствоваться, дети наши скажут, что наши руки обагрены кровью австралийских аборигенов.